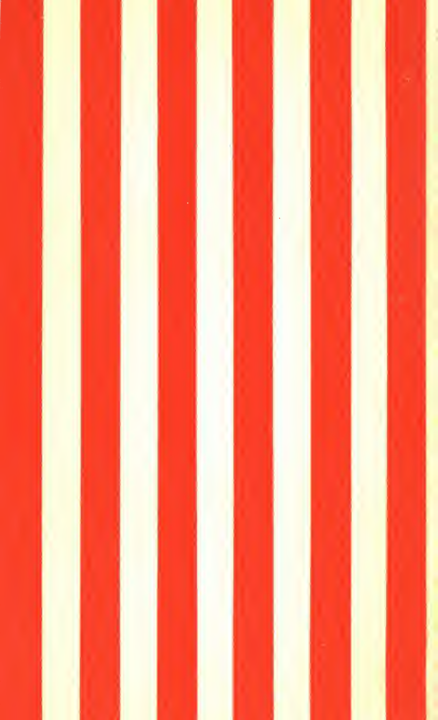
1036 дней президента
КЕННЕДИ

TED STATES OF AMERICA * STATE
UNUM

ЗАПАД
НАШИХ ДНЕЙ

US



АНАТОЛИЙ ГРОМЫКО

1036 дней президента КЕННЕДИ

ИПЛ

Москва • 1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

32И
Г87

Громыко Анатолий Андреевич.
Г87 1036 дней президента Кеннеди. М., Политиздат, 1969.
279 с. с илл. (Запад наших дней).

Книга посвящена внешней политике правительства Кеннеди; вместе с тем автор рисует картину сложной и противоречивой политической жизни Америки 60-х годов, показывает, как и кем формируется внешнеполитический курс США, анализирует причины роста его агрессивности и авантюризма.

1—11—5
276—67 32И

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жизнь и деятельность Джона Фитцджеральда Кеннеди является лишь одним, правда довольно крупным, фрагментом хаотичной панорамы под названием «США». Знакомство с ним позволит лучше представить всю панораму в целом.

1036 дней находился Джон Кеннеди на посту президента США. Этому предшествовала его длительная борьба с политическими соперниками как в демократической, так и в республиканской партиях. Дорога в Белый дом для Кеннеди была не из легких. Она была куда более терниста, чем, например, дорога Трумэна или Эйзенхауэра. Трагичным оказался и конец пути молодого президента.

Методы, с помощью которых Кеннеди пришел к власти, характер его деятельности на посту президента и само убийство в Далласе — все это тесно переплетается, одно дополняя другое. Этот поток событий при внимательном анализе помогает раскрыть многие тайные пружины американской внутренней и внешней политики.

Исследуемый период жизни Джона Кеннеди, 35-го президента США, приходится на конец 50-х и начало 60-х годов. Это был период, когда на международной арене особенно ярко стал проявляться кризис антикоммунизма, участились провалы американской внешней политики, ухудшилось экономическое положение США, усилились межимпериалистические противоречия, достигло небывалого размаха национально-освободительное движение. Советский Союз, первое в мире

социалистическое государство, преодолев послевоенные трудности, стремительно развивал свою экономику, культуру, науку и образование. Во всем мире росло влияние коммунистических идей. В то же время влияние буржуазной идеологии падало. Все эти процессы вызывали глубокую тревогу у того, кто является хозяином американской экономики и направляет американскую внешнюю политику,— у монополистического капитала США.

На рубеже 60-х годов особенно активизировались силы крайне правой реакции США. Военно-промышленный комплекс — монополии, военщина и ЦРУ — все более увеличивали свое воздействие на внешнеполитические дела. Они требовали дальнейшего развертывания гонки вооружений, усиления подрывной деятельности против социалистических и развивающихся стран. На примере президентства Кеннеди можно проследить, насколько в США влиятельны и, по существу, верховодят в государственных делах силы правой реакции. Это, конечно, не означает, что в США как в период президентства Кеннеди, так и в настоящее время среди правящих кругов нет других сил, которые подходят к оценке международных отношений с более трезвых позиций. Такие силы в США есть, но, к сожалению, можно констатировать, что они куда менее влиятельны, чем военно-промышленный комплекс, роль которого непрерывно возрастает.

Деятельность Джона Кеннеди в конгрессе США, его приход к власти, работа на посту президента находились в самом эпицентре сил, диктующих, контролирующих и направляющих внешнюю политику США. Нетрудно убедиться в том, что хотя личные взгляды президента и его окружения на проблемы политики и играли определенную роль в формировании внешнеполитического курса США, но не они долгое время являлись решающими в его деятельности.

Первые два года президент Кеннеди в значительной степени идет на поводу сторонников «холодной войны», поддерживая особенно тесную связь как при формировании правительства, так и при осуществлении внешней политики США с уолл-стритовской монополистической группировкой. Правда, уже в эти два года, после провала в апреле 1961 года авантюры против

народной Кубы, Кеннеди нередко не поддается до конца давлению американской военщины, требовавшей от него крайне авантюристических действий в целом ряде вопросов. Но только на третий год своего президентства Кеннеди делает попытку хотя бы отчасти выйти из порочного круга политики «холодной войны». Надо сказать, что результаты таких его шагов, пусть и недостаточно решительных, положительно сказались на международной обстановке, развитии советско-американских отношений. Вместе с тем летом и осенью 1963 года в США усилиями крайней реакции была развернута широкая кампания против Кеннеди, в которую активно включились политики такого калибра, как Р. Никсон, Б. Голдуотер, Н. Рокфеллер.

К концу своих дней Джон Кеннеди стал открыто склоняться в пользу того, чтобы проводить более трезвый курс во внешнеполитических делах. Именно более трезвый, а не прогрессивный, ибо президент США как руководитель главного империалистического государства, из-за многих обстоятельств, и в первую очередь из-за постоянного давления на него военно-промышленного комплекса, лишен возможности проводить действительно прогрессивную политику. Этого ему никогда не позволил бы сделать монополистический капитал США. Но это вместе с тем не означает, что президент США не мог попытаться, руководствуясь логикой реальных фактов, учетом соотношения сил на международной арене (и оставаясь, разумеется, убежденным защитником капитализма), посчитать, что исторический спор между социализмом и капитализмом следует вести не на путях военных авантюр, а с помощью мирного сосуществования, исключающего войну как средство решения политических проблем.

«Ленин учил,— отметил тов. Л. И. Брежнев в докладе «Пятьдесят лет великих побед социализма»,— что во внешней политике надо принимать в расчет как замыслы империалистических авантюристов, так и позицию благоразумных представителей буржуазии». Внимательное изучение позиций различных группировок в правящем стане США позволит яснее представить, как там проходит борьба между «ястребами» и «голубями», между открыто агрессивными силами империализма и сторонниками более разумной политики.

США — наиболее могущественная империалистическая держава. Агрессивная внешняя политика их правящих кругов оказывает сильное отрицательное влияние на международную обстановку. Вместе с тем эта политика во всем мире наталкивается на все растущее сопротивление социалистических стран и сил национально-освободительного движения. Растет недовольство курсом нынешнего правительства США и у многих представителей западноевропейской буржуазии, которые все лучше начинают понимать, что подлинная безопасность европейских и других народов может базироваться лишь на утверждении в международных отношениях принципов невмешательства в дела других народов и уважения их суверенитета.

Именно эти принципы международных отношений не хочет признавать американская политическая верхушка и стоящие за ее спиной наиболее влиятельные представители монополистов. Эта их реакционная позиция отравляет международную обстановку. Тем более очевидно, что необходимо знать их действия и образ мысли, разоблачать их агрессию и экспансионизм, склонность многих к авантюризму, так же как и видеть положительные тенденции в американской внешней политике, когда они появляются.

За последнее время как в Соединенных Штатах, так и в других странах появляется все больше работ, посвященных деятельности Кеннеди и возглавлявшегося им правительства. В США, например, вышли объемистые мемуары ближайших советников Кеннеди Т. Соренсена и А. Шлезингера. Публикуются работы и других американских политических деятелей, ученых и журналистов. Советские американисты также критически осмысливают этот период. Можно, к примеру, назвать интересные исследования в этой области докторов исторических наук В. С. Зорина и Н. Н. Яковлева.

Данный труд также преследует цель осветить некоторые стороны президентства Кеннеди и существо важнейших внешнеполитических акций США того периода.

Глава первая. КОНЕЦ ПУТИ

Стояла поздняя техасская осень. Небо было затянуто тяжелыми свинцово-синими облаками. Моросил дождь. Казалось, утро 22 ноября 1963 года так и не порадует солнцем техасцев. Однако вскоре погода начала проясняться, и к 11 часам утра над Далласом засверкало все еще яркое южное солнце.

В 11 часов 35 минут на далласский аэродром произвел посадку самолет военно-воздушных сил США под № 2. В нем прибыл вице-президент США Линдон Джонсон. А пятью минутами позже по взлетному полю стремительно заскользила тень второго самолета американских ВВС под № 1. В нем находился 45-летний президент США Джон Фитцджеральд Кеннеди.

Президент и вице-президент, как всегда, летели на разных самолетах, чтобы не подвергать США опасности, в случае катастрофы одного из них, сразу лишиться двух ведущих политических деятелей.

...Самолет президента медленно подруливал к зданию аэропорта. Трудно сказать, о чем думал Кеннеди, готовясь покинуть самолет, перед которым уже собралась довольно большая толпа встречающих. Однако есть все основания считать, что в глубине души он испытывал мрачные опасения в связи со своей поездкой в цитадель американских расистов.

Опасения тревожили не только самого Кеннеди, но и его супругу Жаклин и близкого друга Кеннеди О'Доннела. Не случайно все трое утром 22 ноября, позавтракав в гостинице перед тем, как вылететь в Даллас, беседовали на не совсем обычную тему — о степени

риска, которому подвергается Джон Кеннеди во время своих публичных выступлений. Кеннеди сказал тогда: «Если бы кто-нибудь действительно захотел застрелить президента США, то это была бы не очень трудная работа. Все, что ему надо было бы сделать, так это забраться в высокое здание, имея телескопическую винтовку, и никто ничего не мог бы сделать, чтобы предотвратить подобную попытку...»

Президент не подозревал, насколько он был близок к истине.

Основной причиной поездки Джона Кеннеди в Техас явилось желание укрепить в этом южном штате, родине вице-президента Джонсона, свой престиж накануне президентских выборов 1964 года. На выборах 1960 года Кеннеди чуть было не проиграл в Техасе выборы представителю республиканской партии Никсону. Решение Кеннеди совершить эту поездку укрепилось и после скандального приема, который оказали жители Далласа, или по крайней мере часть из них, члену правительства США Эдлаю Стивенсону, когда он выступил там с призывом поддерживать политику Кеннеди. Стивенсон подвергся физическому насилию. Какой-то берчист ударил его избирательным плакатом по голове.

Подготовка программы и маршрута поездки Кеннеди были поручены губернатору штата Техас Коннели и специальному помощнику президента О'Доннелу. Было решено, что в Далласе на поездку автомобилем от аэродрома до места, где в честь Кеннеди городские власти и бизнесмены планировали дать обед, будет отведено 45 минут. 19 ноября в далласских газетах был опубликован маршрут следования президентского кортежа. На одном из его участков автомашина президента должна была проехать по Эльм-стрит, постепенно спускавшейся под железнодорожный виадук. Секретная служба США не возражала против такого маршрута, так же как и против поездки Кеннеди в открытом, незащищенном автомобиле.

И вот Кеннеди в Далласе. В 11.50 по местному времени президентский кортеж направился с аэродрома в город. В первой автомашине на заднем сиденье расположились Кеннеди с супругой, а на откидных сиденьях — губернатор штата Техас Коннели с супругой.

На переднем сиденье автомашины разместились два агента секретной службы по охране президента. Непосредственно за автомашиной Кеннеди шла вторая, в которой находилось еще восемь агентов охраны. Третьей следовала автомашина вице-президента Л. Джонсона, за которой также ехала автомашина с охранниками. За ней тянулись автомобили встречавших Кеннеди местных представителей и прессы.

Остался позади пригород Далласа. Президентский кортеж въехал на Мэйн-стрит, основную артерию торгового района города, пересекавшую его с востока на запад. Встречающих становилось все больше. Щурясь от солнца, Кеннеди с любопытством разглядывал стоявших на тротуарах людей, пришедших если и не приветствовать его, то уж во всяком случае посмотреть на президента США. Ничто, казалось, не предвещало опасности.

В конце Мэйн-стрит колонна автомобилей повернула вправо, на Хьюстон-стрит. Впереди, на перекрестке Хьюстон-стрит с Эльм-стрит, возвышалось семиэтажное оранжевое кирпичное здание. Это был книжный склад. Время на часах одного из зданий показывало 12.30. Машина президента медленно сделала левый поворот на Эльм-стрит.

Секундами позже в быстрой последовательности раздались сухие щелчки выстрелов. Позднее очевидцы убийства Кеннеди утверждали, что стреляли как из книжного склада, так и со стороны железнодорожного виадука. Последнее, однако, упорно отрицалось официальным следствием. Джон Кеннеди был смертельно ранен — в шею и голову.

Трагические события развивались с калейдоскопической быстротой. Вряд ли стоит их вновь подробно пересказывать. Однако если воспроизвести хронику событий пятницы 22 ноября 1963 года в изложении американских телеграфных агентств (по далласскому времени), приведенном в книге Поля Лесура «Кто вы, г-н Джонсон?», то она выглядит примерно следующим образом:

12 час. 43 мин. Неизвестный стрелял в Кеннеди, когда он проезжал по улицам Далласа.

12 час. 45 мин. Фотограф из свиты президента заявил, что у Кеннеди хлынула кровь из головы.

12 час. 46 мин. Г-жа Кеннеди, сидевшая рядом с мужем, склонилась к нему и воскликнула: «О нет, нет!»

12 час. 47 мин. Президент Кеннеди отправлен в госпиталь.

12 час. 49 мин. Фотограф добавил, что слышал два выстрела.

12 час. 52 мин. Помощник президента Кеннет О'Донел не дал ответа на вопрос корреспондента Ассошиэйтед Пресс: «Жив ли президент?»

Президент Кеннеди находится в Парклэндском госпитале, близ Далласа.

12 час. 54 мин. Президент Кеннеди и губернатор штата Техас Джон Коннели стали сегодня жертвами покушения, но еще не известно, убит ли кто-нибудь из них.

12 час. 57 мин. Пресс-служба Белого дома в Вашингтоне заявила, что не располагает другими сведениями о покушении на Кеннеди, кроме тех, которые были опубликованы в печати.

12 час. 59 мин. Сообщается, что по автомобилю президента Кеннеди было сделано три выстрела. Репортеры видели президента, лежащего в автомобиле, который въезжал во двор госпиталя.

13 час. 02 мин. Представитель техасской организации демократической партии сказал, что состояние президента «очень тяжелое».

13 час. 08 мин. Президент Кеннеди по-прежнему находится в палате неотложной помощи госпиталя в Далласе, куда его отвезли. Другая жертва покушения — губернатор штата Техас отправлен в операционную.

13 час. 11 мин. Секретарь Белого дома по делам печати заявил, что к изголовью президента Кеннеди вызваны два католических священника.

13 час. 15 мин. Из госпиталя в Далласе сообщили, что для спасения жизни президента Кеннеди ему сделано несколько переливаний крови.

13 час. 21 мин. Распространился слух, что Кеннеди умер; официальных подтверждений нет.

13 час. 31 мин. Священник, соборовавший Кеннеди, по выходе из госпиталя заявил, что «не верит, что президент Кеннеди умрет».

13 час. 34 мин. Джон Фитцджеральд Кеннеди скончался.

13 час. 36 мин. Вашингтон подтвердил сообщение о смерти президента.

13 час. 38 мин. Полиция ищет человека в возрасте около 30 лет, который, возможно, совершил покушение.

13 час. 41 мин. Вице-президент Джонсон автоматически становится президентом США.

13 час. 46 мин. Сенат США прекратил работу.

13 час. 47 мин. В Нью-Йорке закрылась биржа.

13 час. 48 мин. В толпе людей раздались рыдания, когда священники, соборовавшие президента Кеннеди, объявили о его смерти.

13 час. 49 мин. ТАСС сообщил о покушении на президента Кеннеди.

15 час. 41 мин. Гроб с телом президента США помещен в самолет, направлявшийся в Вашингтон.

16 час. 21 мин. В разных местах Далласа арестовано несколько подозрительных лиц, у которых найдено оружие.

17 час. 53 мин. Бронзовый гроб с телом президента Кеннеди доставлен в Вашингтон.

18 час. 23 мин. Новый президент созвал совещание лидеров обеих партий в конгрессе.

20 час. 00 мин. Освальду предъявлено официальное обвинение в убийстве...

С первых дней убийства Кеннеди всех, естественно, волнует вопрос, кто был его убийцей. И по сей день ответа на этот вопрос, по существу, не дано. Похоже, что все концы преступления запрятаны глубоко в воду.

Как известно, человек, которому предъявили обвинение в убийстве Кеннеди, Ли Харви Освальд, был застрелен в полицейском участке владельцем ночного кабаре неким Джеком Руби, позже умершим в тюремном госпитале. На всех перипетиях этой зловещей истории, видимо, не стоит останавливаться подробно, так как уже публиковавшиеся в печати факты широко известны. Можно лишь отметить, что в ноябре 1963 года все, в том числе и в США, задавали себе вопрос, как могло случиться, что хваленая секретная служба Соединенных Штатов, которой поручено охранять

президента, допустила столько легкомыслия и ошибок, не сумев предотвратить его трагического убийства? Как могло случиться, что единственный американец, схваченный за якобы совершенное им преступление, был тут же прикончен буквально на глазах у всех и, естественно, уже не мог дать никаких показаний?

Эти вопросы волновали мировую общественность и прежде всего американский народ. Ожидали быстрого и самого тщательного правительственного расследования. 29 ноября 1963 года приказом президента Джонсона была учреждена специальная комиссия по расследованию обстоятельств убийства президента Кеннеди. Во главе комиссии, состоявшей из семи человек (двух сенаторов, двух членов палаты представителей, бывшего руководителя ЦРУ Аллена Даллеса и банкира Джона Макклоя), был поставлен председатель Верховного суда США Эрл Уоррен. Последний некоторое время решительно отказывался от назначения, и только личное обращение к нему Линдона Джонсона заставило Уоррена согласиться взяться за расследование.

Почти десять месяцев продолжалась работа комиссии Уоррена. Основной ее задачей, согласно указанию Джонсона, было установить факты, имевшие место во время убийства Кеннеди и последующего убийства Освальда. 24 сентября 1964 года комиссия Уоррена представила Белому дому пространный доклад, допросив 552 свидетеля. Основной вывод комиссии гласил, что выстрелы, явившиеся причиной смерти президента Кеннеди, были сделаны американцем Ли Харви Освальдом. Комиссия также пришла к выводу, что убийство президента не было делом рук какой-либо группы заговорщиков и что Освальд действовал в одиночку. Такова официальная версия об убийстве Джона Кеннеди.

Но как считают многие в США, расследование не было в достаточной степени ни скрупулезным, ни беспристрастным. Далеко не всех американцев удовлетворил 27-томный доклад комиссии Уоррена, и не всем он показался убедительным.

На Западе, в том числе и в США, появились многочисленные статьи и целые исследования, авторы которых считают, что загадка убийства Джона Кеннеди все

еще не разгадана. Об этом во всеуслышание заявляют ученые и юристы, журналисты и историки. Для примера можно назвать имена Сильвана Фокса, Гарольда Вайсберга, Томаса Бьюкенена, Эдварда Эпштейна, Марка Лейна, Фреда Кука, Иоахима Йостена, Хью Тревор-Ропера, Джошиа Томпсона и многих других, которые склоняются к тому, что убийство президента — дело целой группы людей, а не «одиночки». Правительство США все версии, кроме официальной, до сих пор опровергало.

После кончины Кеннеди прошло уже около пяти лет, но и сейчас многие обстоятельства, связанные с его убийством, все еще остаются в тени и, вполне вероятно, никогда не будут выяснены полностью. Однако разобраться до конца во всей этой зловещей истории — дело чести самих американцев.

Можно, конечно, верить или не верить официальной версии убийства Кеннеди. Можно принимать или отвергать приводимые в ней факты и суждения, порой более похожие на полуправду. Но нельзя, на наш взгляд, следовать точке зрения, будто убийство в Далласе было совершенно случайным явлением. И дело здесь не в личности убийцы, кто бы им ни был.

Вопрос о том, кто убил президента, может никогда не получить четкого и ясного ответа. По-другому, однако, обстоит дело с вопросом, почему был убит Кеннеди. Ответ на него возможен.

«Убийство века» могло иметь целый ряд причин, которые, сплетясь в тугой зловещий клубок, побудили убийцу или убийц совершить свое преступление. Общеизвестно, например, какую яростную конкурентную борьбу ведут между собой различные группы американского монополистического капитала и к каким трагическим последствиям это нередко приводит для отдельных даже очень влиятельных и богатых лиц. Принадлежавший к бостонской финансовой группировке, тесно связанной с Уолл-стритом, Джон Кеннеди, без сомнения, не устраивал многих соперников-монополистов. Они не только завидовали ему, но и побаивались его. Ведь, находясь в Белом доме, Джон Кеннеди обладал широкими возможностями давать «зеленую улицу» одним воротилам бизнеса, «не замечая», а то и ущемляя других.

Водоворот безжалостной конкурентной борьбы, втягивающий в себя в капиталистической Америке всех и вся, породил кое у кого в отношении молодого, энергичного и в общем-то удачливого президента чувство сначала зависти и недовольства, а затем, по мере того как Кеннеди стал проявлять политический реализм, и злобы, переросшей в ненависть. Ведь ни для кого не секрет, что в ряде штатов США, в том числе и в Техасе, местные газеты, находящиеся под контролем влиятельных сил, изо дня в день подвергали нападкам президента, сравнивая его с «уголовным преступником». Можно смело считать, что ни один из главных редакторов этих газет не действовал в кампании против Кеннеди, что называется, на свой страх и риск. Совсем нет! Разумно предположить, что он отражал настроения своих хозяев.

На последнем году своего президентства Джон Кеннеди в ряде вопросов внешней политики и советско-американских отношений стал в какой-то мере отходить от догм «холодной войны». И хотя это был еле заметный шаг, но и его многие из правящей верхушки США сочли «опасным». «Лучше быть на грани войны, чем бояться, как курица»,— кричали летом и осенью 1963 года многие техасские газеты.

Что же касается берчистов и других американских ультра, то они решили от брани по адресу президента перейти к вполне конкретным угрозам. Траурная рамка, которой было обведено «частное объявление», обливающее грязью Кеннеди (оно появилось в одной из газет Далласа в роковой день его приезда туда), оказалась символической. Было очевидно: в США есть силы, которые готовы любым способом убрать Кеннеди из Белого дома.

Следует также добавить, что в американской жизни культ насилия, прославление насилия доведены до предела. Убийство видного общественного деятеля США Мартина Лютера Кинга в апреле 1968 года было еще одним зловещим примером этого.

Волна политических убийств в США нарастает. 5 июня 1968 года в Лос-Анжелесе было совершено покушение на сенатора Роберта Кеннеди. Сенатор был смертельно ранен в голову и на следующий день скончался. Это убийство еще раз говорит о том, что в США

невиданных масштабов достигли истерия и ярость крайне правой реакции против тех политических и общественных деятелей, которые склонны делать хотя бы малейший шаг в сторону реалистической оценки международного положения и в какой-то степени поддерживают борьбу негритянского населения за свои гражданские права. Известно, например, что сенатор Роберт Кеннеди не раз критиковал политику правительства Джонсона во Вьетнаме.

Итак, можно констатировать, что в последние годы пули в США пускают в головы именно тех, кто в чем-то не согласен с внешнеполитическим курсом американских «ястребов» и выступает против разгула расизма. Можно также отметить, что до сих пор убийцам активистов прогрессивных организаций и видных политических деятелей довольно легко удавалось избежать электрического стула, если даже они попадали в руки американской полиции. Вполне понятно, что такая безнаказанность только разжигает стремление ультра в США совершать политические убийства, которые, как признают сами американцы, становятся обыденным делом в обществе, выдаваемом буржуазными пропагандистами за эталон «демократии».

Смерть Джона Кеннеди обрадовала американских расистов и неофашистов. С облегчением вздохнули, узнав о ней, и многие представители ультрареакционного крыла обеих ведущих партий — республиканской и демократической.

Встает, однако, вопрос: разве Кеннеди не старался всеми силами защищать на международной арене интересы американских капиталистов? Разве своими действиями он хоть в малейшей степени угрожал позициям монополистического капитала США внутри страны? Нет, конечно.

Так в чем же дело?

Ответ на это поможет найти анализ деятельности Джона Кеннеди на посту президента США.

Начнем издалека.

Глава вторая. ДОРОГА В БЕЛЫЙ ДОМ

НАЧАЛЬНЫЕ ШАГИ

В 40-х годах прошлого столетия Ирландия переживала тяжелые времена. Голод душил ирландских крестьян. А когда в стране в 1845 и 1846 годах, два года подряд, случился неурожай картофеля, кормившего крестьян, положение многих из них стало катастрофическим. Ирландцы массами эмигрировали за океан. Пароходы были забиты тысячами измученных людей. Среди них был и Патрик Кеннеди, покинувший Ирландию в 1850 году.

Кеннеди обосновались в Бостоне. Будущий отец Джона — Джозеф Кеннеди родился в 1888 году. Молодой Джо рано усвоил, что в Америке деньги — это все. Сколотить капитал стало его целью.

Двумя важными событиями в жизни Джо были женитьба на дочери мэра Бостона и избрание его в возрасте 25 лет президентом спасенного им же самим от банкротства небольшого городского банка. Последний шаг Джозефа Кеннеди был связан со значительным риском, так как для того, чтобы поправить дела банка, ему пришлось залезть в долги. Но с долгами предприимчивый Джо, породнившийся с семьей одного из самых влиятельных людей города, расплатился довольно быстро.

В 1917 году Джозеф Кеннеди поднялся в деловом мире еще на ступеньку выше. Он стал помощником главного управляющего компании «Бетлихем стил». В это время в Европе бушевала первая мировая война. Кровь лилась рекой. Компания же, в которой работал Джозеф Кеннеди, процветала на военном бизнесе.

Не удивительно, что после окончания первой мировой войны Джозеф сколотил свой первый миллион долларов.

Энергичного бизнесмена приметили в ведущих финансовых кругах Бостона. Один из крупных финансистов, Стоун, берет Джозефа Кеннеди к себе на работу в качестве управляющего инвестиционного банкирского дома «Хейден, Стоун энд К°».

Джозеф Кеннеди быстро овладевает тайнами биржевых операций. Он играет на бирже. Затем расширяет круг своей деловой активности и приобретает контроль над довольно разветвленной сетью кинотеатров Новой Англии. Кинопромышленность надолго становится основной сферой приложения капиталов Джозефа Кеннеди. Свои основные финансовые операции он переносит в Нью-Йорк и Голливуд. В 20-х годах Джозеф Кеннеди уже контролирует несколько крупных кинокомпаний, которые реорганизует, а затем в благоприятный момент продает, получив в итоге солидную прибыль.

Свое основное состояние Джозеф Кеннеди все же сколотил не в Голливуде, а на бирже. Среди финансистов он становится «своим человеком». Джозеф был одним из тех, кого не задел крах биржи и кризис 1929 года. Утверждают, что в этот период с помощью различного рода махинаций ему даже удалось нажить 15 млн. долл.

К 1930 году Джозеф Кеннеди стал крупным миллионером. Он решает заняться политикой и в 1932 году поддерживает кандидатуру Франклина Делано Рузвельта на пост президента США, жертвуя на его избирательную кампанию десятки тысяч долларов. Джозеф Кеннеди вносит в фонд избирательной кампании Рузвельта 75 тыс. долл. Вскоре для этих же целей он собирает еще 100 тыс. долл. «от друзей». В 1936 году пишет книгу «Я — за Рузвельта», в которой в основном поддерживает политику президента. Кеннеди начинает регулярно жертвовать крупные суммы в фонд демократической партии.

Поддержка Джозефом Кеннеди Рузвельта пришлась не по вкусу многим представителям финансовых кругов США. Они начинают считать его отступником. В то же время Джозеф Кеннеди не пользуется доверием и у либеральных кругов США, которые считают его

«азартным игроком с Уолл-стрита». Тем не менее к середине 30-х годов он стал в США достаточно заметной политической фигурой. С его мнением начинает считаться сам президент.

Джон Кеннеди, второй сын из девяти детей Джозефа и Розы Кеннеди, родился 29 мая 1917 года в предместье Бостона — Бруклайне. Здесь прошли его первые детские годы. Затем семья Джозефа Кеннеди переезжает в Нью-Йорк. Джона отдают в местную начальную школу, где он довольно прилежно учится, проявляя особый интерес к истории.

Джон Кеннеди был болезненным ребенком и отличался замкнутым характером. Часто оставаясь в одиночестве и предпочитая его шумным играм, мальчик брался за книги. Пожалуй, в семействе Кеннеди Джон был единственным, кто любил читать. Больше всего он увлекался историей и географией, книгами о похождениях рыцарей, о приключениях первых белых поселенцев Америки и военных баталиях.

В 13 лет Джона отдают в католическую школу-интернат в штате Коннектикут. Там он проучился всего год. Недовольный образованием, которое сыну давали в католической школе, отец отдает его в Чоатскую частную школу, где учились дети только из очень состоятельных семей. Джозеф Кеннеди уделял много времени воспитанию и образованию своих детей в буржуазном духе, настойчиво прививал своим сыновьям интерес к политике. Вот как впоследствии вспоминал об этом брат будущего президента Роберт Кеннеди: «Я могу с трудом вспомнить время, когда семья собралась бы за обеденным столом и не велось беседы на тему о том, какую политику проводит Франклин Рузвельт или что происходит во всем мире». Джозеф Кеннеди старался приобщить своих сыновей к мысли о необходимости активного участия в политической жизни США.

После того как Кеннеди закончил школу в Чоате, Джозеф направил его учиться в Лондонскую школу экономики, где в то время преподавал известный лейборист профессор Гарольд Ласки. Вскоре из-за желтухи занятия в Лондоне пришлось прервать и вернуться в США. Затем, по совету отца, Джон поступает в Гарвардский университет. Во время учебы в университете с ним произошел случай, наложивший заметный отпе-

чаток на всю его жизнь. Играя в американский футбол, Джон повредил себе позвоночник. Впрочем, тогда казалось, что инцидент остался без серьезных последствий.

Во время учебы в Гарвардском университете Кеннеди изучает государственное право и механизм деятельности буржуазного государства. На первых порах учился он довольно посредственно, мало чем увлекался помимо футбола и книг по истории. А тем временем на Европу надвигались зловещие события. Гитлеровская Германия и фашистская Италия набирали силы. Вскоре они применили их на практике. В Испании шла ожесточенная гражданская война, в которой франкисты получали большую помощь от фашистских держав.

После окончания первого курса университета Джон Кеннеди совершает поездку по странам континентальной Европы. Перед его глазами проходят пестрые картины европейской жизни кануна второй мировой войны.

Летом 1937 года в письме своему отцу из Испании Джон отмечает: «95% населения США находятся почти полностью в неведении о положении в этой стране». Говоря о настроениях среди знакомых ему американцев в отношении гражданской войны в Испании, Кеннеди признает, что большинство из них «поддерживают Франко». Он с удивлением обнаруживает, что в республиканской Испании многое делалось для блага народа. В своем дневнике Джон пишет, что «настроен прореспубликански в отношении войны в Испании». Однако это его сочувствие республиканцам, боровшимся против объединенного фронта сил фашизма, вскоре исчезло. По признанию самого Кеннеди, он «охладел» к республиканскому режиму в Испании. В целом Джон Кеннеди не сумел правильно разобраться в реальной ситуации в Европе. Так, он считал, что для Германии и Италии фашизм является «естественным состоянием». (Для США и Англии, по его мнению, естественным состоянием являлась «демократия».)

В конце 1937 года президент Рузвельт назначает Джозефа Кеннеди послом в Великобританию. В своих донесениях Рузвельту новый посол расхваливал пресловутую политику «умиротворения» правительства Чемберлена. Советуя Рузвельту не ввязываться в назревавший в Европе военный конфликт, Джозеф

Кеннеди давал президенту совет «вооружаться для самообороны ввиду возможности всяких случайностей». Поражение Франции весной 1940 года усилило изоляционистские настроения Джозефа Кеннеди.

Пользуясь представившейся возможностью, Джон Кеннеди проводит в Лондоне и во Франции почти все свои каникулы. Во время поездок из Лондона во Францию на отдых Джон не отличался особой осторожностью. Однажды он арендовал старый автомобиль для того, чтобы побыстрее добраться с приятелем из Парижа до Ривьеры на вечеринку. Вообразив себя лихим водителем, Кеннеди так разогнал машину, что на одном из поворотов ее занесло, и она опрокинулась. Пропахав крышей метров десять поля, машина остановилась. Внутри ее царил полный хаос. В наступившей тишине раздался голос Кеннеди, обращавшегося к своему попутчику: «Ну, приятель, похоже, что нам не удалось поспеть туда вовремя»...

Кеннеди приходится по душе образ жизни английского высшего света. Одним из его ближайших друзей становится аристократ Дэвид Ормсби-Гор, впоследствии, когда Кеннеди стал президентом, назначенный английским послом в США. Джон Кеннеди много читает, проглатывая одну за другой книги идеологов британской буржуазии. Он проникается уважением к Англии вигов.

Любимой книгой Кеннеди в тот период была книга лорда Дэвида Сесиля «Мельбурн» — история деятельности Вильяма Лэмба, одного из премьер-министров королевы Виктории. В книге описывалась деятельность группы политических деятелей, чем-то напоминавших клан Кеннеди. Джон Кеннеди восхищается энергией Мельбурна, разнообразием его приемов борьбы со своими противниками, а также искусством даже в сложнейших политических ситуациях достигать компромиссов.

В характере Кеннеди начинает преобладать консервативная осторожность. Он восхищен книгой Джона Бьюкена «Путь пилигрима». И это вполне понятно. Бьюкен считал идеалом людей типа Бэрка и Бальфура, которые не стали бы уничтожать «все здание лишь потому, что кое-где растрескалась штукатурка». Кеннеди нашел у Бьюкена высказывание, принадлежавшее

лорду Фолкленду, которое он любил впоследствии цитировать: «Когда менять не надо — менять не следует».

Другим «героем» Кеннеди становится лорд Рандольф Черчилль, отец Уинстона Черчилля. С самим Уинстоном Черчиллем Джон Кеннеди длительное время так и не встречался. (Только перед тем, как стать президентом США, отдыхая на юге Франции, Кеннеди был однажды приглашен отобедать на яхте богатого греческого судовладельца Онассиса. На встрече присутствовал и Черчилль. Это был уже дряхлый старик, и, как впоследствии вспоминал Кеннеди, беседы между ними не получилось).

Однако У. Черчилль также произвел на Кеннеди впечатление тем, что энергично отстаивал интересы английской буржуазии, проявляя верх политической изворотливости в борьбе с ее империалистическими соперниками. Такая настойчивая и гибкая защита интересов буржуазии своей страны нравилась Кеннеди.

В 1938—1939 годах Джон Кеннеди совершает вторую поездку по странам Европы. На этот раз он посещает Советский Союз, Балканские страны и Средний Восток. На обратном пути Кеннеди останавливается на короткое время в Берлине и Париже.

Во время посещения Берлина Кеннеди с двумя друзьями отправился на автомашине осмотреть город. Когда они проезжали мимо одного из памятников и замедлили ход, чтобы получше его рассмотреть, им представилась следующая картина: штурмовики разложили на мостовой костер из книг, орали, пели фашистский гимн. В огонь летели произведения Маркса, Гёте, Шиллера. Увидев американцев, штурмовики завопили еще громче, а затем стали швырять кирпичами в машину, где находился Кеннеди. Джон и его приятели поспешно ретировались. Джон находился в полном недоумении. «Почему на нас напали?» — спросил он. Американец Вайзер Уайт, живший в Берлине, объяснил: «На нашем автомобиле прикреплен английский номерной знак»...

Так Кеннеди получает возможность увидеть бесчинства нацистов, убедиться, насколько накалена обстановка в Европе, как близка война. Кеннеди размышляет о том, почему Англия так пассивна в отношении агрессивной политики Гитлера, и не находит ответа на этот вопрос.

В 1940 году Джон Кеннеди с отличием заканчивает Гарвардский университет. Отец поздравляет сына и «награждает» денежным чеком на солидную сумму. Свою дипломную работу Кеннеди посвящает английской внешней политике, озаглавив ее «Умиротворение в Мюнхене». В этом сочинении Джон Кеннеди, явно находясь под влиянием отца, пытается оправдать действия Чемберлена, доказывая, что английское правительство якобы было «вынуждено» проводить политику «умиротворения» под давлением английских деловых кругов и пацифистов. Эта работа впоследствии была им с помощью Джозефа Кеннеди опубликована под названием «Почему спала Англия?». Предисловие к книге написал миллионер, владелец газетного концерна Г. Люс.

Пытаясь разобраться в причинах пассивности руководителей английской буржуазии перед надвигавшейся угрозой второй мировой войны, Кеннеди приходит к выводу, что дело здесь не столько в личности того или иного английского буржуазного политика, сколько в «общей слабости демократии».

Кеннеди не смог вскрыть действительные причины, обусловившие соглашательский, мюнхенский дух английской внешней политики перед лицом давления со стороны гитлеровской Германии. Он объяснял эту пассивность главным образом «миролюбием западных демократий», которые, по его мнению, не занимались серьезно своим перевооружением, а «уповали на мир». Он «не заметил» главного — что буржуазия Европы надеялась отвести от себя гитлеровскую агрессию, направив ее на Восток, против Советского Союза.

Книга «Почему спала Англия?» разошлась в США и Великобритании тиражом 80 тыс. экз. Она принесла молодому Кеннеди первую известность и гонорар 40 тыс. долл.

Политическая карьера его отца — Джозефа Кеннеди — рухнула довольно неожиданно. После того как правительство Чемберлена пошло на сделку с Гитлером, заключив позорное Мюнхенское соглашение, Джозеф Кеннеди не скрывает своего одобрения этого курса. В своих выступлениях на английской земле он превозносит Чемберлена и политику «умиротворения» фашистских государств. Это вызывает недовольство президента Рузвельта. Уинстон Черчилль, хорошо

чувствовавший надвигавшуюся на Англию опасность со стороны держав оси Берлин — Рим — Токио, расценивает выступления Джозефа Кеннеди в защиту политики Чемберлена как «прямое вмешательство в английские дела».

1 сентября 1939 года гитлеровские войска ворвались в Польшу, началась вторая мировая война. Осенью 1940 года, возвратившись в США, чтобы принять участие в очередной избирательной кампании по выборам Ф. Рузвельта президентом, Джозеф Кеннеди допускает в отношении Англии бестактное высказывание. В интервью журналистам бостонских газет американский посол в Великобритании заявил: «Я готов использовать все свое влияние, чтобы мы не были втянуты в войну. Нет смысла в нее ввязываться... С демократией в Англии покончено». Даже американское общественное мнение было поставлено в тупик этим заявлением Джозефа Кеннеди. В печати его именовали не иначе как «сторонник умиротворения» фашистской Германии. Рузвельт в нем окончательно разочаровывается. Сразу же после избрания Рузвельта президентом США в 1940 году последовала отставка Джозефа Кеннеди с поста посла США в Лондоне. С этих пор он уже больше не играл в американских правительственных кругах какой-либо видной роли.

После нападения Японии на Пирл-Харбор и начала войны на Тихом океане Джон Кеннеди подает заявление о приеме в армию. Сначала оно отклоняется из-за болезни его позвоночника. Все же ему удается поступить на службу в военно-морской флот. В конце 1942 года Джон Кеннеди получает назначение в отряд торпедных катеров ВМС США. В 1943 году молодого офицера направляют в южную часть Тихого океана, где он командует торпедным катером.

Ночью 2 августа 1943 года Кеннеди едва не погиб, когда в штормовую темную ночь в проливе Фергюсона японский эсминец «Амагири» таранил его торпедный катер «РТ-109», расколов судно пополам. Сильный удар бросил стоявшего у штурвала Кеннеди на палубу. «Так вот как погибают!» — только и успел подумать он. Кеннеди ударяется о палубу больной спиной. Экипаж мгновенно затонувшего торпедного катера, в том числе и Кеннеди, оказался в воде. Японский миноносец скрылся

во мгле так же внезапно, как и появился, не подобрав никого из американцев. Кеннеди и его люди (из 13 членов экипажа погибли 2) некоторое время держались на воде, уцепившись за обломки катера, а затем с трудом вплавь добрались до ближайшего небольшого островка, с которого их затем, после длительных мытарств, снял американский спасательный отряд.

Война, однако, не была так милостива к его старшему брату пилоту Джо. Бомбардировщик, в котором он находился, по неизвестной причине взорвался во время полета в направлении немецкой базы подводных лодок. Это случилось в 1944 году.

После окончания второй мировой войны Кеннеди пробует свои силы на журналистском поприще. В июне 1945 года в качестве представителя херстовской прессы он направляется на Сан-Францисскую конференцию, где, как известно, было достигнуто соглашение об учреждении Организации Объединенных Наций. Кеннеди не понял значения ООН и был разочарован принятым Уставом этой международной организации. В это время он увлекался утопической идеей создания мирового правительства, высказывался в пользу отказа государств от своего суверенитета, считая, что это единственный надежный путь предотвратить новые войны. Кеннеди откровенно заявлял, что настроен «пессимистично в отношении будущего своей страны».

Вскоре Джон Кеннеди расстается с журналистикой. У него просыпается желание попытать счастья на ринге политической борьбы. Эти планы Кеннеди находят самую энергичную поддержку у его отца, который после смерти старшего сына стал возлагать на Джона свои честолюбивые надежды.

Преемственность политической карьеры членов семейства Кеннеди неоднократно затем подчеркивалась Джоном. «Если я умру,— заявил он однажды,— то тогда мой брат Боб захочет стать сенатором, а если что-нибудь случится с ним, то мой брат Тэдди будет стремиться попасть туда вместо нас».

В 1946 году Джон Кеннеди возвращается в Бостон для того, чтобы с головой окунуться в политическую жизнь города.

Политическая карьера Джона Кеннеди началась в одиннадцатом избирательном округе города Бостона по

выборам в конгресс США. По свидетельству очевидцев, Джон некоторое время никак не мог привыкнуть к темным закулисным сторонам политической жизни штата Массачусетс. Он часто говорил: «Пришлось надеть сапоги Джо. Если бы он был жив, то мне никогда не довелось бы заниматься этим»...

СЛУЖБА В КОНГРЕССЕ

Джону Кеннеди было 29 лет, когда в 1947 году он избирается членом палаты представителей конгресса США. Поначалу он чувствовал себя совершенно затерявшимся среди 435 членов палаты. Однако постепенно Кеннеди осознает, что если его намерение заняться политической карьерой является «постоянным бизнесом», то необходимо позаботиться и о своей популярности. Он совершает многочисленные агитационные поездки по штату Массачусетс.

Особое внимание Кеннеди решает уделить проблемам социального обеспечения. Он примыкает к сравнительно немногочисленной группе конгрессменов, время от времени декларирующих, что американские капиталисты в силу необходимости должны больше заниматься вопросами зарплаты, условий труда, жилья, квартирных цен, а также помощью ветеранам войны и престарелым.

Недовольство американских трудящихся традиционной пассивностью правительства США в социальной области — вот тот конек, которого на первых порах оседлал Кеннеди для завоевания престижа у избирателей и прежде всего в американских профсоюзах. Он понимает, что конгрессмену-демократу необходима поддержка правых профсоюзных лидеров и их подручных на местах, чтобы добиться успеха в борьбе с республиканскими соперниками.

На первом плане деятельности Кеннеди в палате представителей — жилищное законодательство. И надо сказать, что эти целенаправленные усилия Кеннеди повлияли на настроения избирателей его округа. Он становится все более популярен среди них. Однако жилищный законопроект, поддержанный некоторыми конгрессменами, в том числе и Кеннеди, в 1948 году был

провален в палате представителей республиканцами и южными демократами (диксикратами).

Кеннеди также выступает и в роли поборника «улучшения условий труда» в США. Он ратует за усиление роли профсоюзов. Их влияние, как известно, возросло в период президентства Рузвельта. Однако после смерти этого выдающегося президента республиканцы и южные демократы в конгрессе США повели атаку на профсоюзы, стремясь ликвидировать отвоеванные ими в 30-е годы права.

Разгорелись страсти вокруг реакционного законопроекта Тафта — Хартли. Здесь от Джона Кеннеди потребовались ясная позиция и твердые суждения. В Кеннеди заговорил капиталист. Он лавирует между двумя группировками конгресса, заявляя, что не одобряет как сторонников сенатора Тафта, утверждавших, что американские профсоюзы обладают «слишком большим влиянием», так и руководителей американских профсоюзов. Так Кеннеди делает попытку примирить два противоположных подхода к проблеме трудового законодательства. «Предприниматели ведут себя своекорыстно, но и профсоюзы ведут себя своекорыстно»,— заявляет Кеннеди в комиссии конгресса. Он критикует огульное осуждение всех видов забастовок, в то же время упрекая бастующих рабочих за их «безответственное поведение».

Лавирование Кеннеди в вопросах трудового законодательства легко объяснимо. Он действует как буржуазный политик, не связанный слишком сильно по рукам и ногам той или иной группой лоббистов. Однако дело было не только в этом. Кеннеди боялся обострения классовой борьбы в США. «Принятие законопроекта Тафта — Хартли,— с опаской заявлял он,— повлечет за собой жестокую и опасную войну с профсоюзами и сыграет на руку профсоюзным радикалам, проповедующим доктрину классовой борьбы».

Законопроект Тафта — Хартли, как известно, был принят подавляющим большинством голосов членов конгресса. Кеннеди был одним из 79 членов палаты представителей, голосовавших против этого законопроекта. Но он сделал это не столько по убеждению, сколько руководствуясь прицелом на будущее. Любопытно, что впоследствии, уже после принятия конгрессом за-

кона Тафта — Хартли, Кеннеди не поддержал требований профсоюзов об отмене этого закона.

После двух лет пребывания в конгрессе Кеннеди начинает все больше заниматься внешней политикой. Поначалу он не отличался самостоятельностью и в этой области. Кеннеди поддерживает пресловутую «доктрину Трумэна» и «план Маршалла», призванные привязать Западную Европу к США с помощью так называемой «экономической помощи». Он критикует правительство США за провалы американской политики в Азии.

После образования Китайской Народной Республики встревоженный Кеннеди призывает американское правительство «не допустить, чтобы надвигающаяся волна коммунизма поглотила всю Азию». Не понимая развития событий в Азии, Кеннеди пытается объяснить потерю американским империализмом своих позиций в Китае только ошибками американской дипломатии и президента Трумэна. Не удивительно, что последний невзлюбил не в меру напористого конгрессмена и не скрывал этого и впоследствии, когда Кеннеди боролся со своими соперниками за пост президента.

«Холодная война», проводившаяся правительством США против Советского Союза и других социалистических стран, оказала свое отрицательное влияние на взгляды Кеннеди. Он был в числе тех в конгрессе, кто способствовал разжиганию «холодной войны». Кеннеди выступает в пользу гонки вооружений. Он требует резкого увеличения американских ВВС, ратует за увеличение военных ассигнований.

В 1951 году Джон Кеннеди предпринимает продолжительную поездку по основным странам НАТО, посещает Англию, Францию, Италию. Затем он направляется в Испанию, Западную Германию, а также в Югославию. По возвращении в США Кеннеди выступает на совместном заседании сенатских комиссий по иностранным делам и вооруженных сил. Он убеждает членов конгресса в стратегическом значении Западной Европы для американского империализма и требует посылки туда дополнительных контингентов американских войск. Наряду с этим он призывает правительство США добиваться от своих западноевропейских партнеров более активного участия в военных усилиях НАТО.

Затем Кеннеди совершает новую поездку за рубеж, посетив страны Ближнего Востока, а вслед за ними Пакистан, Индию, Индокитай, Малайю и Южную Корею. Наблюдая рост национально-освободительной борьбы народов против колониализма западных держав, он испытывает опасения за позиции США в самых разных географических районах. По возвращении в Вашингтон Кеннеди заявляет, что США «слишком сосредоточили свое внимание на Западной Европе». Он требует увеличения американской «помощи» странам Азии, Среднего и Ближнего Востока. Кеннеди рассчитывает, что это усилит зависимость развивающихся стран от США.

В таких вопросах, как, например, гражданские свободы, Кеннеди был очень непоследователен. Он остерегался крайне правых политических деятелей. Он, например, предпочел уклониться от борьбы с реакционным сенатором Джозефом Маккарти, который в начале 50-х годов развернул «поход за ведьмами» и обвинил сотни американских государственных служащих и политических деятелей в том, что те «являются коммунистами» или «сочувствуют» им. В обстановке антикоммунистической истерии с помощью таких методов американская реакция пыталась надеть смирительную рубашку не только на прогрессивных людей, но и на «не в меру активных» либералов. Вместе с тем Кеннеди заявлял, что в сенаторе Маккарти «что-то есть», а в ответ на намеки, что он, Кеннеди, не является истинным либералом, бросил фразу: «Я вовсе не либерал... я не в ладах с ними».

Не выступая против маккартизма, глубоко возмутившего всю прогрессивную Америку, Кеннеди в то же время не шел на явное сближение с ультрареакционерами в конгрессе. Он зачастую не соглашался с критикой политики правительства США представителями правого крыла. Эти люди требовали от правительства еще более активной антикоммунистической и антисоветской политики. Они заявляли, что правительство демократов является «некомпетентным и расточительным». В отличие от многих республиканцев и южан-диксикратов, Кеннеди видел в американском государственном аппарате надежный рычаг, с помощью которого монополистический капитал США более или

менее эффективно проводит в стране и за ее пределами свои интересы. Однако Кеннеди считает крайне необходимой более полную «полезную отдачу» от политики американского правительства.

После нескольких лет службы в палате представителей Джон Кеннеди начинает подумывать о том, чтобы сделать следующий шаг по политической лестнице. У него постепенно созревает решение подготовить почву для своего выдвижения сенатором от штата Массачусетс. Этой цели он добивается с большим упорством, совершая десятки агитационных поездок. К началу 1952 года Кеннеди, например, уже выступил на митингах в сотнях городов и поселках штата.

Вместе с тем Кеннеди «знает свое место» и поэтому дорогу крупным политическим деятелям, как говорится, не перебегает. Прежде чем решиться на борьбу за место сенатора от штата Массачусетс с известным республиканским сенатором Лоджем, Кеннеди покорно ожидает решения губернатора штата Массачусетс Девера.

Поразмыслив, Девер приходит к выводу, что самому ему выступать против опытного Лоджа рискованно: можно потерять пост губернатора и не попасть в сенат. И он предлагает Кеннеди бороться вместо него за место в сенате. Кеннеди принимает это предложение.

Решение Кеннеди бороться с Лоджем многим, в том числе даже родственникам, показалось верхом неосторожности. Было известно, что Лодж обладает хорошими связями по всему штату. Кеннеди придерживался другого мнения. Он верил в силу своей избирательной машины, в силу денег. И хотя у Лоджа их было не меньше, чем у Кеннеди, тем не менее тот решил вступить в борьбу.

В подготовке избирательной кампании Джона Кеннеди в штате Массачусетс принимал участие весь клан Кеннеди, даже его мать Роза. Она проявила себя недюжинным оратором и всегда тонко оценивала ситуацию. Выступая перед избирателями итальянского происхождения, Роза Кеннеди обязательно произносила несколько слов по-итальянски. В Дорчестере с теплотой вспоминала годы, проведенные в тамошней школе. Когда же место проведения митинга не позволяло матери Кеннеди использовать для расположения к себе слушателей данные своей биографии, она доверительно

говорила присутствующим на встрече женщинам: «А теперь позвольте рассказать вам о новых модах, которые я в прошлом месяце видела в Париже».

Как заметил один из друзей Кеннеди, «бедный Лодж в общем-то не имел шансов на победу. Кеннеди напоминали танковую дивизию, продвигавшуюся по всему штату». Члены клана вложили в избирательную кампанию Джона Кеннеди в общей сложности 70 тыс. долл. В избирательный фонд Кеннеди также поступило более 200 других вкладов по тысяче долларов.

Избирательная штаб-квартира Кеннеди в Бостоне действовала как хорошо отлаженный механизм. Специалисты по рекламе разрабатывали программы телевизионных передач, агитировавших за избрание Кеннеди. По всему штату книжные фургоны развозили тысячи экземпляров журнала «Ридерс дайджест» со статьей «Спасение», в которой рассказывалось о мужестве, проявленном Кеннеди во время войны. Для агитаторов, работавших на Кеннеди, был подготовлен специальный справочник, в котором обыгрывались сведения о голосовании Кеннеди в конгрессе. По всему штату семейством Кеннеди устраиваются приемы.

Накануне дня выборов, когда Кеннеди совершал свою последнюю избирательную поездку по штату, для поднятия престижа Лоджа в Бостон прилетел и выступил там сам президент Эйзенхауэр. Однако и это последнее усилие республиканской партии не помогло Лоджу. Кеннеди легко его победил.

Почему это произошло?

Лодж являлся одним из главных кандидатов республиканской партии на всеобщих выборах 1952 года. На эту избирательную кампанию Национальный комитет республиканской партии расходовал миллионы долларов, и, конечно, часть из них перепала Лоджу. Так что недостатка в финансовых средствах в поединке с Кеннеди последний не чувствовал. Главное заключалось в другом: Лодж не смог противостоять активной тактике Кеннеди. Ко дню выборов Кеннеди побывал уже в 351 городе и поселке штата, выступив в каждом из них. Сказались, конечно, и финансовое могущество клана Кеннеди и широкое использование Джоном массовых средств информации для популяризации в штате своей кандидатуры.

Рассказывают, что, когда в начале января 1953 года Кеннеди приехал в Вашингтон и попытался сесть в вагон подземной железной дороги, связывающей конгресс США со зданием, где расположилась канцелярия сената, местный служащий велел ему отойти в сторону, «чтобы сенаторы могли первыми войти в вагон». Кеннеди не обиделся. Он знал, что выглядит гораздо моложе своих лет.

СЕНАТОР ОТ ШТАТА МАССАЧУСЕТС

В сенате Джон Кеннеди становится членом комиссии труда и общественного благосостояния. Первые два года своей деятельности он уделяет главным образом делам штата Массачусетс. Кеннеди сообщают, что Лодж не расстался с мыслью снова вернуться в сенат. Поэтому Кеннеди стремится закрепить свою популярность в деловых кругах штата. Он вносит в сенат ряд законопроектов, которые были призваны стимулировать развитие текстильной, судостроительной и часовой промышленности штата. Кеннеди также добивается принятия закона о модернизации Бостонского порта. Деловой мир штата был им доволен.

Известно, что во время своего пребывания в сенате Кеннеди не стремился особенно сблизиться с его лидерами. Его, казалось, не прельщала идея стать членом узкого круга сенаторов, которые «делали политику» сената по многим важным вопросам. Кеннеди, однако, старался поддерживать с лидерами сената ровные отношения.

Ряд довольно откровенных высказываний Кеннеди об американской политической жизни объясняет его поведение в сенате. В своей записной книжке он, например, отметил: «Политика — это джунгли. Это необходимость выбирать между справедливыми действиями и сохранением себя в должности, между местными интересами и национальными интересами, между частными интересами политика и общими интересами».

Кеннеди считал, что бескомпромиссная позиция любого буржуазного политического деятеля в защите тех или иных принципов неизбежно приведет к тому, что он «сломает себе шею» и исчезнет с политической

арены. Современники Кеннеди, в том числе и буржуазные ученые, объясняют подобные его взгляды тем, что у будущего президента был чрезвычайно развит «политический инстинкт самосохранения». Правда, они же как бы вскользь замечают, что Кеннеди был «по натуре радикалом». Можно, однако, не сомневаться, что «политический инстинкт самосохранения» всегда был у Кеннеди на первом месте, а «радикализм» на втором почти на протяжении всей его политической карьеры.

Так в Кеннеди сочетались прагматизм, консерватизм и довольно радикальные взгляды. Поэтому многие буржуазные политические деятели, будь то консерваторы или либералы, считали его «своим человеком». К этому Кеннеди и стремился. Он все лучше понимает, что американский политический деятель, для того чтобы добиться успеха, должен уметь хитрить и лавировать, идти на сделки. Ему же хотелось добиться не просто успеха, а сенсационного успеха. Кеннеди задумывается над тем, чтобы попытаться стать президентом США.

Представляют интерес взаимоотношения Кеннеди и либеральных кругов конгресса. Отношение либералов к Джону Кеннеди в период его пребывания в сенате было настороженным. Несмотря на то что его отец был видным сторонником «нового курса» президента Рузвельта, либералы Джону Кеннеди не вполне доверяли. Эта подозрительность особенно усилилась в связи с тем, как Кеннеди повел себя в отношении сенатора Джозефа Маккарти, горластого главаря самой махровой реакции.

В одном из своих выступлений в 1950 году Кеннеди заявил, что, по его мнению, борьба с коммунистами в правительственных учреждениях США ведется недостаточно активно и что он весьма уважает сенатора Маккарти. Учитывая политическую атмосферу тех лет, Кеннеди знал, что делал. Он стремился обезопасить свою политическую карьеру, облегчить себе избрание в сенат.

Когда в ноябре 1952 года Кеннеди был туда избран, в США царил маккартизм. Бесноватый сенатор запугивал всех и вся. Войдя в раж, сенатор Маккарти доказывал, что само правительство Трумэна является чуть ли не «прокоммунистическим». Насколько буржуазные

американские политики были запуганы Маккарти, говорит, например, следующий факт. Маккарти объявил известного генерала, участника второй мировой войны Джорджа Маршалла «человеком, погрязшим во лжи». И что же? Даже близкий друг генерала Маршалла — Дуайт Эйзенхауэр, кандидат в президенты от республиканской партии, не стал защищать своего товарища по оружию. Эйзенхауэр не хотел вступать в борьбу с Маккарти.

Вместе с тем, учитывая протесты своих избирателей, Кеннеди пытается найти общий язык и с людьми, обеспокоенными маккартизмом. Он доказывал им, что стране необходимо «обеспечить безопасность». Нежелание Кеннеди выступить против маккартизма было расценено наиболее стойкими либералами как фактическая поддержка с его стороны действий Маккарти. Похоже, так оно и было. Кеннеди выжидал лучших времен, когда, как он сам признавал, «буря, бушующая вокруг сенатора Маккарти», несколько утихнет.

Надо сказать, что среди сенаторов все же были люди, более или менее энергично выступившие против действий сенатора Маккарти. Это были, например, Лимэн, Фулбрайт, Фландерс. В июле 1954 года либерально настроенный сенатор Ральф Фландерс внес в сенат резолюцию, осуждающую Маккарти. Она вызвала в конгрессе бурные дебаты. Кеннеди снова предпочел остаться в тени, выступив лишь с небольшим заявлением, в котором обошел существо дела. Рассказывают, что в конце концов Кеннеди будто бы решил голосовать за осуждающую Маккарти резолюцию, однако не по тем мотивам, которые выдвигал Фландерс.

Маккартисты, возглавляемые в сенате лидером большинства республиканцем Ноулендом, попытались сорвать принятие резолюции, осуждающей действия Маккарти. Под их давлением 75 сенаторов поддержали предложение Ноуленда об отсрочке обсуждения резолюции Фландерса. Среди них был и Кеннеди. Лишь 12 сенаторов выступили против отсрочки. Однако, несмотря на временную отсрочку обсуждения фашистских методов сенатора Маккарти, решающая схватка с ним либерально настроенных сенаторов быстро приближалась. Кеннеди, однако, не пришлось принять участие в дальнейших событиях. Болезнь позвоночника внезапно

обострилась. 2 декабря 1954 года, в день, когда состоялось решающее голосование по резолюции, осуждающей Маккарти, Кеннеди лежал в хирургической больнице, ожидая операции.

Позднее Кеннеди не раз пытался объяснить свое пассивное поведение в отношении Маккарти. Он, например, ссылался на краткосрочную службу в 1953 году его брата Роберта Кеннеди в аппарате Маккарти, утверждая, что ввиду этого ему, Кеннеди, «было бы бестактно» выступать против Маккарти. Однако Кеннеди однажды все же признал, что его поведение в отношении Маккарти «было, быть может, неправильным».

Подобного рода объяснения Кеннеди не удовлетворяли либералов, и он постоянно подвергался критике с их стороны. Долгое время одним из наиболее решительных критиков поведения Кеннеди была Элеонора Рузвельт. Отказавшись поддержать кандидатуру Кеннеди на пост кандидата в президенты от демократической партии, г-жа Рузвельт заявляла, что Белый дом не должен зависеть от «людей, которые понимают, что́ такое мужество, восхищаются им, но сами недостаточно самостоятельны, чтобы проявлять его». «По-моему,— говорила Э. Рузвельт,— маккартизм — это такой вопрос, по которому все общественные деятели должны высказать свое мнение. И оно должно учитываться. Не могу быть уверенной в политическом будущем человека, который не высказывается открыто о том, какую позицию он занимает в данном вопросе».

ЖЕНИТЬБА И БОЛЕЗНЬ

В 1953 году Джон Кеннеди женится на Жаклин Бувье — дочери нью-йоркского банкира французского происхождения, фоторепортере вашингтонской «Таймс геральд». За неделю до свадьбы она спросила Джона: «Какую черту своего характера ты считаешь наилучшей и какую наихудшей?» Как потом вспоминала супруга будущего президента, Кеннеди ей ответил, что лучшей чертой своего характера он считает любознательность, а худшей — раздражительность.

Со стороны могло показаться, что Джон Кеннеди начала и середины 50-х годов являлся всего лишь

преуспевающим молодым политическим деятелем, довольно способным, обладающим большим состоянием и не знающим особых забот. Мало кто в то время знал, как тяжело он был болен. Недомогание сенатора тщательно скрывалось, так как могло стать для него значительным препятствием для очередного взлета на политической арене.

Боли в поврежденном позвоночнике делались все сильнее. Первая операция не дает положительных результатов. Врачи также предупреждают Кеннеди, что у него, возможно, развивается рак крови и, вполне вероятно, он проживет лишь несколько лет. Только через три года выясняется, что никакого рака крови у Кеннеди нет и налицо лишь сильное осложнение после малярии, которой он переболел во время военной службы на Тихом океане.

В начале 1954 года боли в позвоночнике настолько усиливаются, что Кеннеди решается на повторную операцию. Врачам, которые высказывают сомнение в успешном ее исходе, он заявляет: «Мне это безразлично, больше я так жить не могу». Кеннеди делают вторую операцию, в его позвоночнике закрепляют стальную пластинку. Однако больному становилось все хуже. Пластинку пришлось срочно удалить.

Неизвестно, как бы сложилась далее личная жизнь и политическая карьера Джона Кеннеди, если бы весной 1955 года он не услышал о нью-йоркском враче Жаннет Травель. Примененные ею уколы новокаина дали Кеннеди временное облегчение. И тут помог случай. Доктор Травель обнаружила, что в результате ранения и операций, которым подвергался Кеннеди, его левая нога стала короче правой. Это способствовало усилению боли в спине. Для Кеннеди были срочно заказаны специальная обувь и корсет. После этого его здоровье резко улучшилось. Сам Кеннеди считал, что именно доктор Травель вернула его к активной жизни.

МЫСЛИ О МУЖЕСТВЕ

Прикованный болезнью к кровати, Джон Кеннеди пишет книгу «Черты мужества», которая увидела свет в начале 1956 года.

Книга «Черты мужества» имела в США довольно шумный успех и, без сомнения, способствовала дальнейшему росту популярности Кеннеди. Она попала в число бестселлеров, т. е. наиболее популярных книг. Через год после опубликования книги Кеннеди получает за нее Пулитцеровскую премию по разделу биографий. Ему вручают премию, которую он тут же передает негритянскому колледжу. Последний шаг был направлен на привлечение на свою сторону негритянских избирателей.

Что же представляла собой книга Кеннеди «Черты мужества»?

По замыслу Кеннеди она должна была дать ответ на вопрос, что является политическим мужеством. Это качество Кеннеди объявлял самым замечательным из достоинств. Он пытается проследить его на примере жизни десяти американских сенаторов и, надо сказать, делает это довольно неудачно. Достаточно сказать, что «героями» у Кеннеди оказались такие люди, как сенатор Э. Росс, спасший при голосовании в сенате от вынесения обвинительного приговора коррумпированного президента Эндрю Джонсона, или сенатор Роберт Тафт, выступивший в защиту главных нацистских преступников.

Книга является скорее не ответом на вопрос о политическом мужестве, а яркой иллюстрацией подлинного характера американских политических институтов, показывает истинное лицо многих американских буржуазных деятелей.

Кеннеди полемизирует с известным американским журналистом Уолтером Липпманом. Последний, например, утверждал, что в США преуспевающими политическими деятелями становятся люди нестойкие. Такие люди только внешне выглядят сильными духом. На самом деле, отмечал Липпман, они добиваются политического успеха, если «задабривают, умиротворяют, подкупают, совращают, мистифицируют или как-то еще манипулируют для того, чтобы справиться с требовательными, угрожающими людьми в своих избирательных округах».

Кеннеди пытается опровергнуть это высказывание Липпмана, но, по существу, подтверждает засилье в политической жизни США «групп давления», или

лоббистов. Он сетует на то, что члены сената США подвергаются «ужасному нажиму» буквально со всех сторон. Это давление, отмечает он, отбивает всякую охоту к политическому мужеству. Приходится ладить со своими коллегами.

О чем свидетельствуют эти высказывания Кеннеди? О многом. Они означают, что члены такого влиятельного политического института США, как верхняя палата конгресса — сенат, должны, порой даже вопреки своим личным убеждениям, по важнейшим вопросам американской внутренней и внешней политики держаться заодно. Это ли не признание наличия классовой дисциплины людей, находящихся на службе у монополистического капитала! В то же время это и напоминание о том, что, вопреки утверждению буржуазной пропаганды, изображающей членов конгресса «ответственными только перед своими избирателями», на деле все обстоит иначе.

Держаться в сенате «как все», «ладить со своими коллегами» означает находиться под контролем республиканского или демократического партийного механизма. Конечно, было бы неверно считать, что тот или иной сенатор лишь пешка в руках республиканского или демократического партийного лидера сената и их подручных. В определенной степени сенатор является «независимым». Но только в определенных жестких границах. Если же тот или иной из «народных представителей» начинает игнорировать мнение партийного руководства сената, то ему начинают грозить, мягко говоря, большие неприятности.

«Независимая позиция» сенаторов по той или иной внутренней или международной проблеме может, конечно, иметь место. Это объясняется противоречивыми интересами американских монополий и ничем больше. Когда же тот или иной сенатор начинает отходить в сторону от официального течения, считая, что принятый правительством курс действий в конечном счете ведет к подрыву американского престижа на международной арене, ему приходится туго. Политические соперники объявляют его «наивным и близоруким политическим дилетантом», «выскочкой», начинают прозрачно намекать на если и не «красный», то во всяком случае «розовый» характер его мыслей

и даже обвиняют в пособничестве противникам Америки.

Рассуждения Джона Кеннеди о том, что в сенате невозможно держаться в одиночку и надо ладить со всеми, были направлены на оправдание и его собственных позиций. Ему приходилось и до этого и после ладить и с маккартистами, и с бёрчистами, и с диксикратами, поскольку все они могли помешать политической карьере Кеннеди. И хотя в избирательных делах Кеннеди всегда в основном надеялся на свои силы, а не заискивал столь откровенно, как это делало подавляющее большинство его коллег, перед партийными заправилами демократической партии, все же вступать с ними в конфликт ему не хотелось. Он хорошо знал, что именно они контролировали в наиболее важных штатах избирательную машину демократов, финансировавшуюся большим бизнесом.

Поэтому не случайно Кеннеди подчеркивает также, что сильно препятствует проявлению политического мужества желание добиться переизбрания. Ведь бороться за свои принципы, рассуждает он, если тебя не переизберут, уже будет невозможно, по крайней мере в стенах конгресса. Кеннеди отвергает слишком прямолинейную концепцию политических деятелей, которые служат исключительно интересам тех, кто обеспечивает им избрание в штате, но забывают об общих проблемах американского капитализма. Нужно, считает он, отстаивать как «местные интересы, так и интересы общенациональные». Иными словами, он призывает к гибкости и умелому маневрированию на политической арене.

Вместе с тем нельзя не отметить, что мысли Кеннеди, высказанные на страницах книги «Черты мужества», отражают и некоторые свежие веяния, которые помогают оценить его последующие действия. Кеннеди, например, пишет: «Избиратели выбирают нас потому, что верят в нашу способность здраво рассуждать... Это означает, что в соответствующих случаях мы должны руководить общественным мнением, информировать избирателей, направлять их и иногда даже игнорировать...» Конечно, данное высказывание легко отнести к числу антидемократических, так как Кеннеди призывает «игнорировать избирателей». Нужно, однако, иметь

в виду следующее. В условиях внутриполитической жизни США, когда значительная часть общественного мнения страны формируется реакционной пропагандой в антикоммунистическом и антисоветском духе, это высказывание Кеннеди не лишено определенного положительного смысла.

Книга Кеннеди «Черты мужества» стала его политическим кредо. Его стремление оправдать «гибкость» политической мысли и деятельности в рамках буржуазной идеологии, как нетрудно заметить, выявилось вслед за мрачными годами маккартизма в США. Многие американцы, однако, были склонны считать, что книга была всего лишь актом раскаяния за примиренческую позицию Кеннеди по отношению к Джозефу Маккарти.

Либеральные круги США отнеслись к идеям Кеннеди о политическом мужестве откровенно иронически, считая, что слова сенатора расходятся с его делами. Политическая деятельность самого Кеннеди длительное время была скорее примером не политического мужества, а политического лавирования. Позитивную часть своих идей Кеннеди начал осуществлять, только взойдя на вершину политической власти, да и то далеко не сразу. Когда же он начал это делать, то это стоило ему больших усилий и в конечном счете, может быть, даже жизни.

СНОВА НА РИНГЕ

Во время избирательной кампании по выборам президента США в 1956 году Джон Кеннеди объявил о своей поддержке кандидатуры на пост президента видного деятеля демократической партии Эдлая Стивенсона. Кеннеди поручает своему брату Роберту, под предлогом помощи Стивенсону, принять самое непосредственное участие в предвыборных поездках последнего по стране.

Роберт Кеннеди все время находится в группе лиц, сопровождавших Стивенсона. Роберт следует за ним буквально повсюду, всем своим видом давая понять, что не прочь помочь кумиру демократов. Организаторы избирательной кампании Стивенсона, однако, избегают пользоваться услугами Роберта. Тем не менее он

внимательно наблюдает за перипетиями избирательной кампании Стивенсона. Как впоследствии стало ясно, Роберт Кеннеди набирался опыта ведения избирательной кампании. И надо сказать, что на президентских выборах 1960 года этот опыт Джону Кеннеди очень пригодился.

На взаимоотношения Джона Кеннеди и Эдлая Стивенсона большой отпечаток наложила избирательная борьба в демократической партии в 1956 году. Именно в это время зародилась их взаимная неприязнь друг к другу. Кеннеди рассчитывал, что уже в этом году Стивенсон предложит ему баллотироваться на пост вице-президента. Но это были напрасные надежды. Наиболее видные демократы не поддержали кандидатуру Кеннеди. Влиятельный деятель демократической партии Фарли, например, заявил Стивенсону: «Америка не готова избрать католика». Гарри Трумэн без колебаний заметил, что он вообще против «всей этой затеи». А спикер палаты представителей Сэм Рейбэрн презрительно сказал: «Уж если нам понадобится католик, я надеюсь, мы не выдвинем этого незначительного... Кеннеди». Стивенсон заколебался, но так и не решился откровенно сказать Кеннеди, что его кандидатура не вызывает одобрения у лидеров демократов. До самого последнего дня съезда демократической партии Стивенсон держит Кеннеди в неведении о своих планах.

Впрочем, Стивенсон предоставляет Кеннеди возможность выдвинуть на съезде его, Стивенсона, кандидатуру на пост президента. Кеннеди это делает. Стивенсона избирают кандидатом в президенты от демократической партии в первом же туре голосования. Что касается выдвижения кандидата в вице-президенты, то Стивенсон в конце концов решает не отдавать предпочтения никому из демократов, включая и Джона Кеннеди. Этого последний не ожидал. С согласия Стивенсона на съезде проводится открытое голосование за право баллотироваться на пост вице-президента. После напряженной борьбы верх взял сенатор Кефовер.

Кеннеди пришлось подняться на платформу зала и скрепя сердце призвать своих сторонников отдать голоса за Кефовера. По традиции победивший канди-

дат должен был в конце съезда избираться единогласно.

Кеннеди приходит к выводу, что Стивенсон его основательно подвел.

Продолжая политическую борьбу, Кеннеди в 1957—1958 годах выступает за расширение правительственных ассигнований на образование и повышение минимума заработной платы, за увеличение пособий по безработице и смягчение иммиграционных квот.

В 1958 году Кеннеди вновь подтвердил свое умение завоевывать голоса избирателей. На перевыборах в сенат от штата Массачусетс он получил 73% голосов. Этому, в частности, способствовал следующий факт. В 1956 году Кеннеди сумел вырвать из рук члена палаты представителей Маккормика контроль над организацией демократической партии в этом штате. Окрепли связи Кеннеди с партийными заправилами и в других штатах Новой Англии. Улучшались контакты с политическими, журналистскими и деловыми кругами страны. Все же в 1958 году Кеннеди продолжал оставаться для американцев сравнительно невидной фигурой. Никто серьезно не предполагал, что через два года он будет избран президентом США.

В 1958—1959 годах, в преддверии схватки за пост президента, Кеннеди поддерживал все предложения либерального крыла демократов в конгрессе как по социальным мероприятиям, так и по вопросу о гражданских правах. Так, например, Кеннеди поддержал законопроекты, направленные против линчевания и за отмену избирательного налога. Он уделял большое внимание и вопросу повышения минимальной почасовой заработной платы. Кеннеди понимал, что все это поднимает его популярность у большинства американцев.

Желание Кеннеди бороться за пост президента окрепло после того, как в 1956 году Эдлай Стивенсон вторично потерпел на выборах поражение от президента Эйзенхауэра. По-другому шли дела у Кеннеди. Легкая победа Кеннеди на сенаторских выборах в штате Массачусетс в 1958 году, эффективность его избирательной машины, рост влияния в политических кругах других штатов Новой Англии убедили его в том, что он уже может выступить и в национальном масштабе.

Братья Кеннеди, а также близкий к ним политический советник Соренсен тщательно обдумывают вопрос о том, какие основные препятствия могут встать на пути Джона Кеннеди, если он объявит о намерении выставить свою кандидатуру на пост президента США. Все сошлись на том, что основные трудности заключались в следующем.

Во-первых, никогда еще президентом США не избирался католик; во-вторых, Америка никогда еще не избирала такого молодого по возрасту президента: Кеннеди в ноябре 1960 года, месяце выборов, было бы только 43 года. Наконец, только один раз на выборах президента США победил сенатор.

Это были, как все понимали, достаточно веские причины, чтобы на первых порах оттолкнуть от Кеннеди заправил демократической партии. Оставался лишь один путь к тому, чтобы убедить их в том, что Кеннеди может все же рассчитывать на победу над республиканским кандидатом. Кеннеди должен был принять участие в предварительных выборах, т. е. выйти на борьбу со своими конкурентами с открытым забралом. Закулисное лавирование не сбрасывалось со счетов, но оно не было тем основным способом, с помощью которого Кеннеди мог бы сразу же обратить на себя внимание руководства демократической партии.

В США для того, чтобы быть избранным на высокий пост президента, нужно иметь поддержку аппарата одной из главных буржуазных партий, а также владеть или распоряжаться большими финансовыми средствами. И решающую роль играет, как правило, поддержка со стороны тех или иных основных групп монополистического капитала.

Когда различные политические деятели начинают борьбу за власть, то зачастую четкого размежевания сил на политической арене США как будто не заметно. Иногда можно лишь догадываться, какая монополистическая группировка поддерживает или, наоборот, выступает против того или иного кандидата. Но именно в этот период, до того как демократическая и республиканская партии изберут своих кандидатов на пост президента США, идет острая борьба между различными монополистическими группировками, стремящимися продвинуть своего человека. А так как от

каждой партии официальный кандидат на пост президента может быть только один, то, естественно, не всем монополистическим группировкам удается поставить у власти наиболее приемлемого для них человека. Отсюда и ожесточенность предвыборной борьбы.

В конце 50-х годов в США велась особенно острая внутриполитическая борьба как в демократической, так и в республиканской партиях. Это вызывалось тем, что с политической арены сходил престарелый президент Дуайт Эйзенхауэр. Освобождался пост, в борьбе за который ранее с ним мало кто мог соперничать.

Популярность Эйзенхауэра среди американцев в значительной степени объяснялась, конечно, не только шумихой, которая была поднята вокруг его имени в 1952 году пропагандистским аппаратом республиканской партии. Американцы не забыли, что в свое время генерал Эйзенхауэр, будучи главнокомандующим союзническими силами США и Англии в борьбе против гитлеровской Германии, внес определенный вклад в победу над фашистской Германией. Не последнюю роль в том, что Эйзенхауэр был популярен среди американского народа, играло и то, что при нем США пошли на заключение перемирия в Корее.

Мало кто из американцев в период президентства Эйзенхауэра знал, что здоровье генерала пошатнулось, что он мало занимался государственными делами, предпочитая отдавать их на откуп своим подчиненным. Эйзенхауэр, по существу, не занимался и проблемами республиканской партии. И в этих делах он полагался на партийных заправил. Между тем республиканская партия теряла влияние среди избирателей. Это видно хотя бы из следующего факта. В 1950 году республиканцы на выборах в конгресс получили 49% голосов избирателей, в 1954 году — 47%, в 1958 году — 43%. В 1958 году республиканцы контролировали только 14 постов губернаторов штатов из 48 и имели большинство только в 7 законодательных собраниях штатов.

Таковы были некоторые черты внутриполитической обстановки в США накануне «первого звонка», который должен был возвестить о том, что время решающей схватки претендентов на президентский пост приближается.

СОВЕЩАНИЕ В ХИАНИССПОРТЕ

28 октября 1959 года в небольшом городке Хианисспорт штата Массачусетс в доме Роберта Кеннеди собралась группа людей. Они удобно расположились в гостиной, в которой живописными островками виднелись зеленые и желтые кресла. За окном стояла золотая осень. Все еще изумрудный газон перед домом засыпали сухие опавшие листья.

На совещании, созванном Джоном Кеннеди, присутствовало 16 человек. Не все из них оставили яркий след в избирательной кампании Кеннеди. Но без помощи большинства собравшихся Кеннеди вряд ли стал бы президентом.

Кто же были эти люди?

Кроме Джона Кеннеди и его брата Роберта в комнате присутствовали два ирландца, давних помощника Кеннеди. Один из них — Кеннет О'Доннел, худощавый брюнет 35 лет, бывший капитан футбольной команды Гарвардского университета. Другой — Лоуренс О'Брайн, 42 лет, широкоскулый, полный мужчина. Оба они находились на службе у Джона Кеннеди вот уже восемь лет.

О'Доннел и О'Брайн имели каждый свое амплуа. О'Доннел был отличным тактиком избирательных кампаний, в то время как за О'Брайном закрепилась слава превосходного организатора. Эта пара хорошо сработалась между собой и стала своеобразным тандемом, с помощью которого Кеннеди, оставляя позади соперников, побеждал на выборах. Используя средства семьи Кеннеди, О'Доннел и О'Брайн сумели привлечь на сторону своего патрона большое число честолюбивых молодых людей, также добивавшихся для Джона Кеннеди успехов в политической жизни штата Массачусетс.

Недалеко от ирландцев расположился в кресле совсем еще молодой человек по имени Теодор Соренсен, 31 года. Соренсен никогда не говорил громко. Казалось, он больше слушал, чем убеждал других. На службе у Кеннеди Соренсен находился уже семь лет. Это был знающий, высокообразованный человек, умевший четко, быстро и ясно излагать свои мысли в хорошем литературном стиле. Кеннеди называл его «мой интеллектуальный банк». Но самое главное состояло в том, что

Джон Кеннеди и Соренсен, как правило, мыслили «на одной волне». Именно Соренсену Кеннеди чаще, чем другим, поручал подготовить проекты своих речей. Соренсен стал «альтер эго» — «вторым я» Кеннеди. Он принимал самое непосредственное участие в оформлении политической платформы Кеннеди, являясь как бы поставщиком идей для него.

Еще один участник совещания — Стефан Смит, муж сестры Кеннеди Джейн, человек больших административных и организаторских способностей. Впоследствии, во время избирательной кампании, он стал лицом, ответственным за ее финансовую сторону. На Смита также была возложена задача мобилизовать тысячи «добровольцев», которые должны были претворять в жизнь указания избирательной штаб-квартиры Кеннеди.

В числе других следует назвать Луиса Харриса, видного специалиста по изучению американского общественного мнения. Еще совсем молодым человеком Харрис создал фирму по изучению торгового рынка США. Эта работа пошла у него настолько успешно, что Кеннеди приметил Харриса и пригласил его к себе на службу.

Немаловажную роль предстояло сыграть Пьеру Селинджеру, 34 лет. В этом брюнете с округлым лицом было что-то от француза. Он умел ладить с журналистами. Впоследствии Селинджер стал представителем Джона Кеннеди по вопросам печати.

И наконец, нельзя не упомянуть о Джоне Бейли, председателе демократической партии штата Коннектикут. Это был высокий лысый человек, говоривший уверенным тоном. Бейли руководил одной из самых эффективных местных политических машин в США. Он возглавил избирательную кампанию Джона Кеннеди в северо-восточных штатах — основной политической базе борьбы Джона Кеннеди за пост президента США.

Собравшиеся в Хианиспорте были, как нетрудно заметить, сравнительно молодые люди. Никто из них, кроме Джона Бейли, не был политическим боссом штата или большого города. А ведь именно эти боссы обычно играют значительную роль в избирательных кампаниях. Таким образом, осенью 1959 года Джон Кеннеди

не располагал людьми из национального аппарата демократической партии. И это было естественно, так как Кеннеди в общенациональном масштабе являлся все же новичком в политической жизни США. В октябре 1959 года на американском небосклоне сияли «звезды» куда большей величины. В их сторону и смотрело подавляющее большинство политических заправил штатов и городов, так как этим «звездам» прочили победу на выборах.

Кеннеди, однако, был полон желания вступить в решающую схватку. Он собрал вышеназванную группу способных людей для того, чтобы детально обсудить с ними планы выдвижения своей кандидатуры на пост президента США. Конечно, их способности мало что значили, если бы семейство Кеннеди не обладало большим личным богатством, которое оно решило использовать для осуществления планов Джона Кеннеди.

В спорах и столкновении мнений рождался стратегический план, с помощью которого Кеннеди решил бороться за власть. Но здесь необходимо сказать несколько слов о предварительных выборах в США, или, как их называют, праймериз.

Борьба на предварительных выборах отличается крайней ожесточенностью. Праймериз позволяют политическим деятелям, обладающим достаточным капиталом, продемонстрировать свое влияние на избирателей, минуя в определенной степени избирательные машины партийных боссов. Профессиональные политики как республиканской, так и демократической партий США не жалуют предварительные выборы, так как на них может неожиданно всплыть на поверхность и показать свою силу кандидат, которого боссы в силу тех или иных причин не поддерживают. По их мнению, предварительные выборы к тому же забирают значительное количество средств, которые было бы целесообразнее использовать не в борьбе между собой, а на всеобщих выборах против соперников из другой партии. Праймериз, считают боссы, раскрывают тактику и аргументы кандидатов, позволяя их соперникам лучше подготовиться к основным выборам.

Недовольство политических заправил обеих партий предварительными выборами объясняется также и тем, что они бессильны запретить тому или иному канди-

дату выставить свою кандидатуру. Они предпочли бы вообще обходиться без предварительных выборов, так как в этом случае штаты посылали бы на национальные съезды обеих партий только «смирных делегатов», ставленников политических боссов. Так оно, собственно говоря, в США и было в течение длительного периода времени.

В период с 1865 по 1900 год отбор кандидатов в президенты от республиканской и демократической партий находился исключительно в руках политических боссов, которые единолично заправляли съездами. Подобного рода практика в конце концов перестала устраивать правящие круги США. Она не обеспечивала выдвижение на руководящие государственные посты США наиболее способных буржуазных кандидатов. В начале XX века в США стали вводиться в практику президентские предварительные выборы.

Не во всех штатах эта тенденция, которой энергично сопротивлялись политические боссы, победила. Партийные заправилы, руководствуясь своими корыстными интересами, продолжали блокировать принятие законодательства, которое позволило бы проводить во всех штатах открытые праймериз. В ряде штатов решения о проведении предварительных выборов то принимались, то отменялись. В результате к 1960 году только в 16 штатах США действовала система, в соответствии с которой проводились открытые президентские предварительные выборы. В какой-то мере это свидетельствует о том, что политические боссы продолжают крепко держать в своих руках политические машины большинства штатов. В широком плане они, конечно, служат американскому монополистическому капиталу, но при этом не хотят лишаться привилегии влиять на подбор и продвижение тех или иных деятелей на высокие государственные посты, в том числе и на должность президента.

Так как у Джона Кеннеди не было большого числа активных сторонников в профессиональном аппарате демократической партии, то единственным путем продемонстрировать свое влияние на избирателей был для него путь участия в праймериз. Предварительные выборы являлись тем высоким барьером, который Кеннеди надо было обязательно взять, чтобы выйти

на финишную прямую с необходимым запасом голосов выборщиков.

Но вернемся к совещанию в Хианиспорте. Первым выступил Джон Кеннеди. Он охарактеризовал обстановку в основных штатах страны, упомянул противостоящие группировки, отметил, каких людей в штатах нужно попытаться перетянуть на свою сторону. Кеннеди показал хорошее понимание внутриполитического положения США. Иногда он просил кого-либо из присутствующих прокомментировать свои высказывания о политической ситуации.

Основные черты ее сводились к следующему. Предварительные выборы имеют место всего в 16 штатах. Каждые из них регулируются законами штата. В некоторых из праймериз принимать участие почти бесполезно, так как заранее известно, что на них с помощью политических боссов будут избраны так называемые «популярные сынки» штатов, чаще всего сами губернаторы. В других штатах в предварительных выборах не стоило участвовать из-за того, что они были малозначительны и давали лишь небольшое число голосов, которые могли бы быть использованы на съезде демократической партии.

И все же среди этих 16 штатов было несколько, где, безусловно, следовало принять участие в предварительных выборах. К таким штатам относились Нью-Гэмпшир, Висконсин, Мэриленд, Индиана, Орегон, Вест-Вирджиния, Огайо и Калифорния. В этих штатах Кеннеди должен был доказать руководителям демократической партии, что он может быть ее достойным кандидатом.

...Вечером совещание было продолжено. На этот раз его вел Роберт Кеннеди. Джон сидел несколько в стороне, с удовлетворением наблюдая за своим братом. Он ценил Роберта как организатора. Последнему, может быть, не хватало глубокого знания американской политической жизни, но что касается организаторских способностей, то старший брат на него полагался целиком.

Распределялись задания. Джону Бейли досталась Новая Англия и штат Нью-Йорк, а также северная часть штата Нью-Джерси. За западные штаты отвечал чикагский юрист Раскин. Он также должен был обеспечить успех Кеннеди в своем родном штате Айова.

В помощь Раскину был придан младший брат Джона Эдвард Кеннеди (его «объектом» в основном были штаты района «Роки-Маунтенз», Скалистых гор).

Роберту Кеннеди достался один из самых сложных районов. Ему поручили установить контакты с лидерами организаций демократической партии в южных штатах и выяснить, может ли Кеннеди рассчитывать на них. О'Брайн обеспечивал создание костяка организации в поддержку Кеннеди во всех штатах. В его обязанность также входило следить за политической ситуацией в штатах Мэриленд, Индиана и Висконсин.

Несколькими основными штатами, обладавшими большим числом голосов выборщиков, такими, как Огайо, Пенсильвания, Мичиган и Калифорния, Кеннеди решил в дальнейшем заняться сам. Ведь от успеха в этих штатах в первую очередь зависел успех всей кампании. Поэтому необходимо было установить личный контакт с руководителями местных политических машин демократической партии.

Не остались без заданий Селинджер, О'Доннел и Харрис.

А через несколько дней личный самолет Кеннеди доставил всю «команду» в Вашингтон. Отсюда и из Нью-Йорка ее члены повели свою кропотливую работу, продолжавшуюся немногим более двух месяцев. Первые результаты вселяли надежду. Но об этом было известно лишь приближенным Кеннеди. Оставалось открыто бросить вызов соперникам.

2 января 1960 года, к удивлению многих, сравнительно малоизвестный сенатор Джон Фитцджеральд Кеннеди объявил о том, что выдвигает свою кандидатуру на пост президента Соединенных Штатов Америки.

ДРУЗЬЯ-СОПЕРНИКИ

Кто были соперники Кеннеди по демократической партии? Кто стоял на его пути к выдвижению кандидатом в президенты? Таких людей было несколько.

Поначалу основным соперником Кеннеди был сенатор Хуберт Горацио Хэмфри. В свое время он был мэром небольшого города. В 1952 году Хэмфри

поддержал кандидатуру Эдлая Стивенсона на пост президента. При этом Хэмфри надеялся, что его «заслуги» будут оценены и ему предложат место кандидата в вице-президенты. Но этим мечтам не суждено было тогда осуществиться.

В 1956 году Хэмфри вновь лелеет ту же надежду. Рассказывают, что когда Стивенсон предоставил право выбора кандидата в вице-президенты съезду демократической партии, где позиции Хэмфри были довольно слабы, то последний заплакал от обиды. Кандидатом на пост вице-президента был выдвинут сенатор Кефовер.

Но Хэмфри не пал духом и продолжал упорно продвигаться к намеченной цели. В период с 1956 по 1960 год сенатор развивает особенную активность. Он совершает несколько поездок за рубеж, посещает Советский Союз. Известность Хэмфри среди американцев довольно быстро растет. К нему все более присматривается монополистическая печать. В 1958 году портрет Хэмфри публикуется на обложке влиятельного американского еженедельника «Тайм». Он вновь чувствует себя в силах стать лидером демократов, советуется с Эдлаем Стивенсоном и Линдоном Джонсоном. Оба соперника, исходя из тактических соображений, дают ему понять, что не будут возражать против выдвижения его кандидатуры на пост президента США.

В этот период сенатор от штата Миннесота вновь полон радужных надежд. Однажды в порыве откровенности он заявил, что считает себя столь же компетентным, чтобы стать президентом США, как и любой другой кандидат, за исключением Стивенсона.

Вместе с тем Хэмфри признается, что более всего опасается Кеннеди. От внимания опытного сенатора не ускользнула исключительно хорошая реклама Джона Кеннеди в журналах и газетах. Эта реклама распространялась в органах печати с массовыми тиражами. У Хэмфри вновь возникают серьезные опасения, что и на этот раз ему не удастся победить соперника. Причина опасений? Вот как он сам говорил о ней: «Единственной организацией, которую я контролировал, была организация штата Миннесота. У меня не было ни денег, ни большой прессы на моей стороне, ни людей, которые бы занялись моей рекламой». И хотя в какой-

то степени Хэмфри, конечно, прибеднялся, однако в откровенности ему отказать нельзя. Некоторое время спустя Кеннеди победил его именно тем оружием, которого сенатор боялся,— силой денег и рекламы.

Громадное значение рекламы в американской политической жизни хорошо известно. Трудно даже представить, насколько важна реклама для того, чтобы тот или иной политический деятель имел хоть малейший шанс быть избранным в президенты. Такая реклама, словно чудовище, пожирает сотни тысяч долларов. Без них избирательная кампания что мотор без топлива, тем более когда идет борьба за высший государственный пост в стране. Здесь уже требуются миллионы.

Без денег на арене современной политической жизни Америки делать нечего. Без их помощи политический деятель, каким бы выдающимся он ни был, просто не может рассчитывать на успех. Знаток закулисной стороны политической жизни США Теодор Уайт откровенно признает: «Покупка признания или постановка представлений, которые способствуют приобретению известности, являются игрой богатых людей». Конечно, это не значит, что человек, решивший ввязаться в политическую борьбу в США, должен обязательно обладать большим личным капиталом. Но если такого капитала у него нет, то тогда доллары должны быть брошены на алтарь предвыборной борьбы другим лицом или лицами.

С самого начала избирательной кампании Хэмфри было ясно, что он не сможет принять участия в стольких праймериз, как это намечал сделать Кеннеди. Однако Хэмфри, так же как и Кеннеди, верил в свою популярность. Поэтому он и надеялся выстоять в борьбе с избирательной машиной соперника. Так же как и Кеннеди, он хотел доказать демократической партии, что является тем человеком, который пользуется авторитетом у избирателей и обеспечит на всеобщих выборах победу демократам. Разница между Кеннеди и Хэмфри состояла, однако, в том, что первый обильно финансировался, в то время как второй не имел достаточно денег для борьбы со своим соперником.

Другим соперником Кеннеди был сенатор Стюарт Саймингтон. Звезда Саймингтона особенно ярко сверкнула на политическом небосклоне США в ноябре

1958 года. На выборах в сенат США он легко победил своего конкурента, получив 66,4% голосов. Это был солидный перевес.

В американских деловых кругах Саймингтон был отнюдь не новичок. Длительное время он занимал видные правительственные посты, служил в сенате. В общем Саймингтон считал, что его послужной список достаточно хорош, чтобы американские монополии признали его подходящим кандидатом на пост президента.

Минусом Саймингтона, как и у Кеннеди с Хэмфри, была сравнительно малая известность за пределами своего штата. Однако в отличие от их обоих, Саймингтон не хотел рисковать. Он считал, что его шансы сильно упадут, если он неудачно выступит на предварительных выборах. Его тактика состояла в том, чтобы добиться поддержки руководителей демократической партии без всяких праймериз. Саймингтон стал уповать на... тупик. Он считал, что на съезде демократической партии ни один из «друзей-соперников», в том числе и Кеннеди, не соберет достаточного для победы числа голосов. Саймингтону мерещилось, что в случае такого тупика не будет более подходящей кандидатуры на пост кандидата в президенты, чем он сам.

Саймингтон решил «завладеть крепостью изнутри», т. е. получить поддержку заправил демократической партии в штатах. Эту тактику поддержал склонявшийся на сторону Саймингтона бывший президент Трумэн. Для Саймингтона это было особенно важно. Трумэн продолжал пользоваться в демократической партии значительным влиянием, и к его советам прислушивались. Трумэн и Саймингтон считали, что в больших американских городах и наиболее важных штатах партийные боссы признают Саймингтона наиболее удобным и покладистым кандидатом в президенты.

Саймингтон чувствовал себя уверенно еще и потому, что он был одним из наиболее рьяных защитников милитаризации экономики США. Саймингтон без устали выступал за гонку вооружений, особенно настаивал на быстрых темпах развития авиационной военной промышленности США. Он всегда поддерживал требования Пентагона. В общем, на американские деловые круги он производил впечатление «человека солидного», который вполне знает, что и как ему делать, и,

главное, понимает «заботы» военно-промышленного комплекса.

В марте 1960 года Саймингтон объявил о том, что выдвигает свою кандидатуру на пост президента США.

Третьим конкурентом Кеннеди был сенатор Линдон Джонсон. Он также давно лелеял мечту быть выдвинутым кандидатом на пост президента США от демократической партии. В конце 50-х годов, представляя в конгрессе интересы южных штатов, Джонсон был одним из самых влиятельных ее руководителей. Южные штаты пользовались на съездах демократической партии значительным влиянием, обладая почти 25% голосов выборщиков.

Влияние Л. Джонсона объяснялось, конечно, не только этим. Длительное время он был лидером демократов в сенате, обеспечивая в верхней палате конгресса США прохождение угодных правительству законопроектов. Если к тому же учесть, что спикером нижней палаты — палаты представителей — был также южанин Сэм Рэйберн, то станет ясно, что именно представители южных штатов в значительной степени контролировали механизм конгресса.

Охотно поддерживали Джонсона политические деятели, стремившиеся попасть в конгресс США. Они учитывали, что если попадут в конгресс и станут членами палаты представителей или, может быть, даже сената, то их назначения в постоянные комиссии конгресса будут производиться с помощью партийной машины, руководимой Джонсоном и Рэйберном. Вот почему хотя большинство представителей демократической партии и не поддерживали активно кандидатуру Джонсона, но они и не препятствовали его усилиям выдвинуться среди соперников на первое место.

В октябре 1959 года на пресс-конференции в Далласе Сэм Рэйберн объявил о создании комитета по избранию Линдона Джонсона президентом США.

Наиболее известным соперником Кеннеди перед съездом демократической партии в 1960 году был Эдлай Стивенсон. Однако известность известностью, но в 1952 и 1956 годах он уже дважды проигрывал президентские выборы, будучи кандидатом на пост президента от демократической партии. Учитывая это, Стивенсон решил, что до самого съезда ему не следует

объявлять себя кандидатом в президенты. Он избрал другой путь, как ему казалось, «более удобный». Сам съезд демократической партии, считал Стивенсон, должен в третий раз выдвинуть его в качестве кандидата в президенты.

Стивенсон, таким образом, предпочел оставаться в тени в течение всей избирательной кампании 1960 года, вплоть до съезда демократов в Лос-Анжелесе.

Таковы были четыре основных соперника Кеннеди, представлявшие интересы различных кругов демократической партии и претендовавшие на то, чтобы быть выдвинутыми кандидатами в президенты США.

Что прежде всего бросается в глаза при ознакомлении с политическими карьерами этих деятелей?

Во-первых, все они — и Кеннеди, и Хэмфри, и Саймингтон, и Джонсон, и Стивенсон — были профессиональными политиками демократической партии.

Во-вторых, необходимым атрибутом кандидата в борьбе за пост президента США является финансовая поддержка со стороны американских деловых кругов, а также партийных боссов. Без своих капиталов или финансовой поддержки другими лицами, без рекламы своей кандидатуры, которая обеспечивалась бы массовыми средствами информации: радио, телевидением и прессой, в США на выборах победить невозможно. Можно пользоваться известностью, можно сколотить свою группировку и на бумаге создать организацию. Но без денег это будет мертвый груз, воздушный шар без газа.

Ни в одной другой стране мира влиятельные соперничающие группы политиканов и стоящие за их спиной финансовые магнаты не обладают столь эффективными рычагами власти, чтобы навязать избирателям угодную им кандидатуру на пост главы правительства и государства.

Не случайно, останавливаясь на тактике основных соперников Кеннеди на пост президента США, мы каждый раз сталкиваемся с тем, что их кандидатуры вынашивались и выдвигались не на общественных митингах, не на собраниях представителей избирателей, а узким кругом лиц. Стартом избирательной кампании каждого из кандидатов обычно были секретные встречи частных лиц. На них вырабатывался «план победы» над сопер-

никами. Причем на этих встречах не ломают себе голову над предвыборными программами кандидатов, не задумываются над тем, что надо сделать для американского народа в случае, если кандидат станет президентом США. Нет, совсем не это интересует политических заправил и их кандидатов.

Характерной чертой американской внутриполитической жизни является то, что до съездов демократической и республиканской партий кандидаты, претендующие на высший государственный пост страны, пост президента, по существу, почти никогда не выдвигают никаких избирательных программ, которые позволяли бы судить об их взглядах, политике и целях. Программа действий (бесьма расплывчатая) составляется уже на самом съезде. К тому же и она необязательна для кандидатов.

В этот период демократы — кандидаты на пост президента думают не о том, как им победить своих республиканских соперников. Так же как и их соперники — республиканцы, они заняты прежде всего борьбой между собой. Все остальное отодвигается на задний план. В этой междоусобной борьбе применяются дозволенные и недозволенные методы. Бывает, что одна лишь ошибка того или иного соперника, непродуманное тактическое решение, недальновидная сделка решают его судьбу.

РЕСПУБЛИКАНЦЫ ТОЧАТ НОЖИ

Кто же были основные соперники демократов, и в частности Кеннеди, в республиканской правящей партии? Ими были вице-президент США Ричард Никсон и губернатор штата Нью-Йорк Нельсон Рокфеллер. Фаворитом считался Никсон.

Еще в декабре 1958 года в штате Флорида состоялось узкое совещание, в котором принял участие и Никсон. Совещание проходило на вилле бизнесмена Ребозо, который, как поговаривали, уже с 1940 года регулярно поддерживал Никсона. У Ребозо собрались «друзья Никсона», а также те, кто в республиканской партии являлись «специалистами по выборам». Пальму первенства в этой области все отдавали Леонарду Холлу.

В свое время Холл был председателем Национального комитета республиканской партии, членом конгресса США. Он хорошо знал все «ходы» и «выходы» избирательной кампании.

Группировка Никсона собралась отнюдь не для приятного времяпрепровождения. Обсуждался вопрос о том, как обеспечить выдвижение Ричарда Никсона на пост кандидата в президенты от республиканской партии на предстоящем съезде.

Наиболее опасным соперником Никсона являлся Нельсон Рокфеллер. На фоне провалов кандидатов республиканской партии на выборах 1956 года Рокфеллер выглядел «светлым пятном». На выборах губернатора штата Нью-Йорк он, например, победил своего соперника — демократа большинством в более чем полмиллиона голосов. Это была впечатляющая победа. Всем было ясно, что на этом Рокфеллер не остановится, что американский миллиардер будет рваться к верховной власти.

Борьба между Никсоном и Рокфеллером стала осью предвыборной кампании республиканцев 1960 года. Перевес в этой борьбе, как известно, оказался на стороне Никсона. Правда, миллиардеру Рокфеллеру позднее удалось добиться от Никсона принятия многих своих требований и доказать всем, кто подлинный хозяин формирования политики республиканской партии.

То, что Никсон взял верх над Рокфеллером,— это на первый взгляд один из парадоксов американской политической жизни, но он имеет свое объяснение, которое состоит в следующем.

Семейство Рокфеллеров, как известно, относится к правящей элите американских миллиардеров. Казалось бы, американским правящим кругам выгодно доверить защиту своих интересов именно представителю Рокфеллеров. Однако на поверку дело обстояло иначе. Яростная конкурентная борьба, которую ведут между собой американские монополии, самым отрицательным образом повлияла на планы Нельсона Рокфеллера. Монополистические группировки, поддерживавшие республиканскую партию, не на шутку испугались, что один из монополистов-соперников станет у кормила государственной власти и начнет в более чем допустимых для них пределах использовать влияние государствен-

ной машины для дальнейшего обогащения в первую очередь своей собственной монополии. Но не собирался отступать и Рокфеллер. Нашла коса на камень. Если до предвыборной кампании 1960 года успехи приходили к Нельсону Рокфеллеру без всяких затруднений и сам он без стеснения заявлял, что его фамилия никогда не мешала его политической карьере, то на этот раз получилось иначе.

Стремление Нельсона Рокфеллера занять первое место на политической авансцене США, а не только действовать за ее кулисами объяснялось рядом причин. Рокфеллер считал, что при Эйзенхауэре США шли от кризиса к кризису. В этом он был прав. Однако Рокфеллер не понимал главного — почему на международной арене США терпят одно поражение за другим. Ему казалось, что стоит у руля государственной машины поставить человека более энергичного, как дела на международной арене у американских монополистов пойдут лучше.

В доверительных беседах Нельсон Рокфеллер высказывал мнение, что США вступают в период «брожения во всем мире», которое «может их уничтожить». Семейство Рокфеллеров, считал он, создало «славу и богатство» Америки. Поэтому оно ответственно за нее и должно более активно участвовать в политической жизни США. Особенно тревожило Рокфеллера отсутствие, как он считал, продуманного планирования в американской внешней политике, которая, по его мнению, лишь реагировала на международные события. Американскому миллиардеру казалось, что стоит заняться «планированием» американской внешней политики на пять, а то и десять лет вперед, как все станет на свое место.

Рокфеллер не делал секрета из того, что недолюбливал Никсона и считал его неспособным выполнять роль президента. В беседе с одним из своих сторонников Нельсон Рокфеллер откровенно заявил: «Я с ужасом думаю о том, что Дик Никсон может стать президентом Соединенных Штатов Америки». И вот Рокфеллер принимает решение выступить в роли «спасителя США» от некомпетентных правителей.

В конце 1959 года в Нью-Йорке, на 55-й стрит, начались работы по переоборудованию двух больших

зданий, в которых находились учреждения, занимавшиеся филантропической деятельностью на «пожертвования» семейства Рокфеллеров. Началась их перестройка под штаб-квартиру по агитации за выдвижение Нельсона Рокфеллера кандидатом в президенты от республиканской партии. Здания оборудовали самой совершенной техникой, обставили дорогой мебелью. Полы застлали мягкими серыми коврами, заглушавшими шаги многочисленных клерков. Для Рокфеллера и его приближенных оборудовали пресс-центр и студию для выступлений по телевидению. Все это сделало центр по агитации за кандидатуру Нельсона Рокфеллера на вид куда более внушительным, чем национальный штаб республиканской партии в Вашингтоне.

Одним из крупных представителей правящей элиты США, поддержавших выдвижение Рокфеллера кандидатом от республиканской партии на пост президента, являлся другой миллиардер — Генри Форд. Он также считал, что республиканская партия должна обратить свои взоры к Рокфеллеру, так как Ричард Никсон проиграет выборы. Однако, как вскоре выяснилось, большинство представителей американского большого бизнеса все же отдавало предпочтение Никсону. Они были уверены, что вслед за Эйзенхауэром Никсон будет продолжать проводить политику удовлетворения их общих интересов. Что касается Рокфеллера, то для них он был прежде всего одним из опаснейших конкурентов.

Такова была обстановка в республиканской партии накануне съезда и выборов 1960 года.

Рокфеллеру, таким образом, не удалось одолеть Никсона. Никсон, однако, согласился с «программой Рокфеллера», которую тот, прежде чем отказаться от борьбы с соперником, изложил ему в ходе секретной встречи. Это позволило Никсону без особого труда стать кандидатом в президенты от республиканской партии.

ПЕРВЫЕ УСПЕХИ

Схватка между Кеннеди и Хэмфри должна была произойти 5 апреля 1960 года в штате Висконсин. Основным рычагом, с помощью которого Кеннеди рассчитывал победить Хэмфри на предварительных выборах в этом

штате, была прежде всего тщательно организованная избирательная кампания.

Кеннеди провел эту свою первую крупную предвыборную кампанию очень гибко и активно. Он, например, всячески обыгрывал то, что местные партийные боссы не склонны поддерживать его кандидатуру. Более того, Кеннеди выставлял себя в качестве противника таких боссов. Он призывал избирателей штата подумать над тем, каким должен быть институт президента. «Президент,— говорил Кеннеди на митингах,— является основной фигурой американской политической жизни, Он должен защищать страну...» Эта несколько прямолинейная тактика дала свои плоды. Избирателям импонировало, что к ним «обращаются за советом» по конституционным вопросам. Постановка проблем национального масштаба как бы раздвигала рамки избирательной кампании Кеннеди.

Вместе с тем уже праймериз в штате Висконсин показали, что основным оружием Кеннеди в избирательной борьбе становится эффективная организация рекламы своей кандидатуры. Кеннеди постоянно имел в своем распоряжении многоместный реактивный самолет. По всему штату проходила лихорадочная вербовка голосов избирателей с помощью клана Кеннеди. В этой борьбе приняли участие почти все его ближние и дальние родственники. По штату Висконсин разъезжали, выступая, уговаривая, обещая, братья и сестры, шурины и кузены Кеннеди. Кампания «Голосуйте за Кеннеди!» проводилась тысячами людей.

Результаты этих усилий не замедлили сказаться. Кеннеди победил Хэмфри, хотя и с трудом. На предварительных выборах в штате Висконсин он получил 55% голосов избирателей. Однако все понимали, что такое преимущество не было достаточно впечатляющим, чтобы убедить руководство демократической партии в том, что именно Кеннеди — самый подходящий кандидат в президенты. Нужна была более убедительная победа.

Кроме того, хотя Кеннеди и победил в большинстве избирательных округов, тем не менее в четырех округах, где большинство населения было протестантами, он потерпел поражение. Голоса, которые получил Кеннеди, падали на избирательные округа преимущественно с католическим населением.

Анализируя обстановку, Кеннеди все это понял и был недоволен результатами предварительных выборов в штате Висконсин. Его соперник Хэмфри, напротив, радостно потирал руки, считая, что успех в четырех из десяти избирательных округов штата для него почти победа.

Мрачное настроение Кеннеди усугублялось еще и тем, что следующие предварительные выборы должны были состояться в штате Вест-Вирджиния, где 95% населения были протестантами и только 5% — католиками. Вот где должна была решиться его дальнейшая судьба!

Кеннеди питал определенные надежды, что Хэмфри, испытывая острый недостаток в средствах, откажется от последующего участия в предварительных выборах. Хэмфри, однако, с новой энергией стал наскребать деньги на продолжение избирательной кампании. Ценой больших усилий это ему удалось. Финансовые средства от его «друзей» поступили.

«Друзья» в основном были людьми Эдлая Стивенсона, который был заинтересован в том, чтобы Хэмфри на предварительных выборах активно выступил против Кеннеди и даже нанес ему поражение. Сторонники Стивенсона считали, что Хэмфри, составив серьезную конкуренцию Кеннеди, добьется поддержки значительного числа голосов выборщиков и на съезде демократической партии блокирует дорогу Кеннеди. Это, по их замыслу, решающим образом способствовало бы успеху Стивенсона.

Избирательная машина Кеннеди заработала с новой силой. Раздосадованный тем, что Хэмфри продолжает борьбу, Кеннеди обрушился на своего соперника, без обиняков заявляя, что Хэмфри не имеет никаких шансов добиться победы на съезде демократов и, следовательно, выступает лишь как подставное лицо для других кандидатов.

В Вест-Вирджинии людьми Кеннеди была проделана еще большая, чем в Висконсине, работа по рекламированию его персоны. «Волонтеры» развернули широкую избирательную кампанию. Они разносили по домам и квартирам, рассылали по почте хвалебные брошюры о Кеннеди. По всему штату давались многочисленные светские приемы, на которых гостей, как бы мимоходом, агитировали за Кеннеди.

По всей стране были «мобилизованы» известные деятели, поддерживавшие Кеннеди. Были также использованы одноклассники Кеннеди по школе и сослуживцы по армии; сын бывшего губернатора штата; артисты; бывшие мэры ряда городов; партийный аппарат комитета демократической партии штата Массачусетс; юристы; весь штат канцелярии Кеннеди в сенате; работники радио и телевидения. Кеннеди и его окружение представляли дело таким образом, как будто все эти люди помогали Кеннеди, симпатизируя ему. Трудно сказать, так ли это было в действительности. Но факт остается фактом: под руководством О'Брайна количество «добровольцев» в штате, работавших в пользу Кеннеди, к концу местной избирательной кампании достигло 9 тыс. человек. Это заставило призадуматься многих.

А тут еще расползлись слухи, что в ходе избирательной кампании в штате Вест-Вирджиния налицо широкий подкуп избирателей. В местной печати появились сообщения о том, что, например, в местечке Логан «цена голоса колеблется от 2 долл. и стопки виски до 6 долл. и шести пинт виски». Это и подобные сообщения перепечатала газета «Нью-Йорк таймс». Правда, при этом делалась оговорка, что коррупция наблюдается «на местных, а не сенаторских выборах».

Подозрения о наличии коррупции в избирательной кампании самого Кеннеди подогревались не кем иным, как вице-президентом Ричардом Никсоном. Он поручил генеральному прокурору Уильяму Роджеру самым внимательным образом «изучить» избирательную кампанию Кеннеди. Роджер подключил к «изучению» Федеральное бюро расследований. Однако никаких результатов, которые были бы на руку Никсону, обнаружить не удалось.

С самого начала своей избирательной кампании в штате Вест-Вирджиния Кеннеди считал, что основным препятствием к победе над Хэмфри будут его, Кеннеди, католическая вера и религиозные убеждения избирателей. Раздумывая над тактикой избирательной кампании, Кеннеди приходит к несколько неожиданному выводу, что в его интересах сделать вопрос о религии ее центром. Как заявлял Кеннеди во всех своих выступлениях по телевидению, он не верит, что ему могут

отказать в праве быть президентом только потому, что он католик.

Этим Кеннеди не ограничился. Он заверял избирателей, что, став президентом, будет осуществлять государственную политику независимо от своих религиозных убеждений. «Если я нарушу эту клятву,— заявлял Кеннеди,— то тем самым не только совершу преступление против американской конституции, преступление, за которое конгресс должен меня судить, но также клятвопреступление против бога». Такова была психическая атака, предпринятая Кеннеди на протестантское население штата Вест-Вирджиния.

Его пропагандистский аппарат активно использовал на выборах в штате Вест-Вирджиния факт участия Кеннеди в войне против Японии. Вовсю популяризировался случай, который произошел в августе 1943 года с экипажем торпедного катера, которым командовал Кеннеди. Местные газеты превозносили Кеннеди как героя войны. В пользу Кеннеди в штате выступил сын бывшего президента США — Рузвельта. По телевидению демонстрировался документальный фильм о Кеннеди, начинавшийся изображением торпедного катера, несущегося темной ночью по волнам Тихого океана. «Если послушать все эти россказни, то можно подумать, что Джон сам выиграл войну»,— раздраженно бурчали сторонники Хэмфри.

И наконец, характерной чертой избирательной кампании Кеннеди в штате Вест-Вирджиния, одном из самых бедных штатов США, была откровенная критика им положения, при котором многие американские семьи влачили полуголодное существование. Кеннеди заявлял, что он потрясен увиденным в штате. Действительно, Кеннеди, который никогда не знал, что такое нужда, был вынужден воочию убедиться в том, что в Вест-Вирджинии многие дети бедняков не знали вкуса молока.

Усилия семейства Кеннеди вскоре начали сказываться на ходе избирательной кампании. Если первые опросы общественного мнения показали, что в штате Вест-Вирджиния 64% избирателей были настроены в пользу Хэмфри и только 36% в пользу Кеннеди, то накануне дня предварительных выборов данные опросов говорили о том, что шансы обоих кандидатов почти

уравнялись. В пользу Хэмфри высказывалось 45% избирателей, в пользу Кеннеди — 42%. Остальные колебались.

Дело, конечно, не только в пропагандистской машине Кеннеди. Пожалуй, более важно то, что у Хэмфри просто было куда меньше денег на свою избирательную кампанию, чем у Кеннеди. Во время избирательной кампании в штате Вест-Вирджиния Хэмфри израсходовал около 25 тыс. долл. Это, конечно, небольшая сумма по американским масштабам. В то же время расходы Кеннеди только на рекламу по телевидению обошлись ему в 34 тыс. долл. Так как Хэмфри не имел такой эффективной организации, какая была у Кеннеди, то даже те средства, которыми он располагал, Хэмфри использовал не лучшим образом.

Хэмфри, например, решил отвечать по телевизору на вопросы, которые ему задавались избирателями по телефону. В первом же вопросе, который был ему задан, высказывалось сомнение, что Хэмфри может быть президентом. Затем было высказано сомнение, в состоянии ли он победить на съезде демократической партии. Но самое неприятное было впереди. В телефонной трубке, которую держал Хэмфри, раздался скрипучий голос престарелой леди, которая посоветовала Хэмфри убираться из Вест-Вирджинии. Хэмфри попытался было ей что-то ответить, однако голос старухи перебивал его. «Убирайтесь отсюда,— требовала она.— Вы слышите, убирайтесь. Вы не можете победить республиканцев. Почему вы не уберетесь отсюда?»

И вот наступил день предварительных выборов — 10 мая. Несмотря на все свои усилия, Кеннеди в душе не очень-то верил в свою победу. В этот день он совсем пал духом.

Укрывшись от глаз назойливых журналистов и фоторепортеров, Кеннеди приглашает в гости двух своих старых друзей, припасает бутылку шампанского, которую, как он объявил, «нужно распить по тому или иному случаю». Впрочем, дома Кеннеди не сиделось, и он отправился в кино.

По возвращении в свою избирательную штаб-квартиру Джон Кеннеди быстро набирает номер. На другом конце линии трубку снимает брат Роберт. Некоторое время Кеннеди, затаив дыхание, слушает его, а затем,

бросив телефонную трубку, пускается в пляс по комнате. Успех, полный успех!

Зашипело и заискрилось шампанское. Присутствовавшие выпили за победу Кеннеди на предварительных выборах в штате Вест-Вирджиния. Он «нокаутировал» Хэмфри подавляющим большинством голосов, Мрачные опасения остались позади. Победа на съезде демократической партии стала казаться Кеннеди вполне реальной.

ПОСЛЕДНИЕ УСИЛИЯ

Победа Джона Кеннеди на предварительных выборах в штате Вест-Вирджиния имела важные последствия. Позиции многих его соперников оказались серьезно поколебленными. Особенно сильно от успехов Кеннеди пострадал Саймингтон. Последний ожидал, что «религиозный вопрос» наложит столь сильный отпечаток на предвыборную борьбу Кеннеди и Хэмфри, что партийные боссы демократической партии придут к одному-единственному выводу: наиболее перспективный кандидат в президенты — Саймингтон. Это предположение, однако, не оправдалось. В Вест-Вирджинии Кеннеди одержал блистательную победу, и с этого момента Саймингтон, по существу, выбыл из числа серьезных претендентов.

Другие соперники Кеннеди — Стивенсон и Джонсон — также не ожидали, что в штате с протестантским населением Кеннеди сможет добиться столь многого. Однако оба они все еще считали, что в борьбе с Кеннеди находятся на правильном пути.

Штаб-квартира Джонсона развернула интенсивную кампанию, направленную против Джона Кеннеди. В своих выступлениях Линдон Джонсон не уставал повторять, что Кеннеди слишком молод и неопытен для того, чтобы быть президентом США. Стране, восклицал Джонсон, нужен «человек с сединой в волосах». Джонсон критиковал Кеннеди за то, что последний осудил полет американского шпионского самолета У-2 над советской территорией. Особое неудовольствие Джонсона вызвало предложение Кеннеди, что американская сторона должна извиниться перед Советским Союзом за это грубейшее нарушение норм международного пра-

ва. По мнению Джонсона, США не должны были уступать русским «ни дюйма». Как отмечали американские политические обозреватели, кампания штаб-квартиры Джонсона против Кеннеди была куда более острой, чем критика его сторонниками республиканца Никсона. А однажды в доверительной беседе со Стивенсоном Джонсон заявил, что он «не может позволить, чтобы им помыкал сорокадвухлетний паренек», т. е. Джон Кеннеди.

Сам Кеннеди относительно спокойно реагировал на выступления своих основных соперников, направленные против него. Основное внимание он продолжал уделять организационной стороне своей избирательной кампании. К лету 1960 года Кеннеди удалось доказать, что он — самый перспективный кандидат от демократической партии на пост президента США: популярность сенатора была продемонстрирована во многих штатах с самым различным населением. Уже в ходе предварительных выборов Кеннеди удалось заручиться поддержкой большого числа голосов выборщиков.

Из всех кандидатов на пост президента Кеннеди совершил больше всего поездок в различные штаты, чаще, чем другие кандидаты, выступал на избирательных митингах. К лету 1960 года не осталось ни одного штата, который не посетил бы Кеннеди. Его обширная личная картотека на местных политических деятелей отражала структуру власти в основании демократической партии и позволяла ему реально оценивать перспективы победы в том или ином штате.

Сторонники Кеннеди умело играли на разногласиях в различных местных организациях демократической партии. Для примера можно отметить, что в Нью-Йорке люди Кеннеди сумели изолировать руководителей партийной машины демократов штата — Пендергаста и Де Сапио, не желавших связывать себя предварительными обязательствами в поддержку Кеннеди. Плоды своих усилий сторонники Кеннеди увидели на съезде демократической партии в Лос-Анжелесе, где штат Нью-Йорк отдал свои голоса Кеннеди.

Особую тактику люди Кеннеди применяли в тех штатах, где они не могли изолировать партийное руководство. В таких случаях они предпочитали договариваться о своеобразном «нейтралитете» партийных

лидеров. Такая тактика, например, позволила нейтрализовать губернаторов штатов Огайо и Калифорния.

К концу июня картина успехов Кеннеди выглядела примерно следующим образом. Он мог твердо рассчитывать на 114 голосов штатов Новой Англии, 265 голосов выборщиков ему должны были дать штаты северо-востока США — Мичиган, Нью-Йорк, Делавер, Индиана, Мэриленд и Огайо. Хуже обстояли дела в южных штатах и в штатах «фермерского пояса». Здесь Кеннеди мог рассчитывать всего на 67 голосов выборщиков. Положение несколько улучшалось тем, что в горных штатах за Кеннеди обещал подать голос 61 выборщик. Совсем неважно обстояли дела в штатах побережья Тихого океана. Здесь на счету Кеннеди имелось всего 28 потенциальных голосов. Общий итог, однако, был чрезвычайно внушительным. Еще до открытия съезда демократической партии в Лос-Анжелесе Кеннеди мог рассчитывать примерно на 550 голосов выборщиков. Подобного «запаса прочности» не имел ни один из его соперников. Более того, никто из них не мог даже мечтать о такой цифре.

Победу Кеннеди в ходе праймериз решили несколько факторов.

Во-первых, семейство Кеннеди принадлежало к бостонской монополистической группировке, тесно связанной с Уолл-стритом, и вполне удовлетворяло требованиям этой наиболее могущественной региональной группировки монополистов. Джон Кеннеди вполне устраивал монополистов северо-востока США. Когда он сделал серьезную заявку на власть, ему особенно не препятствовали в борьбе с другими соперниками из числа демократов.

Во-вторых, в ходе избирательной борьбы Кеннеди израсходовал значительно больше средств, чем любой другой кандидат. Избирательные кампании Стивенсона, Хэмфри и Джонсона стоили по 250 тыс. долл. каждая. Саймингтон израсходовал 350 тыс. долл. Кеннеди же затратил около 1 млн. долл.— почти столько же, сколько все четыре вышеназванные кандидата, вместе взятые. Недостатка в средствах он не испытывал. Состояние Джозефа Кеннеди, активно помогавшего сыну, по самым минимальным оценкам, достигало 400 млн. долл.

В-третьих, Кеннеди сумел создать эффективно дей-

ствующую собственную избирательную машину, которая была укомплектована преданными ему и способными людьми. Кеннеди использовал большее число помощников, чем любой из его соперников. Как уже отмечалось, на Кеннеди работали тысячи «добровольных организаторов».

В-четвертых, значительную роль сыграла активность самого Кеннеди. За период 1956—1960 годов ни один деятель демократической партии, даже ее лидер Эдлай Стивенсон, не выступал в различных штатах столь часто, как Джон Кеннеди. Его энергия была поистине впечатляющей и завоевала многих на его сторону.

В-пятых, Кеннеди использовал предварительные выборы для активного приобретения голосов делегатов на съезде демократической партии и для популяризации своей личности. Это был довольно рискованный путь, но, пожалуй, единственный, если Кеннеди хотел стать президентом США. Путь прямой обработки руководства демократов без апелляции к избирателям в лучшем случае сулил ему второе место — кандидата в вице-президенты. Кеннеди, конечно, использовал и этот метод, но лишь в качестве дополнительного.

И наконец, в-шестых, Кеннеди широко пользовался таким острым оружием, как критика внутренней и особенно внешней политики правительства Эйзенхауэра. Он выдвинул концепцию «новых рубежей» (на которой подробнее мы остановимся далее), стремясь с самого начала предвыборной борьбы внушить простым американцам, что если он будет избран президентом, то внесет существенные поправки в политику США. При этом, конечно, Кеннеди не забывал использовать в своих выступлениях и многие, с его точки зрения полезные, старые клише политики «с позиции силы», отлично понимая, что, если он этого не сделает, против него выступят все силы правой реакции.

Таким образом, победу Джона Кеннеди на приближавшемся съезде демократической партии предопределили благоприятная для него позиция представителей нью-йоркской монополистической группировки, деньги, эффективная избирательная машина, личная активность, умелая тактика и острая критика внешней политики республиканцев.

СХВАТКА В ЛОС-АНЖЕЛЕСЕ

Наступило время решающей схватки. В июле 1960 года в Лос-Анжелесе состоялся национальный съезд демократической партии.

В США, пожалуй, нет другого крупного города, столь странно спланированного, как Лос-Анжелес. Узкой полосой протянулся город по побережью Южной Калифорнии. С севера на юг его пересекают несколько бульваров. Ярко выраженного городского центра в Лос-Анжелесе нет. Все в нем чрезвычайно разбросанно, в том числе и гостиницы. Разбросанными и оторванными друг от друга в различных гостиницах оказались и делегации штатов.

Однако был в Лос-Анжелесе отель, где расположились все основные соперники, в том числе и Кеннеди. Это был «Билтмор-отель», старомодное 11-этажное здание. В «Билтморе» расположился Национальный комитет демократической партии, а также Кеннеди, Джонсон, Стивенсон и Саймингтон. Здесь же разместились представители основных американских радио- и телевизионных компаний.

К концу первой недели июля в Лос-Анжелес съехались со всех концов США делегаты, представлявшие голоса выборщиков штатов. Всего же в город, как подсчитали местные власти, прибыло 45 тыс. человек, так или иначе связанных с работой съезда, в том числе 4750 корреспондентов. Эпицентром всех страстей стала гостиница «Билтмор». Сюда спешили руководители делегаций. Перед входом в гостиницу собирались большие толпы зевак. Днем и ночью здесь дежурили фоторепортеры. С полок книжных магазинов Лос-Анжелеса быстро распродавались книги Кеннеди и Стивенсона.

Со стороны могло показаться, что съезд демократической партии проходил довольно хаотично. Но это было обманчивое впечатление. Невидимые нити протягивались из «Билтмора» к прибывавшим на съезд делегациям. Особенно многочисленные контакты осуществлялись из номера 8315, где находился оперативный центр Джона Кеннеди. Здесь собрались все его основные помощники, почти все те, кто на совещании в Хианиспорте определял тактику и стратегию избирательной кампании Кеннеди. Эти нити, контролировав-

шие голоса выборщиков, держали в своих руках братья претендента Роберт и Эдвард Кеннеди, а также Кеннет О'Доннел, Лоуренс О'Брайн, Джон Бейли, Хай Раскин, Пьер Селинджер и другие помощники Кеннеди. Роберт Кеннеди непосредственно руководил работой 40 человек, которые обеспечивали постоянный контакт со всеми делегациями штатов.

Джон Кеннеди сделал все возможное для того, чтобы стать кандидатом в президенты США от демократической партии. Он ждал решающего часа, и этот час пришел.

Наступил день голосования. Оно началось со штата Алабама. Алабама отдает 20 голосов Джонсону, 3,5 голоса Кеннеди[1], 3,5 голоса Саймингтону и полголоса Стивенсону... Голосует штат Иллинойс — за Кеннеди подано уже 100 голосов... Штат Айова — число голосов «за» вырастает до 200... Штат Массачусетс — «за» подано 300 голосов... Штат Нью-Йорк — почти 500 голосов... Голосует штат Пенсильвания — Кеннеди получает более 650 голосов.

К тому времени, когда голосование дошло до штата Вайоминг, за Кеннеди уже было подано 748 голосов. Напряжение в зале достигает апогея.

Всматриваясь в телевизионный экран, Джон Кеннеди ожидает результатов очередного голосования. Телекамеры выхватывают из зала заседаний делегацию Вайоминга. Среди ее представителей ясно видна фигура младшего брата Джона Кеннеди — Эдварда, который горячо убеждает в чем-то делегатов штата. И вот голосование. Штат Вайоминг отдает свои 15 голосов за Джона Кеннеди. Это была долгожданная победа. Кеннеди набрал 763 голоса — больше, чем требовалось для того, чтобы стать кандидатом в президенты от демократической партии.

Когда голосование закончилось, за Кеннеди было подано 806 голосов, за Джонсона — 409, за Саймингтона — 86, за Стивенсона — 79,5, за других кандидатов — 140,5.

Обращает на себя внимание незначительное число голосов, поданных за Эдлая Стивенсона. А ведь всего за день до голосования зал заседаний, где собрались

[1] Ряд делегатов на съездах демократической партии имеют по $^1/_2$ голоса, т. е. один голос делится пополам между двумя делегатами. Они могут голосовать за разных кандидатов.

делегаты, содрогался от громких возгласов: «Мы хотим Стивенсона!» Тысячи его сторонников заполнили зал. Они беспрерывно скандировали лозунги в поддержку своего кумира. Их энтузиазм, казалось, стал передаваться и делегациям штатов. Однако возгласы одобрения по адресу Стивенсона не могли заменить контроль над делегациями штатов, которым обладал Кеннеди. Стивенсон пришел на съезд без своей организации, и это свело на нет все усилия его сторонников.

Впереди была борьба с Никсоном.

Джон Кеннеди понимал, что в этой борьбе, чтобы победить, ему понадобится поддержка не только партийных боссов восточных и северо-восточных штатов, но и поддержка организаций демократической партии южных штатов. Новому кандидату в президенты понадобилось немного времени, чтобы прийти к выводу, что бывший до этого момента его основным соперником Линдон Джонсон является наиболее подходящим кандидатом для того, чтобы баллотироваться на пост вице-президента США. Джонсон после некоторого колебания и молниеносных консультаций, в том числе с деловыми кругами Техаса, согласился на это предложение.

Через два дня после своего избрания кандидатом в президенты Джон Кеннеди выступил по телевидению США с речью, в которой призвал американцев отдать ему свои голоса. Его смотрели и слушали 35 млн. американцев. Одним из них был вице-президент США Ричард Никсон.

В этот день Кеннеди не был в своей лучшей форме. На его лице проступала явная усталость. Все это не ускользнуло от внимания Никсона. Он с удовлетворением наблюдал, как утомленный Кеннеди скороговоркой заканчивал свое выступление. По мнению Никсона, ему достался довольно слабый, «выдохшийся» соперник на президентских выборах.

ОСТАЛАСЬ ОДНА ПРЕГРАДА — НИКСОН

Борьба Джона Кеннеди за пост президента США вступила в решающую стадию. Положение соперника Кеннеди — вице-президента Ричарда Никсона — было пред-

почтительнее, чем у Кеннеди. Никсон был достаточно хорошо известен американским избирателям. Его активно поддерживал президент Эйзенхауэр. Никсона расхваливали на все лады в республиканской партии и в подавляющем большинстве газет монополистической прессы. Ему открыто симпатизировала американская реакция. Многие ведущие политические обозреватели уверенно заявляли, что Никсон достоин занять пост президента США. На начальном этапе президентской избирательной кампании, согласно опросам общественного мнения, Никсон шел впереди Кеннеди.

Группировке Кеннеди было ясно одно: «неистового Дика» можно победить только в ожесточенной схватке. Но нужно было и еще одно: немножечко везения. И надо сказать, что фортуна и здесь улыбнулась Джону Кеннеди. В ходе избирательной кампании Никсон совершил немало ошибок, облегчивших Кеннеди приход в Белый дом.

Следует отметить, что и после победы Кеннеди на съезде в Лос-Анжелесе положение в демократической партии оставалось напряженным. Либеральное крыло партии было недовольно решением Кеннеди избрать кандидатом в вице-президенты южанина Линдона Джонсона. Многие видные демократы рассматривали это решение Кеннеди как «предательство», «удар в спину» группе Стивенсона. Дело дошло до открытых обвинений. Руководители делегаций ряда штатов стали делать недвусмысленные заявления о том, что, голосовав за Кеннеди, их представители были уверены в том, что кандидатом на пост вице-президента Кеннеди изберет Эдлая Стивенсона, но этого не случилось.

Разочарование многих демократов выбором Джонсона было настолько велико, что Джон и Роберт Кеннеди даже стали сомневаться, уж не совершили ли они ошибку, связав имя Джона Кеннеди с именем Линдона Джонсона. Реакцией на свое выдвижение кандидатом в вице-президенты был недоволен и сам Джонсон. Рассказывают, что он даже стал упрекать своих советников в том, что они «уговорили его» принять предложение Кеннеди.

На этом фоне лишь один человек сохранял полную невозмутимость — отец Джона Кеннеди — Джозеф Кеннеди. При встрече со своим сыном он говорит ему:

«Не беспокойся, Джон. Через две недели все будут говорить, что ты сделал самый умный выбор». После того как осела пыль, поднятая суетой съезда в Лос-Анжелесе, так оно и случилось.

Важной проблемой Кеннеди было и завоевание на свою сторону представителей старшего поколения лидеров демократической партии — Гарри Трумэна, г-жи Рузвельт и Эдлая Стивенсона.

Чтобы привлечь их на свою сторону, Кеннеди пришлось немало потрудиться. Ведь до съезда в Лос-Анжелесе Трумэн, г-жа Рузвельт и, конечно, Стивенсон активно выступали против назначения Кеннеди кандидатом на президентский пост. Кеннеди встречается с ними. Он беседует со Стивенсоном, посещает Элеонору Рузвельт в ее имении в Гайд-парке, встречается с Гарри Трумэном. У всех Кеннеди просит поддержки. Эта поддержка была ему обещана. Ведь дело шло о победе над республиканцами и о том, чтобы с уходом Эйзенхауэра обеспечить уже возможность не только для Кеннеди, но и для сотен сторонников демократов занять государственные посты.

Кеннеди проводит несколько совещаний, где разрабатывается стратегия и тактика борьбы с Никсоном. Как и прежде, упор снова делается на четкую организацию избирательной кампании. Но теперь уже Кеннеди ставит себе на службу весь аппарат демократической партии.

За основу организации был взят старый круг людей, которые и до победы в Лос-Анжелесе поддерживали группировку Кеннеди. К ним, однако, были добавлены тысячи новых организаторов. Приняв принципиальное решение о слиянии своей организации с организацией Национального комитета демократической партии, Кеннеди решает, что сам он больше не будет заниматься организационными вопросами. Во главе всей избирательной машины демократов Джон Кеннеди ставит своего брата Роберта. Основными его помощниками остаются все те же люди — О'Брайн, О'Доннел, Джон Бейли, Стефан Смит и Пьер Селинджер. Понимая, что подавляющему большинству американцев он все еще недостаточно известен, Кеннеди решает всю свою энергию направить на произнесение публичных речей и выступления по телевидению.

По всей стране создаются организации «Граждане за Кеннеди». Основное внимание уделяется избирательной кампании в западных штатах, где позиции Кеннеди были не сильны. За этот район отвечал второй брат кандидата в президенты — Тэд Кеннеди. Сарджент Шривер и Харрис Вуффорд должны были обеспечить Кеннеди поддержку негритянских избирателей. Гарри Трумэн взялся агитировать за Кеннеди среди баптистов. Эдлай Стивенсон обещал помощь в Калифорнии. Сенатор Хэмфри предложил свои услуги в штате Миннесота. Джозеф Кеннеди оказался прав. Все распри среди демократов были на время отложены в сторону. Они думали об одном — как победить Никсона.

Но обстановка в целом складывалась достаточно сложная.

Для ведения президентской избирательной кампании личного богатства семейства Кеннеди было уже недостаточно. Особенно если учесть, что многие влиятельные деловые люди, ожидая победы Никсона, направляли большую часть средств в адрес республиканской партии. Взносов в фонд избирательной кампании Никсона размером в 10 тыс. долл. и более было больше, чем в избирательный фонд демократической партии. Финансовые средства в адрес Никсона текли рекой. Они даже превысили финансовые поступления в адрес Эйзенхауэра перед выборами в 1952 и 1956 годах. Монополии, конечно, не забывали и о кандидате в президенты от демократической партии. Многие из них предпочитали вносить деньги в избирательные фонды как Никсона, так и Кеннеди. Немало капиталистов были не прочь потрясти свои карманы, лишь бы фигурировать в списках людей, помогавших кандидату стать президентом. Наиболее активных на этом поприще, как показывает практика, кандидаты в президенты в случае успеха затем «вспоминали». И это считалось вполне обычным делом. Не оказался исключением и Кеннеди.

Кеннеди использовал в своей избирательной кампании внешнеполитические провалы правительства Эйзенхауэра.

Выступая на избирательных митингах, Кеннеди резко критиковал деятельность республиканского правительства. Он повсеместно обращал внимание американцев на то, что престиж США во всем мире падает.

Кеннеди призывал американцев «не стоять на месте» и обещал «повести Америку вперед». Лейтмотив выступлений Кеннеди — неудовлетворенность американской внешней и внутренней политикой — находил широкий одобрительный отклик. Подавляющее большинство американцев было недовольно тем, как шли дела у США. И хотя молодой кандидат в президенты облекал свою критику действий правительства Эйзенхауэра в довольно общую форму, тем не менее он все более приходился по душе многим, кто его раньше совсем не знал. Другое дело Никсон. Тот все время восхвалял деятельность правительства Эйзенхауэра, самого себя, и это у многих вызывало раздражение.

Рекламируя свой «государственный опыт», Никсон, например, заявлял: «Я был там (т. е. в Белом доме.— *А. Г.*) в то утро, когда принималось решение по Ливану. Я был там, когда решался вопрос о Триесте. Я был там, когда... принимались другие решения, сохранившие мир... Я убежден, что в наше время Америка не может позволить себе использовать Белый дом в качестве тренировочной площадки для того, чтобы кому-то набраться опыта за счет Соединенных Штатов Америки».

Не оставался в долгу и Кеннеди, парируя выпады Никсона. «Г-н Никсон не понимает, что президент Соединенных Штатов, г-н Эйзенхауэр, не является кандидатом. Вы видели слонов в цирке... вы знаете, как они передвигаются по арене, ухватившись хоботом за хвост впереди идущего слона. Это могло сойти в 1952 и 1956 годах. Тогда г-н Никсон ухватился очень крепко. Но в настоящее время г-н Никсон предстал перед народом. Выбирают не Эйзенхауэра. Вопрос состоит в том, хочет ли народ этой страны видеть своим лидером г-на Никсона и республиканскую партию — партию, которая никогда не стояла за прогресс».

И так продолжалось день за днем, неделя за неделей.

К концу избирательной кампании республиканцы стали прибегать в борьбе к приемам вроде следующего. На стенах домов крупных промышленных центров, особенно тех, где производилось вооружение, появились плакаты с надписью: «Джон Кеннеди охотится за вашей работой». Так пропагандистский аппарат республиканцев попытался обыграть некоторые высказывания

Кеннеди в пользу разоружения. Последний отпарировал: «Я охочусь за работой г-на Эйзенхауэра».

Во многом подвела Никсона собственная самоуверенность. Считая себя хорошим оратором, Никсон обрадовался, когда ему предложили выступить совместно с Кеннеди в серии телевизионных передач. Эти передачи должны были стать своего рода соревнованием между двумя кандидатами. Преимущества, которые Кеннеди мог получить от этих дебатов, были вполне очевидны. Участвуя в дискуссии с вице-президентом, Кеннеди, несомненно, повышал свой личный престиж, а в случае удачного для себя исхода дебатов мог опровергнуть мнение о себе как о молодом и неопытном кандидате в президенты. Это было ясно всем, кроме Никсона. Последний настолько уверовал в свое умение вести спор, что собирался легко одержать верх над Кеннеди.

Все ведущие республиканцы, в том числе и президент Эйзенхауэр, советовали Никсону не ввязываться в телевизионную дискуссию с Кеннеди. Но Никсон отверг эти советы.

Переговоры обеих сторон об организации телеинтервью начались летом 1960 года. Вскоре было достигнуто соглашение об организации четырех интервью, каждое из которых должно было продолжаться один час.

Первая телевизионная стычка между Кеннеди и Никсоном состоялась 26 сентября в Чикаго. Эта передача транслировалась по всей стране. Обсуждалась внутренняя политика американского правительства. Перед началом дебатов Кеннеди и Никсон нервно улыбнулись друг другу и обменялись ничего не значащими банальностями. В 8.30 вечера телепередача началась.

Уже в первом своем выступлении Кеннеди обрушился на правительство Эйзенхауэра с резкой критикой. Он заявил, что не удовлетворен экономическим положением США и темпами развития страны. В то время как в Советском Союзе, отметил Кеннеди, выпускается в два раза больше ученых и инженеров, чем в США, в его стране стали обычным явлением переполненные школы и плохо оплачиваемые учителя. Расовая дискриминация не дает возможности рационально использовать таланты и способности многих американцев. Америка должна снова двинуться вперед, заключил Кеннеди.

Никсон не ожидал столь резкой критики республиканского правительства со стороны Кеннеди. Растерявшись, Никсон стал не столько защищать деятельность правительства, сколько соглашаться с критикой Кеннеди. Это было настолько необычно, что политические сторонники Никсона, следившие за передачей, схватились за голову.

Более удачно, чем Никсон, Кеннеди ответил и на вопросы представителей прессы. Уже после показа первого интервью американская печать писала о том, что «Никсон их проиграл».

Следующие телевизионные дебаты между Никсоном и Кеннеди происходили 7, 13 и 21 октября. Заключительная передача состоялась в Нью-Йорке. Во время обсуждения американской внешней политики Кеннеди отметил повсеместное падение престижа США. Никсон, наоборот, вопреки фактам утверждал, что этот престиж, как никогда, высок. Кеннеди со знанием дела заметил, что правительственная служба пропаганды США (ЮСИА) провела за пределами США обследование, результаты которого противоречат высказыванию Никсона. Он предложил Никсону опубликовать результаты этих секретных обследований. (Между прочим, обследования ЮСИА до президентских выборов так и не были обнародованы. Они подтвердили бы правоту Кеннеди.)

В своих выступлениях Кеннеди также критиковал действия клики Чан Кай-ши, отмечая ее агрессивность и возможность втягивания США в войну с Китаем. Никсон не нашел ничего лучшего, как обвинить Кеннеди в «умиротворении» коммунистов. Затем Никсон в свою очередь перешел в атаку. За последние полвека, заявил он, три президента демократической партии втянули нас в войну. «Я, однако, не подразумеваю, что эта партия является партией войны»,— тут же поправился Никсон. Так Никсон попытался сыграть на миролюбивых чувствах простых американцев. Характерно, что он поставил на одну доску борьбу народа США против гитлеровской Германии и агрессию правительства Трумэна в Корее.

Влияние телевизионных дискуссий между Никсоном и Кеннеди на американских избирателей трудно переоценить. Каждую из этих передач смотрело от

50 до 75 млн. человек. По некоторым подсчетам, более 3 млн. из них приняло решение о том, за кого они будут голосовать, после просмотра этих телепередач. Все видные политические обозреватели сошлись на том, что значительное большинство колебавшихся американцев приняло решение голосовать за Кеннеди.

8 ноября 1960 года в США состоялись президентские выборы. За Джона Кеннеди было подано 49,7% общего числа голосов избирателей, за Ричарда Никсона — 49,6%. Это был беспрецедентно маленький разрыв между голосами, поданными за двух основных кандидатов.

Кеннеди победил Никсона в штатах Новой Англии и в восточных штатах. Он также взял верх и в южных штатах, где, без сомнения, сказалось влияние кандидатуры Линдона Джонсона. На Среднем Западе голоса между Кеннеди и Никсоном разделились почти поровну. Традиционное влияние республиканцев в западных штатах помогло Никсону одержать в них победу над Кеннеди. Кеннеди был впереди в таких влиятельных штатах, как Нью-Йорк, Нью-Джерси, Массачусетс, Пенсильвания, Мичиган, Иллинойс и Техас. Никсон победил только в двух ключевых штатах — Огайо и Калифорнии.

Победа Кеннеди над Никсоном в течение всей избирательной президентской кампании висела буквально на волоске. Однако это не могло изменить окончательного результата. Дорога Джона Кеннеди в Белый дом заканчивалась. Ему оставалось ждать инаугурации — официального возведения в должность президента США.

Глава третья. НАСТРОЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

НАСТРОЕНИЯ

Полвека назад с безраздельным господством буржуазии в международных делах было покончено. На мировой арене появилась и быстро завоевала поддержку народов качественно новая, социалистическая политика, питаемая идеями марксизма-ленинизма. Это была великая перемена в международных отношениях. С течением времени внешняя политика империалистов, опиравшаяся на традиционные методы военной силы, давления и угроз, заходила во все более глубокий тупик. Оценивая исторический перелом в международной политике, сенатор Фулбрайт писал:

«В течение четырех столетий до начала первой мировой войны мировая история была в значительной мере историей западной цивилизации, ее динамизма и творческих сил, её внутренних связей и разногласий, историей ее воздействия на остальной мир. В результате крупных конфликтов XX века Запад утратил свое превосходство в силе, благодаря которому его идеи, интересы и институты до 1914 года превалировали во всем мире. Ныне же впервые в современной истории мощи и интересам западных государств брошен серьезный вызов извне: теперь Запад уже не может (если у него раньше и была такая возможность) рассматривать свои идеи и ценности как имеющие всеобщее применение. Эта великая историческая перемена является главным фактором, определяющим перспективы Запада во второй половине XX столетия».

На всем протяжении 50-х годов в США усиливался кризис политики «холодной войны». Американцы все

явственнее чувствовали, что вопросы внешней политики, когда-то не имевшие для многих из них особого значения, начинают все чаще вторгаться в жизнь каждого. Гонка вооружений вызвала стремительный рост налогов. Войны в Корее, а затем и во Вьетнаме лишили жизни многих молодых американцев. Атомная, а затем и водородная бомбы не стали монополией США, как на это надеялись в Вашингтоне. В Азии, Африке и Латинской Америке продолжало развиваться и одерживать успехи национально-освободительное движение. А главное — все более крепла мировая социалистическая система. В этих условиях старая основа внешней политики США вступила в острое противоречие с новыми факторами международных отношений.

В конце 50-х годов все больше американцев начинают уставать от «холодной войны». Видя поражения и провалы ее вдохновителей, они ждут изменений во внешнеполитическом курсе правительства США в пользу мира.

Значительное влияние на падение престижа республиканского правительства, как известно, оказала провокационная авантюра с засылкой в пределы Советского Союза шпионского самолета У-2 (1960 год). Это была, конечно, далеко не первая провокация американских властей в отношении советской страны. Но она, пожалуй, была одной из самых неуклюжих.

Непосредственно ответственным за нее объявил себя президент Эйзенхауэр. В попытке оправдаться сначала изолгался, а затем занял провокационную позицию госдепартамент. В результате даже те американские избиратели, которые до инцидента с У-2 слепо верили в «миролюбие» президента Эйзенхауэра, могли убедиться, что внешняя политика США сознательно подталкивается официальным Вашингтоном в направлении опасной для дела мира грани. Вместо «политики мира» американскому народу преподнесли очередную провокацию, возведенную к тому же в ранг государственной политики. Инцидент с У-2 бумерангом неожиданно ударил по правительству Эйзенхауэра, в какой-то степени уменьшив число голосов в пользу протеже Эйзенхауэра — кандидата в президенты Никсона.

Надо сказать, что ультраправые круги США были в определенной степени обеспокоены возможностью

прихода Джона Кеннеди к власти. Они не хотели, чтобы внешняя политика США в малейшей степени эволюционировала в сторону реализма и отказа от «холодной войны».

Так, например, накануне выборов американский политический обозреватель Дэвид Лоуренс запугивал избирателей возможностью победы Кеннеди. В статье «Чья победа?» Лоуренс писал: «Поражение кандидатур Никсона — Лоджа будет рассматриваться во всем мире как определенный отказ от политики президента Эйзенхауэра и его администрации». Далее Лоуренс прямо высказывался в пользу продолжения политики «холодной войны», выражая несогласие с некоторыми речами Кеннеди.

Лоуренс, так же как и многие другие реакционные американские обозреватели, считал, что высказывания кандидата в президенты означают, что Кеннеди, если только он не бросает слов на ветер, может попытаться изменить американскую политику во многих ее важных аспектах. Такая перспектива американскую реакцию не устраивала. Более того, она требовала усиления агрессивности и экспансионизма американской внешней политики.

Кое-кто опасался, что Кеннеди может стать новым Рузвельтом. Надо сказать, что «призрак Рузвельта» всегда пугал американские правые круги. Они не забыли, что именно Рузвельт взял курс на нормализацию советско-американских отношений, которые впоследствии переросли в союз, сыгравший немалую роль в разгроме фашистской Германии.

Реакция в США никогда не одобряла такие дальновидные шаги этого президента. В своем арсенале средств борьбы с Советским Союзом она, как известно, полагалась сначала на вооруженную интервенцию, «непризнание», а затем и на «холодную войну». Ее вполне устраивал курс правительства Эйзенхауэра, которое лишь заигрывало с «духом Женевы» и «Кемп-Дэвида». Вот почему большая часть американской пропагандистской машины атаковала кандидата в президенты Кеннеди справа, защищая тезис о том, что американская внешняя политика не нуждается в каких-то новых «опасных» поворотах и должна следовать старой, проверенной дорогой.

Когда Джон Кеннеди в своих выступлениях высказывался, например, в пользу переговоров с Советским Союзом за запрещение испытаний ядерного оружия, то это встречалось ультраправыми в штыки. Их раздражал сам тон тех речей Кеннеди, где выдвигались требования перемен. И хотя, как было ясно всякому внимательному наблюдателю, многие высказывания Кеннеди о «новой» политике делались в тактических целях, реакция все же не хотела рисковать появлением в Белом доме не во всем послушного ей человека. Призывы Кеннеди о необходимости серьезных переговоров с Советским Союзом в чем-то перекликались с заявлениями, которые в свое время делал Рузвельт. Незадолго до смерти Рузвельт, например, заявлял: «Американский народ рад и гордится тем, что находится в союзе с храбрым народом России не только в борьбе за военную победу, но и в закладке фундамента для всеобщего мира, который, как я надеюсь, последует за войной, и в деле сохранения этого мира».

Как известно, правящий класс США — монополисты избрали после 1945 года в отношении СССР совершенно другой курс, суть которого свелась к отказу от сотрудничества с Советским Союзом и попыткам свержения социалистических правительств. Любое, даже мимолетное, высказывание молодого Кеннеди о необходимости пересмотра даллесовской политики встречалось открытыми сторонниками «холодной войны» крайне отрицательно. Отсюда и настороженность в отношении кандидатуры Кеннеди. Отсюда тактика махрового антикоммунизма и антисоветизма, избранная Никсоном. С помощью именно этих средств поддерживавшие Никсона люди надеялись поставить у власти протеже Эйзенхауэра. И — просчитались. Кеннеди оказался дальновиднее Никсона, Лоуренса и им подобных.

Поскольку дело касалось американских избирателей, Кеннеди, очевидно, чувствовал, что провалы американской внешней политики 50-х годов, банкротство различных агрессивных доктрин вроде «сдерживания» и «отбрасывания» требовали от кандидата в президенты изменения хотя бы тона в подходе к коренным проблемам международных отношений. Атмосфера уравновешенности многих речей Кеннеди довольно резко контрастировала с озлобленностью и агрессивностью его

соперника Никсона, когда дело касалось проблем мира и войны, советско-американских отношений. И американский избиратель, впрочем весьма неуверенно, проголосовал за уравновешенность Кеннеди, отвергнув агрессивность Никсона.

Нельзя, однако, закрывать глаза на то, что на протяжении 50-х годов в США усиливались не только реалистические тенденции, но и шел интенсивный рост могущества и числа экстремистски настроенных, обильно финансируемых ультраправых организаций. Для них милитаризация экономики США и курс на насилие в международных отношениях были чем-то само собой разумеющимся. За спиной американских ультраправых всегда стояли наиболее алчные и авантюристические круги монополистического капитала. Они отвергали всякую возможность мирного сосуществования с социалистическими странами. Представители военно-промышленного комплекса хотели не прекращения «холодной войны», а ее активизации. Они выступали против «новых» гибких методов проведения внешней политики США, опасаясь, что в погоне за «более искусными» внешнеполитическими шагами Вашингтон постепенно отойдет от некоторых старых догм. Одним словом, ультраправые выступали против любых, даже символических, изменений, которые могли бы привести американскую внешнюю политику в соответствие с действительностью.

Основными целями реакционных политиков и ультраправых США в области внешней политики являлись и являются: отказ от мирного сосуществования с социалистическими странами, подавление национально-освободительного движения с помощью военной силы, нагнетание международной напряженности путем гонки вооружений, сохранение во всем мире военно-политических блоков империалистов, ставка на германский милитаризм и реваншизм, отказ от малейших позитивных шагов в советско-американских отношениях, поддержка на международной арене реакционных, прогнивших режимов. Для прикрытия своих целей реакционные круги в США постоянно используют самую оголтелую пропаганду антикоммунизма.

Здравомыслящая группа американских политических деятелей и организаций по своей численности и

влиянию намного уступала и до сих пор уступает реакционным, ультраправым организациям. Однако к ней примыкает все больше людей, которые раньше занимали пассивную или выжидательную позицию по вопросам внешней политики.

Между трезвомыслящими деятелями и ультраправыми элементами США расположена, разношерстная по своим настроениям, самая большая группа довольно аморфного «центра». Его представители обычно послушно следуют за американской официальной пропагандой. В своем подавляющем большинстве группа «центра» находится под влиянием различного рода агрессивных доктрин американского империализма и мифов, распространяемых пропагандистским аппаратом правительства и монополий. Наряду с этим и у представителей этой группы под влиянием революционных изменений, происходящих в мире, растет интерес к происходящим в международной жизни событиям. Многие американцы лихорадочно ищут ответы на проблемы, которые ранее их не интересовали. И главная из них — это проблема войны и мира. Как не допустить войны и укрепить мир? Идет своего рода поляризация американского общественного мнения по этим вопросам, что в свою очередь ведет к обострению внутриполитического положения в США. Это особенно заметно в настоящее время, когда американское общество все более раскалывается по вопросу об отношении к агрессивной войне, которую ведут США во Вьетнаме.

Огромное воздействие на настроения правящих кругов США накануне прихода Кеннеди к власти оказывало состояние экономики.

Как известно, в конце XIX века США вышли на первое место в мире по своей экономической мощи. К началу XX века в промышленном отношении США стали самой сильной страной капиталистического мира. Как первая, так и вторая мировые войны способствовали еще большему упрочению экономического и политического положения США среди капиталистических стран. В конце 20-х годов XX столетия США производили более 44% промышленной продукции капиталистического мира. Затем, как известно, США дважды поразил острый кризис, от последствий которого они не оправились вплоть до второй мировой войны.

Во время войны в США опять наступил экономический бум. Их империалистические соперники в Западной Европе, за исключением Англии, были в военном и экономическом отношении сильно ослаблены. Через три года после окончания второй мировой войны, в 1948 году, США производят 54% промышленной продукции капиталистического мира. Но затем наблюдается относительное уменьшение их экономической мощи. В 1953 году доля промышленной продукции США составляет 52% продукции капиталистического мира, а в 1960 году — 45%.

Знаменательна и такая цифра. Если доля США в мировом экспорте в 1947 году составляла 32%, то в период, когда Кеннеди стал президентом, она составила всего 20%, а в 1962 году — 17%.

Падение доли промышленной продукции и экспорта США в капиталистическом мире — это только одна сторона медали. Другой ее стороной является все увеличивающаяся зависимость американской промышленности от импорта сырья. Достаточно сказать, что по таким металлам, как свинец, цинк, вольфрам, ртуть, потребность США в импорте превышает 50%, а по таким, как марганец, олово, никель, хром, сурьма, кобальт,— 90%.

Конечно, после второй мировой войны американский империализм далеко не по всем статьям постепенно сдает свои позиции империалистическим соперникам. США все еще неизмеримо мощнее любого из них. Если до первой мировой войны США были страной-должником, то уже после нее они стали крупнейшим экспортером капитала. Широкая экспансия доллара —одна из характернейших черт международных экономических отношений 50-х годов. Достаточно сказать, что если в 1913 году на долю США приходилось менее 10% всех иностранных капиталовложений основных империалистических держав, то к 1960 году американские капиталовложения уже составляли 50% всех иностранных капиталовложений.

И все же 1960 год, когда Кеннеди пришел к власти, был годом, не вселявшим в сердца представителей деловых кругов радужных надежд. Во второй половине 1960 года все сильнее стала проявляться тенденция снижения темпов развития американского промышлен-

ного производства. Увеличивалась недогрузка производственных мощностей предприятий. Росла массовая хроническая безработица. Промышленное производство США в 1960 году увеличилось по сравнению с 1959 годом всего на 2,8%, причем главным образом за счет некоторого увеличения производства в первой половине года. Все больше экономических показателей говорило о том, что США вступают в полосу кризисного падения производства.

Кеннеди и его экономические советники были глубоко встревожены сложившимся положением. По указанию Кеннеди создается специальная экономическая группа под руководством профессора Сэмюэлсона. В самом начале 1961 года, после лихорадочно быстрого изучения состояния американской экономики, группа делает вывод о том, что «экономика страны переживает спад». Это было, конечно, мягко сказано. Достаточно отметить, что производство стали, например, снизилось с 10,9 млн. *т* в январе 1960 года до 5,4 млн. *т* в декабре. Соответственно упала с 96 до 49% и загрузка сталелитейных предприятий. В 1960 году стали в США было произведено на 16 млн. *т* меньше, чем, например, в 1955 году.

В 1960 году по сравнению с 1959 годом в США также резко упали производство легковых автомобилей и добыча угля, снизился выпуск продукции таких отраслей промышленности, как машиностроение, производство металлов, текстильная, резиновая и др. В последнем квартале 1960 года произошло снижение объема капиталовложений. Уменьшился также объем жилищного строительства.

Конечно, не во всех отраслях промышленности имели место подобные явления. Значительная часть из них топталась на месте. В некоторых, как, например, производство электроэнергии, радиоэлектроника и полупроводниковое оборудование, производство даже несколько увеличилось. Но в общем можно сказать, что перспективы американской экономики на 1961 год были тревожными.

В этих условиях от правительства требовали эффективного использования государственно-монополистического механизма. Как и ранее, в подобного рода ситуациях в качестве антикризисного мероприятия

большие надежды возлагались на гонку вооружений и очередное увеличение военных расходов.

Во второй половине 1960 года министерство обороны правительства Эйзенхауэра развило особенно бурную деятельность по размещению новых военных заказов. Можно, например, отметить, что их объем в первом квартале 1960/61 финансового года по сравнению с первым кварталом предыдущего финансового года увеличился почти на 50%. Эту эстафету гонки вооружений и передали в конце 1960 года правительству Кеннеди. Как мы увидим далее, новый президент, не нарушив традиций, продолжал форсировать гонку вооружений, видя в ней средство стимулирования американской экономики.

Серьезно ослабляла экономику США и другая хроническая болезнь капитализма — массовая безработица, постоянно колебавшаяся в пределах нескольких миллионов человек; цифра полностью безработных упорно не опускалась ниже 3 млн.

Но, пожалуй, ничто так не волновало американских капиталистов в конце 50-х годов, как быстрое падение уровня золотого запаса США.

Вторая мировая война, разрушив и обескровив значительную часть Европы, вместе с тем способствовала резкому увеличению золотого запаса США. В 1950 году он составил 22 млрд. 820 млн. долл. На этом уровне золотой запас США держался вплоть до 1957 года, а затем стал быстро сокращаться. В 1958 году золотой запас составил 20 млрд. 582 млн. долл., в 1959 году — 19 млрд. 456 млн. долл., а в 1960 году упал до уровня 17 млрд. 766 млн. долл.

Усилились темпы отлива золота из США, особенно в страны Западной Европы. В 1958—1960 годах общий дефицит платежного баланса США составил 11 млрд. долл. (за 1960 год — примерно 4 млрд. долл.).

В значительной мере дефицит платежного баланса был связан с громадными военными расходами США за границей. Только в 1960 году расходы на содержание американских вооруженных сил за границей достигли 3 млрд. долл. Осуществляя свою экспансию в Западной Европе и развивающихся странах, США в 1958—1960 годах истратили на «помощь» иностранным

государствам около 14 млрд. долл., из них 7 млрд.— на прямую военную помощь.

Все говорило о том, что дальнейшее падение золотого запаса будет остановить нелегко. Но именно этого ожидали финансовые круги от президента Кеннеди, требуя, чтобы он восстановил пошатнувшееся в Западной Европе доверие к доллару.

Дело было, однако, не только в устранении тех или иных конкретных финансовых или валютных трудностей. Новый президент вступал в должность в обстановке глубокого и всестороннего кризиса, переживавшегося Соединенными Штатами. Кризиса, поразившего экономику, политику, идеологию буржуазного строя.

Причины этого кризиса обусловлены самим характером и основными тенденциями современной эпохи.

История человечества идет вперед. Направление движения — социализм и коммунизм. Коммунистическая идеология все более доказывает свою правоту, привлекая на свою сторону миллионы новых борцов за переустройство несправедливого старого мира. Этого не могут не видеть и в правящей верхушке США. Эти люди, во всяком случае наиболее дальновидные из них, уже поняли, что не только «уничтожить», но и остановить распространение идей коммунизма им не удастся. Осознание этого настолько подорвало веру американского капитализма в свои духовные силы, что он во многом потерял способность трезво оценивать факты.

Да, американский империализм боится коммунистической идеологии, боится, что стремительно несущаяся вперед могучая река социалистических и коммунистических идей настолько подмоет основы, на которых стоит здание капитализма, что оно, то медленно оседая, то быстро проваливаясь, обрушится, расчистив площадку для новых строителей и архитекторов человеческой жизни.

Настроения людей, заседающих в Пентагоне, госдепартаменте, Центральном разведывательном управлении, известны. Большинство продолжает до сих пор мыслить примерно таким образом: «Советы и коммунисты — наши враги, они продолжают теснить нас все больше и больше. В борьбе с ними все средства хороши». Нетрудно догадаться, какого рода рекомендации дают

подобные «эксперты» по международным делам и «советологи» своим шефам, а те в свою очередь — министрам и президенту. На последнего сыплются буквально десятки и сотни докладных, в которых все инакомыслящие люди в Азии, Африке и Латинской Америке объявляются недругами США и даже коммунистами. В результате перед Трумэном, Эйзенхауэром и Кеннеди развертывалась картина международной жизни, где повсеместно якобы «из-за козней коммунистов» наблюдался упадок американского влияния и мощи.

Страх, испытываемый капиталистическими Соединенными Штатами перед странами социалистического содружества, стал постоянным спутником американской внешней политики. США стали все более недоверчиво относиться к своим союзникам, бояться любого прогрессивного социального движения, возникающего в той или иной стране. Именно в такой атмосфере и начинал свою президентскую деятельность Джон Кеннеди, и это, безусловно, наложило на нее отпечаток.

Американская буржуазия все больше теряет веру в силу своих идей. Она чувствует, что они ей не помогают. И многие представители американской монополистической буржуазии утрачивают доверие к теории вообще. Эту утерю доверия, например, следующим образом выразил в своей книге «Перспективы для Запада» американский сенатор Джеймс Фулбрайт, причем довольно оригинальным образом. «Идеи — это тюрьмы, изобретенные идеологами»,— убежденно заявляет он.

По мнению Фулбрайта, идеи «изобретаются идеологами», ни больше ни меньше. Поэтому-де они вредны для человечества. «Великие проекты и универсальные идеи,— утверждает сенатор,— желательны лишь теоретически и выходят далеко за пределы известных нам человеческих возможностей и человеческой мудрости...»

Имея в виду американскую внешнюю политику, Фулбрайт как-то откровенно заявил, что «временами мы (США.— *А. Г.*) действуем, как если бы мы не верили в свое величие, как если бы наш престиж был постоянно под угрозой, требуя неустанных усилий для доказательства миру того несомненного факта, что мы

действительно представляем собой великую и могущественную нацию».

Сенатор Фулбрайт попал, как говорится, в точку. Немало представителей правящих кругов США, чувствуя, как «почва уходит у них из-под ног» сразу в нескольких местах, действительно не верят больше в величие американского капитализма. А что касается престижа США, то он из-за агрессивной внешней политики Вашингтона падает все ниже и ниже.

Нет необходимости перечислять другие пессимистические высказывания, сделанные в США в тот период. Пожалуй, можно привести еще лишь одно, сделанное Генри Киссингером в книге «Необходимость выбора»: «Соединенные Штаты не могут более позволить себе упадка, которым охарактеризовались последние пятнадцать лет. Еще пятнадцать лет такого ухудшения нашего положения на международной арене, и мы превратимся в изолированную Америку в мире, которому в значительной мере стали чужды».

Примерно такие же настроения господствовали и в окружении Кеннеди. Сам он обеспокоенно оценивал положение, в котором очутились США к 1960 году, его тревожили повсеместные провалы американской внешней политики на мировой арене.

В 1960 году вышел сборник речей Кеннеди «Стратегия мира». В предисловии к нему он писал: «Главная мысль этих речей заключается в том, что мы не выходим из состояния кризиса в силу двух причин: во-первых, потому, что мы еще не выработали стратегии мира, которая бы соответствовала новому миру, в котором мы живем, а во-вторых, потому, что не платим цены, которой требует такая политика».

По мнению Кеннеди, американская внешняя политика до 1960 года основывалась на монополии, которой США обладали после второй мировой войны, в двух областях: «монополии возможности экспортировать капитал и оказывать техническую помощь Европе и слаборазвитым странам» и «монополии обладания атомным оружием и способности доставить его к цели».

Кеннеди, однако, отдавал себе отчет, что этой монополии давно пришел конец. Еще в 1949 году Советский Союз ликвидировал атомную монополию США. Советские ученые и техники раньше американских создали

водородную бомбу. Работая в условиях взвинченной западом гонки вооружений, они создали блестящую военную технику, в том числе непревзойденные средства доставки ядерного оружия. «Потрясающий прогресс в технике ракетостроения привел Советский Союз к превосходству над Соединенными Штатами в способности доставить ядерные боеголовки к цели»,— писал Кеннеди.

Кеннеди придавал большое значение тому, что в 50-х годах Советский Союз стал оказывать братскую техническую помощь уже не только социалистическим странам, но и странам развивающимся. Кеннеди считал успехи Советского Союза в этой области «исключительными», высказывая при этом мнение, что они будут иметь «большее значение, чем их триумф в военной технике».

Какие же выводы делал Кеннеди из этих своих рассуждений и оценок? На первый взгляд довольно трезвые. Прежде всего он объявил пресловутую политику «освобождения», проводившуюся президентами Трумэном и Эйзенхауэром, «обманом и иллюзией». Кеннеди без обиняков заявил, что у США нет возможности «освободить Восточную Европу». Более того, он высказал одну из самых своих реалистичных мыслей, когда призывал американские правящие круги «показать свою мудрость и зрелость, вступив в конструктивный обмен мнениями, в переговоры с Советским Союзом». В этом высказывании президента, безусловно, наибольший интерес вызывает слово «конструктивный». Он тогда еще не раскрывал его содержания. Но уже сама постановка вопроса в позитивном плане представляла определенный шаг вперед на фоне ожесточенной антикоммунистической и антисоветской кампании, периодически захлестывавшей США.

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ

Однако настроения настроениями, но есть в США факторы куда более осязаемые и реальные, чем настроения. Это силы, которые стоят за фасадом внешней и внутренней политики США. Стояли они и за спиной Джона Кеннеди.

Капиталистическая система в США господствует вот уже 200 лет. За это время она накопила немалый экономический и военный потенциал, но вместе с тем и основательно подгнила. В этом стареющем обществе постепенно сложился реакционный комплекс сил, диктующих внутреннюю и внешнюю политику США.

Это — монополистический капитал. Именно его ставленники находятся у кормила государственной власти.

Однажды министр обороны США Ч. Вильсон, до своего назначения на этот пост являвшийся руководителем могущественного концерна «Дженерал моторс», произнес циничную фразу, облетевшую весь мир. Он сказал: «Что хорошо для «Дженерал моторс», хорошо и для страны». Вильсон, таким образом, во всеуслышание признал, что интересы крупных монополий — тот компас, которым руководствуется правительство США в своей деятельности. Президент США, маститые сенаторы, бойкие члены палаты представителей, весь чиновничий аппарат фактически находятся на службе у монополистов. Монополистический капитал — это та главная и решающая сила, которая контролирует американскую внешнюю политику. Монополисты верховодят и в американской внутренней политике. Им и здесь подчиняется почти решительно все.

Внешняя политика США определяется интересами монополистического капитала в целом. Эти общие интересы всех групп американских монополистов можно свести примерно к следующему: борьба против социалистических стран и передовых идей; поддержка самых реакционных, антинародных режимов; борьба с помощью старых колониалистских и новых, более гибких методов неоколониализма против национально-освободительных движений.

Общий интерес американских монополий на международной арене сводится, таким образом, к тому, чтобы не допустить развития новых стран и народов по социалистическому пути, сохранить или развить в них, в зависимости от конкретной обстановки, капитализм.

Наличие общей основы внешней политики США органически связано с тем, что все монополистические

группировки объединены чувством глубокой враждебности к социализму и коммунизму, как противостоящей им революционной идеологии и практике. Вместе с тем эта внешняя политика имеет и ряд весьма разноречивых факторов, которые порождаются специфическими интересами той или иной монополистической группировки. Несомненно, что в настоящий период внутреннего развития США общая антикоммунистическая основа американской внешней политики оказывает на нее решающее влияние. Отсюда и постоянность антикоммунистической направленности внешней политики Вашингтона. Но на этом общем фоне, то в меньшей, то в большей степени, заметны некоторые различия, нюансы в подходе представителей различных монополистических группировок к формам и методам осуществления внешней политики США. Эти нюансы объясняются прежде всего непосредственными интересами тех или иных капиталистов. Так, например, одни монополисты больше заинтересованы в проникновении в экономику зарубежных стран (и, следовательно, более агрессивно настроены), чем другие. Есть в США и такие монополии, которые видят для себя бóльшую выгоду в расширении рынка сбыта для своей продукции в самих США. Они склонны концентрировать свое внимание на внутренних проблемах США, а не на внешних, хотя последние, конечно, не выпадают из их поля зрения.

Известна также жестокая конкуренция, идущая в США между различными монополистическими группировками, компаниями и фирмами. По самой своей природе монополисты не могут не конкурировать между собой. В этих условиях одна группа монополистов вполне может быть довольна ослаблением позиций своего экономического конкурента не только на внутренних, но и на зарубежных рынках. Точно так же в США есть промышленные компании, которые в общем устраивало бы, чтобы средства, отпускаемые государством на вооружения, были использованы в другой области, не имеющей к военному производству прямого отношения. Они хотели бы этого по простой причине: их сфера приложения капитала, а следовательно, и получение прибыли находятся в гражданской промышленности.

Конечно, процесс концентрации и централизации американского капитала привел к тому, что в США уже нет или почти нет резких границ между многими монополистическими объединениями. Более или менее четкие границы чаще видны лишь между отдельными компаниями, корпорациями и фирмами. У них, конечно, легче увидеть конкретную заинтересованность в развитии той или иной области промышленности, капиталовложениях в самих США или за их пределами. Общая картина, однако, усложняется тем, что разные по характеру фирмы и корпорации, как предрасположенные к более экспансионистскому курсу, так и менее заинтересованные в нем, нередко входят в состав одних и тех же монополистических групп. Отсюда, в частности, вытекает одна из сложностей четкого определения влияния этих групп на внешнюю политику США, выявления среди американских монополистических группировок тенденции к проведению менее агрессивной, менее экспансионистской политики за пределами США.

Итак, основная движущая сила внешней политики США — монополистический капитал. Какова его «география»? В какой степени переплетаются и сталкиваются интересы различных монополистических группировок? Как все это влияет на внешнюю политику?

Наиболее мощной монополистической группировкой США до сих пор продолжает оставаться северо-восточное объединение монополистов. Эту группировку часто именуют «Уолл-стритом», по названию улицы банков в Нью-Йорке. Достаточно только упомянуть имена некоторых входящих в нее семейств монополистов и суммы, которые они контролируют, чтобы оценить вес и влияние группировки: Морганы (активы — 92 млрд. долл.), Рокфеллеры (82 млрд. долл.), Дюпоны (20 млрд. долл.), Меллоны (15 млрд. долл.).

Сила этой группировки прежде всего в том, что она контролирует крупнейшие банки и страховые компании страны. По существу, это означает выпуск подавляющего числа ценных бумаг (70% операций) и почти полный контроль над операциями страховых компаний (90% операций).

Морганы не стремятся, чаще чем это требуется, щеголять своей экономической властью и финансовым

могуществом. Они избегают входить непосредственно в состав правительства, больше действуют через подставных лиц и лоббистов. Такая тактика, маскирующая их действительное влияние на внешнюю и внутреннюю политику, им более выгодна, чем тактика «открытого забрала».

Осторожная тактика группировки Морганов отличается от ее действий в прошлом, когда она экономически заметно доминировала над остальными американскими монополистическими группировками. В свое время Морганы более откровенно проталкивали своих людей на посты в правительстве, в том числе и президентов (Т. Рузвельт, В. Вильсон).

Основу финансовой империи Морганов составляют сталелитейная и угольная промышленность, а также железнодорожный транспорт. Как известно, в этих «старых» отраслях промышленности США после второй мировой войны столкнулись с особенно значительными трудностями. Все это несколько подорвало вес и влияние моргановской группировки, главным образом из-за быстрого усиления ее монополистических соперников. Моргановская группировка, конечно, тоже не стоит на месте. В острой конкурентной борьбе она, например, захватывает все более прочный контроль над атомной промышленностью.

Морганы в основном ориентируются на республиканскую партию, но «не забывают» и демократов. Их «империя», по сути дела, заставляет работать на себя как первых, так и вторых. Происходит это, однако, в условиях ожесточенной конкурентной борьбы с другими монополистами, когда их интересы сталкиваются.

Хорошо известен и экспансионизм Морганов, обладающих громадными капиталовложениями за границей, особенно в Западной Европе.

Под стать Морганам по своему экономическому и финансовому могуществу группировка Рокфеллеров. Ее представители контролируют капитал, почти не уступающий капиталу Морганов. При этом важно иметь в виду, что богатство семейства Рокфеллеров после второй мировой войны, во-первых, росло особенно быстрыми темпами и, во-вторых, вкладывалось в одну из самых ключевых отраслей экономики — в нефтедобывающую промышленность. Эта отрасль экономи-

1938 год. Джозеф Кеннеди вместе с сыном Джоном отправляется в Лондон. Выше по служебной лестнице Кеннеди-старший, получивший пост посла США в Англии, не поднялся

1943 год. Командир торпедного катера PT-109 Джон Кеннеди получает награду за храбрость

«О да, я отлично знаком с нуждами престарелых...» Так молодой Кеннеди, борясь за место в сенате, завоевывал голоса избирателей

Автографы... Автографы... «Может быть, этот дядя и вправду поможет нам»,— говорят глаза маленького индейца

Избирательная кампания в самом разгаре

Перед очередной предвыборной дуэлью. Кеннеди и Никсон

Секретная авиабаза ЦРУ. Отсюда воздушные пираты 16 апреля 1961 года взяли курс на Кубу

Представитель США в ООН Э. Стивенсон обдумывает антикоммунистическую тираду, держа в руках сфабрикованные ЦРУ фотоснимки «кубинских» самолетов

В кулуарах ООН после провала кубинской авантюры. У Стивенсона явно пропала охота говорить

Гонка вооружений в США нарастает. На снимках: атомная подводная лодка «Тритон»...

...подводный взрыв ядерной бомбы

Кеннеди на испытаниях нового тактического оружия. Военщина делает свое дело, президент наблюдает...

Кеннеди и «золотые галуны» Пентагона

Нагнетают напряженность... Американские танки на улицах Западного Берлина. Здесь, у «берлинской стены», побывал и президент Кеннеди

Где-то в США... Идет подготовка специальных войсковых частей, предназначенных для «антипартизанских» боевых действий

Первые ступени военной эскалации в Южном Вьетнаме. Американские советники обучают солдат сайгонской марионеточной клики

Президент Джонсон сделал то, на что не решался Кеннеди: во Вьетнам брошены боевые соединения американской армии

«Прекратить войну во Вьетнаме!», «Вернуть наших солдат домой!» — это гневный голос простых американцев

По заданию Кеннеди «знаток африканских дел» Менен Уильямс отправился в Африку пропагандировать американскую демократию

А вот эта «демократия» в действии: полицейская расправа с неграми в Алабаме

«Национальной проблемой номер один» называл Кеннеди острейшие расовые конфликты в Америке. Дубинки, слезоточивые газы, пистолеты — все это наготове для «встречи» борцов за равноправие негров

А это тоже порождение «американской демократии» — ку-клукс клан. Сеятели ненависти, садисты, наемные убийцы... Эти готовы на все. Для них и Кеннеди «красный»

После кубинского кризиса осенью 1962 года. Что же дальше?..

Даллас, 22 ноября 1963 года. Через несколько секунд прогремят выстрелы...

Покушение свершилось... 1036 дней Джона Кеннеди в Белом доме остались позади

ки развивалась гораздо более быстрыми темпами, чем сталелитейная или тем более угольная промышленность. Рокфеллеры сумели сколотить на эксплуатации нефтяных богатств других народов громадную часть своего состояния. Иностранные капиталовложения Рокфеллеров в нефть сосредоточены в основном в Латинской Америке, на Ближнем Востоке и в Азии. Все это сильно отражается на внешней политике США. Как иногда говорят, от нее «пахнет нефтью».

Рокфеллеры придерживаются отличной от Морганов тактики. Они открыто, а не завуалированно участвуют в американской внутриполитической жизни, а один из них — Нельсон Рокфеллер уже длительное время пытается стать президентом США, впрочем пока безуспешно. Монополисты-соперники находятся, как показала в 1960 году избирательная борьба Рокфеллера с Никсоном за то, чтобы стать кандидатом в президенты от республиканской партии, начеку. Рокфеллеров в Белый дом они пускать не хотят. Это было бы невыгодно как Морганам, так и особенно представителям других монополистических группировок, не входящих в северо-восточное объединение монополистов.

Третьим столпом северо-восточной группировки является семейство Дюпонов.

Дюпоны особенно близко связаны с военной промышленностью. Начав с производства пороха, они затем стали крупнейшими в мире монополистами в химической промышленности. В настоящее время Дюпоны также заняты производством для Пентагона реактивных истребителей, бомбардировщиков и ракет. Вместе с Морганами они контролируют значительную часть атомной промышленности США, а также компанию «Дженерал моторс».

При характеристике группы Уолл-стрита нельзя не упомянуть семейство Меллонов. Их капиталы вложены в основном в алюминиевую и нефтяную промышленность, а также в машиностроение и металлургию.

К уолл-стритовской группировке примыкает и семейство Фордов. Их интересы сосредоточены в автомобилестроительной промышленности, производстве авиационных двигателей и сельскохозяйственных машин. За последние годы заводы Форда во все более широких масштабах включаются в производство

вооружений, в том числе танков. Форды обладают большим числом заводов за пределами США — в Европе, Азии, Африке и Латинской Америке.

Среди других монополистов, примыкающих к северо-восточной группировке, следует также назвать Лимэнов, контролирующих фирму «Лимэн бразерз». Эта группа владеет значительной частью торговой сети США. В конце 50-х годов она также захватила контроль над военно-промышленным концерном «Дженерал дайнэмикс». С тех пор фирма Лимэнов стала одним из основных поставщиков оружия для американской армии, участвуя в производстве ракет и подводных лодок.

Таковы основные участники группировки Уолл-стрита.

Каково было положение семейства Кеннеди?

Джон Кеннеди принадлежал к влиятельному семейству бостонской монополистической группы, все больше подпадавшей под влияние Рокфеллеров и Морганов, т. е. Уолл-стрита. Личный капитал самого Джона Кеннеди по американским масштабам был сравнительно невелик — 11 млн. долл. Он, однако, укрепил свое финансовое положение женитьбой на дочери богатого банкира, пользовавшегося влиянием на нью-йоркской бирже.

Отец президента, Джозеф Кеннеди, к началу 60-х годов контролировал, как утверждают различные американские источники, капитал от 400 до 600 млн. долл., вложенный главным образом в недвижимость. Это уже в достаточной степени солидные деньги, чтобы отнести Джозефа Кеннеди если и не к числу ведущих американских магнатов, то уж во всяком случае к крупным миллионерам. В бостонской группировке он принадлежал к 12 богатейшим людям.

Став президентом, Джон Кеннеди вложил свои миллионы в ценные бумаги, приносившие ему ежегодный доход в 200 тыс. долл.

Тот факт, что бостонская группировка в основном все больше контролировалась Рокфеллерами, имевшими большие интересы в развивающихся странах, не мог не наложить отпечатка как на формирование правительства Кеннеди, так и на его деятельность. Внимание Кеннеди к развивающимся странам было отнюдь

не случайным. Однако, насколько известно из американской печати, интересы семейства Кеннеди и лично самого Джона Кеннеди не были в решающей степени связаны с зарубежными инвестициями и рынками.

Вторая наиболее мощная монополистическая группировка США — это среднезападное региональное объединение американских капиталистов, в которое входят чикагская и кливлендская группы. Чикагские монополисты контролируют около 40 млрд. долл., кливлендские — 15 млрд.

Группа Среднего Запада — основной конкурент монополистической группировки Уолл-стрита. Интересы среднезападного объединения ограничиваются преимущественно экономикой самих США, оно в меньшей степени зависит от иностранных капиталовложений и внешней торговли. Так же в меньшей степени, чем монополисты Уолл-стрита, чикагская и кливлендская группы капиталистов заинтересованы в гонке вооружений. Они больше заняты банковским делом, сельскохозяйственным машиностроением, мясной промышленностью, автомобилестроением, металлургической промышленностью.

При характеристике кливлендской группы нельзя не назвать имени Сайруса Итона, представителя реалистически мыслящих по вопросам войны и мира американских капиталистов. Под его контролем находится капитал, превышающий 5 млрд. долл. Оставаясь верным капитализму, Итон вместе с тем не одобряет политику «холодной войны» и выступает в пользу улучшения советско-американских отношений и мирного сосуществования. Он отдает себе отчет в том, какую опасность для самих США представляет их политика агрессии и авантюр.

Такие представители влиятельного делового мира, как Итон, в США чрезвычайно редки. Но о них уже, очевидно, нельзя говорить и как об одиночках. Капиталисты, подобные Итону, в конце 50-х годов появились и в районе группы горных штатов. Для примера можно назвать имя промышленника и банкира М. Экклеса, неоднократно критиковавшего внешнеполитический курс США и призывавшего покончить с «холодной войной» и добиваться всеобщего разоружения. Экклес прямо указал на то, что американская экономика во

все большей степени попадает в зависимость от гонки вооружений. Это, резонно отмечал он, чревато инфляцией.

Такие представители американского монополистического капитала, как С. Итон и М. Экклес, не делают политической погоды в Вашингтоне, их влияние недостаточно велико, а убеждения противоречат политическим взглядам наиболее крупных промышленников и финансовых воротил Уолл-стрита. В то же время Итон и Экклес — свидетельство определенного расслоения в среде американских монополистов.

Помимо монополистических группировок Уолл-стрита и чикагской в США имеется несколько других мощных группировок, способных оказывать известное влияние на внешнюю политику США и соперничать с Уолл-стритом и Чикаго.

Среди них можно, например, назвать юго-западную монополистическую группировку (контролирует 55 млрд. долл.), особенно сильно связанную с военным производством. Огромно влияние военно-промышленного комплекса в Калифорнии. На заводах, усеявших этот штат, производится более четверти военной продукции США. Одна только корпорация «Локхид эйркрафт» получила в 1965 году от Пентагона военных заказов на 2 млрд. долл. Каждый третий рабочий на заводах Калифорнии работает в сфере производства вооружений.

В юго-западной монополистической группировке имеются монополии и фирмы, тесно связанные с Уолл-стритом. Вместе с тем там есть более или менее самостоятельная финансовая группа Джаннини, контролирующая 500 банков, в том числе крупнейший в США «Бэнк оф Америка». Группа Джаннини осуществляет широкую экспансию в Японию, Филиппины, Таиланд. В значительной мере усилиями этой группировки подхлестывается война во Вьетнаме.

Следует также назвать техасское региональное объединение монополистов, главное богатство которых нефть. Эта группировка ведет довольно активное соперничество с семейством Рокфеллеров.

В техасскую монополистическую группировку входят такие финансисты-нефтепромышленники, как Каллены, Ханты, Мэрчисоны. Эти семейства ворочают

капиталами в миллиарды долларов. В известной степени они независимы от уолл-стритовской группировки и ведут с ней упорную конкурентную борьбу. Только личное состояние каждого из этих семейств оценивалось к началу 60-х годов от 600 млн. до 1 млрд. долл. Каллены, Ханты, Мэрчисоны и другие техасские мультимиллионеры уже давно считают себя «обиженными» нью-йоркской финансовой группировкой при дележке пирога государственной власти. Они хотят бо́льшего влияния на внутриполитические и внешнеполитические дела США и за последнее время, похоже, кое-чего добились.

Таким образом, американский монополистический капитал, являясь реакционной силой, отравляющей международные отношения, вместе с тем неоднороден и сам испытывает на себе влияние объективных процессов, происходящих как на международной арене, так и внутри США. Расслоение в самих монополистических кругах США по вопросам войны и мира — процесс новый и пока слишком слабо выраженный для того, чтобы делать далеко идущие выводы. Однако, как считают многие прогрессивные американские деятели, в том числе и коммунисты, в американских монополистических кругах заметны три направления, которые определяются как различием тактических соображений, так и порой разными экономическими интересами.

Первое направление пытается не идти на поводу у сторонников «холодной войны» и как-то приспособиться к новой расстановке сил социализма и капитализма в мире. Его представители, кто хуже, кто лучше, сознают, что старая основа внешней политики США — слепой антикоммунизм — потерпела поражение не только в развивающихся странах, но и в Западной Европе. Эти представители делового мира опасаются ядерного конфликта, так как они сознают, что в его огне сгорели бы все их прибыли и богатства. В подавляющем большинстве случаев те, кто относится к этой группе, не осуществляют больших экспансионистских планов за пределами США.

Представители второго направления американских монополистов хотя и опасаются мирового термоядерного конфликта, но считают, что для сохранения влияния американского капитализма на международной

арене необходимо широко прибегать в борьбе против национально-освободительного движения к так называемым «малым войнам». Они наиболее активные сторонники широкого использования политических, экономических и идеологических рычагов для защиты своей политики погони за прибылями. Эти монополисты обладают за рубежом большими экономическими интересами, извлекая громадные барыши за пределами США.

Являясь основным в движущих силах американской внешней политики, второе направление господствует и имеет подавляющее влияние в правительстве США. Среди монополистов второго направления имеется немало таких, кто тяготеет к военным средствам решения международных проблем, в том числе, при определенных условиях, и термоядерным.

И наконец, следует постоянно иметь в виду, что в США среди монополистов имеется и третье направление — самое опасное. Представители этого направления не хотят примириться с происшедшими за последние годы изменениями на мировой арене в соотношении сил социализма и империализма. Они не прочь подготовить «превентивную ядерную войну» против стран социализма, и в первую очередь против Советского Союза. В международных отношениях представители третьего направления призывают полагаться на голую военную силу и ультиматумы. Они выступают против каких бы то ни было соглашений с Советским Союзом. Основные силы третьего направления гнездятся в военно-промышленном комплексе, олицетворяемом Пентагоном и ЦРУ.

Особо следует затронуть вопрос о военно-промышленном комплексе и росте влияния в США военщины. В свое время В. И. Ленин отмечал, что США «скатились вполне в общеевропейское грязное, кровавое болото бюрократически-военных учреждений, все себе подчиняющих, все собой подавляющих». И действительно, с момента начала первой мировой войны роль военных в США неуклонно возрастает.

Рост милитаризации экономики привел к росту армии, офицерского корпуса и генералитета. Американская военщина — это большая каста из нескольких сотен тысяч кадровых военных. Генеральская верхушка

этой касты тесно связана с ведущими военными монополиями. Вместе они и составляют военно-промышленный комплекс США, о котором после ухода с поста президента с опаской говорил бывший президент США Эйзенхауэр. Если в США влияние военщины и военных монополий будет и дальше усиливаться, отмечал он, то «военно-промышленный комплекс может обрести власть, превышающую власть президента». К высказыванию Эйзенхауэра можно лишь добавить, что, похоже, это его предсказание начинает сбываться, и в решении целого ряда международных проблем, стоящих перед США, военщина уже задает тон.

Однако, хотя Эйзенхауэр и предостерег американское общество о возможности установления господства во внешней политике страны военно-промышленного комплекса, сам он, пребывая у власти, много сделал для укрепления этой тенденции. Эйзенхауэр потворствовал американской военщине и военным монополиям. Среди его помощников в Белом доме и правительстве было немало генералов, которые принимали активное участие в разработке американской внешней политики. Активно пользовался услугами военщины и президент Кеннеди. Достаточно сказать, что одним из его наиболее влиятельных помощников был генерал Максуэлл Тэйлор, сыгравший впоследствии в качестве американского посла зловещую роль в Южном Вьетнаме, где он всячески способствовал эскалации грязной войны США против вьетнамцев.

Общеизвестно, что после второй мировой войны в США наблюдается процесс милитаризации экономики, постоянно растет военный бюджет. Пентагон владеет собственностью, которая оценивается в 200 млрд. долл., распределяет ежегодно 60—70 млрд. долл. военных ассигнований. Всего в вооруженных силах и военной промышленности США насчитывается около 8 млн. человек. Военно-промышленный комплекс управляет целой экономической империей. Такие отрасли экономики, как авиационная, судостроительная и радиоэлектронная промышленность, обильно взбадриваются военными заказами. Удельный вес военных заказов в общем выпуске авиационной промышленности составляет, например, более 90%. После окончания второй мировой войны США уже бросили в жертву богу войны

Марсу более 900 млрд. долл. Милитаризация экономики страны привела к громадному росту влияния на политическую жизнь США американской военщины. Амбиции Пентагона и ЦРУ простираются даже на решение политических вопросов первостепенной важности. Американские генералы стали влиятельной силой в правительстве.

Не осталась в стороне от процесса милитаризации и американская буржуазная наука. Из 12 млрд. долл., расходуемых на нее из правительственного бюджета США, более чем 85% идет на военные исследования по заказам Пентагона. Подавляющая часть американских ученых, в том числе и в университетах, тем или иным образом работает на военные отрасли.

Таким образом, военный спрут американских монополий проникает своими щупальцами во все поры экономики страны, ежегодно высасывая миллиарды долларов прибыли. А ради такой прибыли капиталист готов на все. Приходится ли после всего этого удивляться тому, что военно-промышленные компании США выступают ярыми врагами разоружения и смягчения международной напряженности, а их представители в конгрессе обеими руками голосуют за новые военные заказы?

Американские капиталисты объединены в такие крупные организации, как Национальная ассоциация промышленников (НАП). Основанная еще в 1895 году, НАП в настоящее время является мозговым центром монополистического капитала США. В исполнительном комитете НАП первую скрипку всегда играли такие некоронованные короли Америки, как Морганы, Рокфеллеры и Дюпоны.

К 1960 году, когда Кеннеди победил на президентских выборах, НАП объединяла корпорации, производящие 75% всей промышленной продукции США. Только в ее центральной штаб-квартире, в Нью-Йорке, работало более 400 человек, а число представителей промышленных компаний в органах НАП достигло почти 4 тыс. человек. Причем все эти представители чрезвычайно активны и считают себя вправе готовить для правительственных учреждений конкретные предложения по вопросам внутренней и внешней политики США. Достаточно сказать, что именно НАП была подлинным

вдохновителем реакционного закона Тафта — Хартли. Особое внимание НАП уделяет военным заказам, дальнейшей экспансии доллара за пределы США.

Кеннеди хорошо знал, что с НАП американский буржуазный политический деятель должен ладить, иначе его сотрут в порошок. В декабре 1961 года он выступил на 66-м съезде НАП, призывая капиталистов к самому тесному сотрудничеству с его администрацией.

Влиятельной организацией капиталистов является и Американская торговая палата (АТП), объединяющая около 25 тыс. торговых организаций.

Другие крупные объединения американского капитализма строятся по отраслевому принципу. Их насчитывается более 12 тыс. В этих объединениях особенно большим влиянием пользуются такие, как Ассоциация авиационной промышленности, Ассоциация ракетной промышленности и Ассоциация оборонной промышленности. Они постоянно держат в своем поле зрения американскую внешнюю политику.

На политической арене США так же активно действует Американская ассоциация банкиров, объединяющая около 20 тыс. банков, страховых компаний и частных лиц.

Все это лишь отдельные примеры о наиболее влиятельных национальных и региональных объединениях американских монополистов. В эти объединения, естественно, входят крупнейшие промышленные компании и банки страны, которые нередко сами по себе чрезвычайно влиятельны. Настолько влиятельны, что часто имеют своих представителей в правительстве. Так, например, небезызвестный кумир сторонников «холодной войны» Джон Фостер Даллес, долгие годы находившийся на посту государственного секретаря США, являлся в правительстве выразителем интересов одной из самых агрессивных монополистических группировок США — семейства Рокфеллеров.

Руководящий партийный аппарат в США формируется из профессиональных буржуазных политиков, хорошо известных монополиям. Довольно часто аппаратом обеих ведущих партий в штатах руководят сами миллионеры, сделавшие политику своим вторым бизнесом. Можно сказать, что в настоящее время в США сложилась своеобразная каста партийных боссов

как в демократической, так и в республиканской партиях. Они не только борются между собой, но и не допускают возникновения третьей массовой партии.

Для правильного понимания периода президентства Кеннеди необходимо иметь в виду и следующее. За последние десятилетия какая-либо принципиальная разница между демократами и республиканцами в США быстро исчезает. Это особенно относится к тому, как те и другие ведут свои внешнеполитические дела. По существу, демократическая и республиканская партии являются тесно сотрудничающими партиями монополистического капитала США и ревностно служат его интересам.

«Двухпартийная основа» американской внешней политики имеет свою историю. Еще во время второй мировой войны президент Рузвельт стал широко привлекать республиканцев к участию в работе правительства. Для примера можно назвать имена Стимсона — военного министра и Нокса — министра морского флота. В какой-то мере эти назначения можно было объяснить условиями военного времени и необходимостью национального единства.

Сотрудничество с республиканцами после второй мировой войны по выработке основ американской внешней политики продолжил президент Трумэн. Его правительство особенно тесно сотрудничало с республиканцами в конгрессе, где роль помощника Трумэна выполнял республиканский сенатор Ванденберг. Большое влияние на внешнюю политику стал оказывать республиканец Д. Ф. Даллес. Внимательно прислушивались демократы к «советам» большого бизнеса, привлекая его представителей, например Бернарда Баруха, к разработке основ американской внешней политики. Основа, как известно, получилась экспансионистская и агрессивная. Американские монополисты намеревались заставить весь земной шар подчиниться им экономически, а затем и политически.

При Эйзенхауэре «двухпартийная основа» внешней политики США еще более укрепилась. Она стала характерной чертой деятельности республиканской администрации. Дело доходило до того, что порой в конгрессе США демократы оказывали Эйзенхауэру более активную поддержку, чем сами республиканцы.

Президент Кеннеди, как до него Рузвельт, Трумэн и Эйзенхауэр, рассматривал двухпартийность американской внешней политики как надежную опору деятельности своего правительства. Он никогда не забывал об этом принципе, который целиком соответствовал его взглядам.

Выступая еще в 1957 году в журнале «Форин афферс», Д. Кеннеди подчеркнул, что «основное направление национальной цели не может выходить за пределы ее главного устремления ради преходящих узкопартийных выгод».

«Двухпартийная основа» внешней политики США, конечно, не означает, что как у республиканцев, так и у демократов нет своих различий в подходе к ведению внешнеполитических дел. Однако не в них главное. Разделение ролей между представителями правящей партии в правительстве и конгрессе и ее «оппозицией» диктуется несколькими факторами.

Во-первых, необходимо демонстрировать «демократизм» американской политической системы. Во-вторых, учитывать объективные обстоятельства, препятствующие осуществлению целей американского империализма. В зависимости от этих обстоятельств «оппозиционная» партия «атакует» правительство, как бы подправляя и корректируя курс внешней политики США.

Конечно, в конгрессе США насчитывается несколько десятков представителей, которые порой довольно остро выступают против наиболее авантюристических шагов американского правительства на международной арене. Однако не они делают политическую погоду в Вашингтоне.

Отметим, что демократическая и республиканская партии, представляющие интересы монополистического капитала США, на протяжении последних десятилетий предприняли энергичные усилия для того, чтобы устранить с американской внутриполитической арены другие партии, как буржуазные, так и действительно прогрессивные, в первую очередь Коммунистическую партию США, выразителя интересов американских трудящихся. Демократы и республиканцы, являясь двуединой партией американских монополистов, по существу монополизировали дело выборов в США. Эта «система 2-х партий», отмечал В. И. Ленин, «была одним из самых

могучих средств помешать возникновению самостоятельной рабочей, т. е. действительно социалистической партии».

Но даже в цитадели империализма американским капиталистам не удалось достигнуть своей заветной цели — устранить коммунистов с арены внутриполитической борьбы. Американские коммунисты на деле доказали свою преданность интересам американского трудового народа. Они последовательно борются за политические и экономические интересы простых американцев: рабочих, фермеров, негритянского народа, творческой интеллигенции. Американские коммунисты являются наиболее последовательными борцами с ультраправыми группировками в США. К их голосу все более внимательно прислушивается американский народ. Компартия США активно выступает против позорной агрессии империалистов США во Вьетнаме.

Уже то, что с помощью широкоразветвленного аппарата пропаганды и насилия американский монополистический капитал стремится не дать американским коммунистам, как говорится, на равных бороться на местных и президентских выборах с демократами и республиканцами, свидетельствует о многом. И прежде всего о том, что методы, с помощью которых капиталисты США удерживают все нити власти в своих руках, не имеют ничего общего с демократией, о которой в Вашингтоне так любят поговорить.

Несколько слов о профсоюзной верхушке США. Профлидеры всегда были верной опорой американского капитализма. Но за последние годы и эта опора начала давать трещины. Откровенный антикоммунизм руководства отвергается все большим числом членов американских профсоюзов, начинающих все лучше понимать, что мир — единственная альтернатива губительной ядерной войны. У политики «с позиции силы» в профсоюзах остается все меньше сторонников.

Взаимодействие правительства Кеннеди и профсоюзов было особенно тесным, так как по традиции профсоюзы в США поддерживают демократическую партию.

И наконец, о государственном аппарате. Монополисты США уже не действуют обособленно от государственного аппарата, как это иногда наблюдалось в начале XX века. Американский капитализм давно превратился

в военно-государственно-монополистический капитализм. Налицо постоянное стремление консолидировать все силы монополий, все их финансовое могущество и опыт государственного механизма как аппарата принуждения и осуществления политики господствующего класса как внутри, так и вне США. Произошло сращивание монополий с государственным аппаратом, который осуществляет внешнюю политику.

Это сращивание нелегко проследить на практике, так как оно зачастую маскируется тем, что в правительственном аппарате господствуют не прямые представители монополий, а их ставленники. Эти ставленники нередко тесно связаны с военными концернами. И в период президентства Кеннеди государственный аппарат американской внешней политики был тесно связан с монополистическими объединениями США.

Таким образом, основная сила в США, определяющая внутреннюю и внешнюю политику страны,— монополии. В этом им помогают военщина и центральный политический аппарат. Эти три силы и подталкивают США по пути агрессии и военных авантюр. В зависимости от обстоятельств это делается то более, то менее активно.

Для более точного понимания периода президентства Кеннеди следует иметь в виду не только то, что возглавляемое им правительство подчинялось общим интересам американских монополий, но и то, что оно было активным помощником господствующего класса в осуществлении его целей как внутри, так и вне страны.

Было бы большим упрощением считать, что президент Кеннеди и члены его правительства слепо подчинялись приказам той или иной группы американских монополистов. В целом ряде вопросов Кеннеди действовал самостоятельно, руководствуясь буржуазной идеологией, своим мировоззрением и оценкой обстановки. Кеннеди преимущественно защищал интересы подавляющего большинства американских капиталистов, а не одной лишь какой-либо их части.

Интересы различных групп монополистов в стратегическом отношении полностью совпадают, хотя их представители могут, конечно, порой придерживаться различной тактики. От этого во внешней политике США в разные периоды преобладают те или иные тенденции,

которые, как показывает практика, не существуют сами по себе, не подменяют одна другую, а скорее переплетаются в довольно пестрый клубок, из нитей которого и соткана американская внешняя политика.

ПОСЛЕДСТВИЯ

В 50-х и 60-х годах постепенно модифицировались политические и военно-стратегические концепции правящих кругов США. В них они искали теоретическое «обоснование» своего агрессивного курса и выход из растущих затруднений. С новой силой развернулась гонка вооружений. Усилилась экспансия частного капитала за границу. Что касается позитивных моментов в настроениях американских политиков, то они еще долго, вплоть до 1963 года, не давали всходов.

Как известно, политическая верхушка США всегда придавала большое значение подведению теоретической базы под свою внешнюю политику. Число политических доктрин в истории американской внешней политики, вероятно, исчисляется сотнями. Они всегда преследовали вполне определенные цели и в своем подавляющем большинстве были направлены на утверждение, закрепление и усиление влияния США на международной арене или в отдельных районах земного шара. Со временем американские внешнеполитические доктрины все чаще стали выражать отношение Вашингтона к группе стран или даже к одной стране.

Следует сказать, что накануне прихода Кеннеди к власти многие старые внешнеполитические доктрины США показали свою нежизнеспособность, вступив в противоречие с изменившимися на протяжении 50-х годов условиями международной обстановки. Эти доктрины и ранее были нереалистичны в том смысле, что не учитывали общих закономерностей общественного развития и постоянно вступали в острый конфликт с требованиями жизни. Собственно говоря, именно на них ложилась неблагодарная задача подвести теоретическую базу под «холодную войну». На протяжении 15 лет после второй мировой войны с помощью, например, таких агрессивных доктрин, как «отбрасывание коммунизма», «сдерживание коммунизма», доктрин

Трумэна, Эйзенхауэра и Даллеса, американский империализм пытался уничтожить социалистические государства и наносить удары по всему прогрессивному в Западной Европе и в молодых развивающихся странах.

В 50-х годах, особенно при Даллесе, внешняя политика США носила характер «крестового похода» против коммунизма, и в первую очередь против Советского Союза. Этот поход, как известно, потерпел крах. СССР и другие социалистические страны доказали, что все попытки Вашингтона достичь «тотальной победы» над коммунизмом обречены на провал. Какое-то время после смерти Даллеса доктрины и концепции «холодной войны» еще продолжали действовать в их первозданном виде. Однако в условиях, когда наиболее трезвомыслящие представители правящих кругов США начинали понимать невозможность для них утвердить на всей земле «американский образ жизни», некоторые старые доктрины и концепции внешней политики США претерпевали определенную трансформацию, изменения, корректировку в связи с новым соотношением сил между социализмом и капитализмом на мировой арене.

Определенное число американских буржуазных политиков и идеологов все более отдавало себе отчет, что существование социализма на земле, а следовательно, и влияние социалистических и коммунистических идей на международной арене стали постоянным фактором, с которым американскому монополистическому капиталу, хочет он того или не хочет, считаться придется. В результате в США складывалась концепция политики «гибкого реагирования», т. е. более гибкого курса американского правительства на международной арене. Такие теоретики американской внешней политики, как «теоретик-разведчик» Дж. Кеннан и сенатор М. Мэнсфилд, заняли более осторожную позицию в отношении Советского Союза.

Большая группа американских политиков и идеологов оставалась, однако, в основном на старых позициях, выступая против какой-либо нормализации отношений между СССР и США. Сильное давление на них в этом направлении оказывали военщина и правые круги. Эта группа призывала любое будущее правительство США следовать преимущественно старому курсу, основанному на «максимальной твердости».

Как сторонники «гибкого» курса, так и те, кто выступал за «максимальную твердость», не требовали коренного изменения внешней политики американского империализма. Вопрос об этом на исходе 50-х годов в правящих кругах США не стоял. Речь шла о том, чтобы внешняя политика США в отношении СССР и других социалистических стран, а также в отношении развивающихся стран была отчасти изменена, откорректирована с учетом нового соотношения сил. Этому прежде всего и служили «новые рубежи» внешней политики Кеннеди.

Изменения в соотношении сил между СССР и США, между социализмом и капитализмом вообще, а также подъем национально-освободительного движения в Азии, Африке и Латинской Америке повлияли на военно-стратегические концепции американского правительства и военщины. Однако в этой области, непосредственно отражающейся на направлениях и объеме гонки вооружений, в 1960 году в американских правящих кругах не было единства взглядов. Старая военно-стратегическая концепция «превентивного удара» и стратегия «контрсилы», основывающиеся на доведении гонки ядерных вооружений до возможно максимальных размеров, стали приобретать все больше противников.

Американская военщина разделилась на несколько группировок, каждая из которых выдвигала свою военно-стратегическую концепцию.

Среди этих группировок значительный вес приобрели те военные, которые особенно настаивали на гонке военно-морских ядерных сил — атомных подводных лодок «Поларис». Активным проводником этой линии в правительстве США стал адмирал Бэрк. Он провозгласил «Поларисы» «единственной в мире неуязвимой сдерживающей силой». Считая «Поларисы» неуязвимыми, представители военно-морских сил видели в них основную военную силу, которую необходимо поставить на службу внешней политике и военной стратегии США. В какой-то степени взгляды этой группировки противоречили гораздо более широким требованиям явных сторонников концепции «контрсилы», выступавших за развертывание гонки не только военно-морских ядерных сил, но и всех других видов ядерного оружия, особенно ракет и военной авиации, способной нести

атомные и водородные бомбы. Во главе последней группировки стояли представители ВВС США, особенно генерал Лимэй, которые отстаивали интересы ракетостроительных и самолетостроительных компаний.

Как явные сторонники концепции «контрсилы», так и адвокаты атомных подводных лодок «Поларис», по существу, стояли на опаснейших для мира позициях «превентивного удара», т. е. возможности начать по собственному усмотрению атомную войну якобы для «предупреждения нападения» на США.

Нетрудно заметить, что обе военные группировки подходили к дальнейшей гонке ядерных вооружений в США с позиций общей концепции «массированного ответного удара», в которой слово «ответный» появилось исключительно в пропагандистских целях. На деле же они делали ставку на «большую» ядерную войну с социалистическими странами.

К 1960 году, однако, появляется все больше теоретиков и политиков, которые считают, что концепция «массированного ответного удара» уже не полностью удовлетворяет целям внешней политики США. На передний план начинает все активнее выдвигаться теория так называемых «локальных войн» для сохранения позиций империализма перед лицом бурного натиска национально-освободительного движения.

Для достижения этой цели определенная часть военных, в том числе начальник штаба армии, а затем, при Кеннеди, председатель объединенной группы начальников штабов генерал Максуэлл Тэйлор, предложила в дополнение к уже имеющимся обычным вооруженным силам добавить новые высокомобильные вооруженные части, которые были бы в состоянии вести «локальные войны» против национально-освободительных сил. Сторонники этого подхода особенно настойчиво требовали сохранения сотен иностранных военных баз США, рассматривая их как трамплины агрессии не только против СССР, но и против развивающихся стран. Эта группа американских военных требовала увеличения ассигнований на наземную армию США, ее подготовку для борьбы с народами развивающихся стран.

У всех трех группировок американской военщины общим было одно: они выступали за дальнейшее развертывание гонки вооружений. Ко всем этим требова-

ниям в правительственных кругах США внимательно прислушивались.

С вниманием относился к требованиям американской военщины и Кеннеди. Он не случайно сделал одним из лейтмотивов своих предвыборных выступлений тезис о том, что у правительства США много «пробелов» в области обороны. Уже в период избирательной кампании Кеннеди, противореча своим недавним призывам к разоружению, выступил за дальнейшую гонку вооружений и за увеличение военных ассигнований на 3 млрд. долл.

Как показали последующие события, настроения в пользу гонки вооружений по всем направлениям, господствовавшие к 1960 году в военно-промышленном комплексе, политических и военных кругах США, не сулили благоприятных перспектив для дела мира.

Вместе с тем заметное воздействие на военно-теоретическую мысль США начинает оказывать то, что они в 50-х годах утеряли свою «неуязвимость» в военном отношении. Это заставило наиболее дальновидных представителей американских правящих кругов серьезно задуматься над разрушительными последствиями ядерной войны для самих США, если бы она была навязана миру Вашингтоном.

Фактором, вызывавшим глубокое беспокойство у американских капиталистов, было более быстрое развитие производства в СССР, чем в США. На протяжении 50-х годов, как известно, темпы роста советской промышленности постоянно оставались куда более высокими, чем в США. Поэтому многие представители делового мира Америки настойчиво требовали от правительства США предпринять все необходимые меры для повышения темпов роста американской экономики.

Они считали, что правительство США с помощью государственного аппарата должно всеми возможными способами стимулировать экономику страны. Американский государственно-монополистический капитализм напрягал все силы, чтобы поправить свои дела в экономическом соревновании с социализмом.

Чудовищными темпами рос американский военный государственный бюджет. С 1950 по 1960 год военные расходы США возросли с 13,5 млрд. долл. до 45,6 млрд., т. е. увеличились более чем в три раза.

Среди голосов монополистов, добивавшихся, чтобы правительство США более активно использовало стимулирующее влияние государственных рычагов на американскую экономику, громче всех раздавался голос военно-промышленного комплекса. Именно входившие в него многочисленные монополисты из числа самых разных группировок американского капитала вели дело к дальнейшей милитаризации экономики США. Для них военные заказы, обновление военной техники были верной гарантией стимулирования находящегося под их контролем промышленного производства. Они настойчиво проводили через лоббистов в конгрессе, а также с помощью своих прямых ставленников в сенате, палате представителей и правительстве линию на дальнейшую гонку вооружений.

Конечно, в 1960 году не все американские монополии в одинаковой мере были заинтересованы в гонке вооружений. Более того, для некоторых из них она не имела большого значения с точки зрения роста производства и прибылей. Следует, однако, иметь в виду, что гонка вооружений в США связана, конечно, не только с факторами внутренней экономической жизни, но и в не меньшей степени с агрессивной основой внешней политики Соединенных Штатов Америки, «защитой интересов» американского капитализма в целом на международной арене. Поэтому если даже какая-либо американская компания непосредственно и не стрижет прибылей от гонки вооружений и занимается, скажем, в основном производством пирожных, то это отнюдь не приводит к обязательному миролюбию ее владельцев. В данном случае в силу вступают факторы идеологического порядка — прежде всего ненависть капиталистов к коммунизму и социальному прогрессу вообще.

Вместе с тем в ряде случаев монополисты, непосредственно не связанные с военным производством, могут считать для себя более выгодным воздействие государства на какую-либо мирную отрасль промышленности, например производство мебели или строительство жилых домов. Они считают, что безудержная гонка вооружений в конечном итоге тормозит рост емкости внутреннего рынка и не способствует устойчивости государственных финансов.

Таким образом, в подходе этой группы американских капиталистов к вопросам милитаризации бюджета и экономики США наблюдается известная осторожность.

Военно-промышленный комплекс США постоянно ведет активную пропагандистскую кампанию против самой идеи международной разрядки и разоружения. Какие только страхи не нагонялись на рядовых американцев, лишь бы оправдать гонку вооружений! Долгое время американская пропаганда твердила, что если не в следующем, то уж обязательно «через два года» разразится третья мировая война. Не проходило и нескольких месяцев, чтобы тот или иной журнал Америки не выступал с очередным предсказанием на тему «Когда же все-таки это случится?». Затем, со второй половины 50-х годов, милитаристская пропаганда в США несколько изменила тон. На первый план выдвигается тезис, что новая мировая война «весьма вероятна». А раз так, то «какой же может быть разговор о разоружении?»

В дополнение к массированному психологическому давлению в ход пускались и аргументы экономического характера.

Большинство американских экономистов мрачно предсказывало, что «переход от пушек к маслу» будет сопровождаться большой безработицей. Делался прогноз, что в случае осуществления разоружения 10 млн. американских рабочих останутся без работы. Число безработных определялось степенью разоружения. Американцев, таким образом, отпугивали от идеи разоружения призраком голодных лет «большой депрессии», а точнее, кризиса.

Отрицательное влияние такого рода целенаправленной пропаганды на умы многих американцев не следует сбрасывать со счетов. Связав судьбы миллионов американцев с военным производством, милитаристы склонны в максимальной степени использовать и этот фактор. В настоящее время, так же как и раньше, в том числе накануне прихода Кеннеди к власти, в США вопрос о разоружении сознательно сталкивают с вопросом «А что произойдет с моей работой?». А так как последняя зависит от тех, кто, раздувая гонку вооружений, является ее вдохновителем, то нетрудно увидеть существование в США своеобразного замкнутого круга, соз-

данного милитаристами, в который, как в стальную клетку, заключена идея разоружения.

Особенно активны в давлении на правительство США самолетостроительные компании и компании по производству управляемых снарядов и электронных военных приборов. Можно, например, назвать одну из крупнейших авиационных компаний — «Локхид эйркрафт корпорейшн». Ведь именно она снабжала Пентагон и ЦРУ шпионскими самолетами У-2. Ее доходы в этой области прямо связаны с «холодной войной» и разжиганием международной напряженности. Известно также, что «Локхид эйркрафт корпорейшн» тесно связана с западногерманской фирмой «Хейнкель — Мессершмитт», также специализирующейся на производстве вооружений. Так что «визитная карточка» компании «Локхид» вполне определенная. Она рьяно выступает за гонку вооружений и усиление международной напряженности. От этого зависят ее прибыли.

Но не все американские компании и фирмы столь решительно настроены в пользу гонки вооружений. Их взгляды порой находят отражение в решениях таких органов, как, например, американская Ассоциация по вопросам планирования. Последняя в начале 1960 года опубликовала заявление, в котором призывала правительство США разработать планы предотвращения «потрясений» американской экономики в случае достижения соглашения о разоружении. В заявлении ассоциации, куда входило немало видных предпринимателей и экономистов, отмечалось, что сокращение расходов в результате разоружения можно компенсировать расходами на ликвидацию трущоб, образование, здравоохранение. Признавалось, что разоружение даст возможность снизить налоги. Правда, ассоциация, «страшась» полного и всеобщего разоружения, высказалась за то, чтобы уровень военных расходов США не опускался ниже 25 млрд. долл. в год, поскольку-де это необходимо для «обеспечения безопасности».

Ассоциация по вопросам планирования считала, что в результате разоружения в США возникнут серьезные экономические проблемы. Однако характерно, что она увидела их не в «угрозе безработицы», а совсем в другом. В первую очередь в том, что в результате разоружения произойдет «перемещение производства

из одних отраслей промышленности в другие, часто также из одного района в другой, со всеми последующими проблемами реорганизации производства». Ясно, что здесь уже идет разговор о перераспределении заказов, доходов и прибылей между различными промышленными компаниями и даже монополистическими группировками. Вот почему ассоциация дальше откровенно признала, что переход от гонки вооружений к разоружению был бы «нелегким делом».

Да, в США действительно трудно осуществить не само разоружение, так как используемые средства в принципе могли бы быть, конечно, направлены на мирные нужды. Трудно заставить милитаристов, стоящих во главе могущественных монополий и имеющих у себя на службе многочисленных слуг в конгрессе и правительстве, отказаться от тех громадных прибылей, которые дают им гонка вооружений и военные заказы.

Характерно, что до сих пор никакое американское учреждение или группа ученых не занимались всерьез изучением реальных путей, с помощью которых громадная часть американской экономики могла бы быть переведена с военных на мирные рельсы. Это невыгодно военно-промышленному комплексу.

Многие американские монополии, образно выражаясь, глубоко залезли в государственный карман для своего обогащения за счет налогоплательщиков. А чтобы карман этот не оскудел, находящийся под контролем монополистов государственный аппарат США беспрерывно усиливает налоговое обложение американского народа. В США $^4/_5$ всего прироста суммы налогов за период с 1950 по 1960 год падает на военные расходы. Характерна также и другая тенденция в гонке вооружений. Она, по крайней мере в 50-е годы, свидетельствовала о концентрации все большего числа военных заказов в руках крупнейших монополий и фирм, производящих вооружение.

Так, например, если в 1950 году в руках 100 крупнейших поставщиков вооружений находился 61% общей суммы первичных контрактов, то к 1960 году этот процент постепенно повысился почти до 74%. В 1959 году 15 крупнейших корпораций военно-промышленного комплекса («Дженерал дайнэмикс», «Боинг», «Норт американ авиэйшн», «Дженерал электрик», «Локхид»,

«Дуглас эйркрафт», «Юнайтед эйркрафт», «Мартин компани», «Сперри Рэнд», «Рэйтион», «Грумман эйркрафт», «Рипаблик авиэйшн», «Интернейшнл бизнес машинз», «Бэндикс авиэйшн» и «Вестингауз») получили 42% общей суммы государственных заказов.

Таким образом, крупнейшие корпорации все больше прибирали к своим рукам военные заказы. В свою очередь эта концентрация порождала чрезвычайно высокие монопольные цены на вооружение и извлекаемые из него прибыли. По существу, высокоприбыльные военные заказы производятся не только за счет трудящихся, но и за счет налогов с остальных отраслей капиталистической экономики, так как выплаты налогов военными корпорациями во много раз меньше суммы государственных заказов, которые они получают. Это также не может не способствовать возникновению в США определенных противоречий между военно-промышленным комплексом и монополиями, не связанными прямо с военным бизнесом.

Характерно, что как правительство Эйзенхауэра, так и правительство Кеннеди искали выход из всех экономических трудностей не на путях уменьшения международной напряженности, что в первую очередь повлекло бы за собой сокращение военных расходов за границей и гонки вооружений, а на совсем другой дороге.

Вашингтон стал все более активно требовать от своих западноевропейских союзников, чтобы они переложили на свои плечи тяжесть хотя бы части расходов по военным блокам.

Большие надежды монополистические круги США возлагали на увеличение экспорта американского капитала за границу. Создание благоприятных условий для этого стало одним из основных требований к правительству США.

Особенно сильно заинтересованы в экспансии доллара были монополисты Уолл-стрита, издавна имевшие значительные финансовые интересы за границей, в первую очередь в Западной Европе. Без преувеличения можно сказать, что внешнеэкономическая политика правительства США в конце 50-х годов была преимущественно направлена на удовлетворение интересов финансово-промышленных кругов северо-восточной

группировки монополистического капитала. Уже в 1959 году общий объем американских частных капиталовложений за границей достиг 29,7 млрд. долл., увеличившись только за один год почти на 2,5 млрд. долл. Из этой суммы новые капиталовложения составили 1,4 млрд. долл., а остальные пришлись на реинвестицию полученных за границей прибылей.

На первом месте по объему экспорта американского капитала стояла Канада (0,9 млрд. долл.), на втором — Западная Европа (0,7 млрд.), на третьем — Латинская Америка (0,5 млрд. долл.). Что касается прибылей, то на первом месте в конце 50-х годов была Латинская Америка, на втором — Канада и на третьем — Западная Европа.

Все три района, особенно Западная Европа, являлись настоящими заповедниками северо-восточной группы американских монополистов.

От всех своих прямых частных капиталовложений за границей американские монополисты получили в 1959 году громадные прибыли — 3,3 млрд. долл. При этом наибольшая прибыль была получена от инвестиций в добычу нефти — 1,2 млрд. долл.

Экспансия доллара продолжалась быстрыми темпами и в 1960 году. Только за один этот год американские монополисты увеличили свои капиталовложения за границей еще на 2,5 млрд. долл.

Вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что экспансионизм американского монополистического капитала стал к 1960 году ярковыраженным фактором экономической жизни США. А как известно, политика есть концентрированное выражение экономики, в том числе и американской.

Любое американское правительство, в том числе и правительство Кеннеди, должно было уделять внешнеэкономической экспансии США все возрастающее внимание. Это означало не что иное, как создание для американских вкладчиков капитала за рубежом еще более благоприятных условий, защиту их от «угрозы» со стороны национально-освободительных революций, использование неоколониалистских методов для того, чтобы в максимальной степени мешать развитию молодых государств стран Азии и Африки по некапиталистическому пути.

Первостепенное внимание правительство США уделяло традиционным районам экспансии — Латинской Америке, Западной Европе и Канаде.

Наибольшие опасения в этот период американские монополисты испытывали в отношении Латинской Америки. Победа кубинской революции произвела в правящих кругах США впечатление стихийного бедствия, которое могло охватить и другие страны Латинской Америки. Возвратившись в апреле 1960 года из двухмесячной поездки в Южную Америку, Эдлай Стивенсон мрачно констатировал: «Латинская Америка переживает период революций... Повсюду налицо требования социальных изменений». Антиамериканские выступления усиливались в Венесуэле и Гватемале, Боливии и Сальвадоре. Газета «Нью-Йорк таймс» летом 1960 г. писала: «Мы уже не можем осуществлять в Западном полушарии такой контроль, который мы сохраняли за последние полтора века». Несколько позднее газета еще более явно выразила беспокойство монополистического капитала США положением в Латинской Америке, потребовав от Белого дома принятия решительных мер. «Никогда еще в нашей стране,— писала газета,— не было такого периода, когда США были бы так заняты, так обеспокоены, даже так встревожены Латинской Америкой. У нас есть все основания для беспокойства, и в Вашингтоне много думают над тем, что можно сделать для того, чтобы улучшить наши отношения». На Потомаке действительно упорно думали над тем, как навести прежний казарменный порядок в Латинской Америке.

Американский монополистический капитал требовал ликвидации революционной власти на Кубе. Пример Кубы ставил под угрозу баснословные прибыли американских капиталистов во всей Латинской Америке. А тут еще наметилось «полевение» в Бразилии. Вашингтон залихорадило. В тайниках Пентагона и ЦРУ стали разрабатываться планы вторжения на Кубу. Наряду с этим, как считали многие американские политики, в том числе и Кеннеди, в отношении Латинской Америки требовался какой-то «новый подход», за разработку которого и принялись в госдепартаменте.

Все большую озабоченность у правящих кругов США вызывало и положение в Европе. Здесь все

сильнее давали себя знать процессы постепенного высвобождения ряда западноевропейских стран от американского засилья.

В 1960 году комиссия конгресса США по иностранным делам опубликовала доклад о политике США в Европе. Оценивая американскую внешнюю политику в этом районе мира, конгрессмены пришли к удручающим для себя выводам. Во-первых, комиссия была вынуждена отметить явное ослабление международной напряженности в Европе, расширение взаимовыгодной торговли между социалистическими странами, с одной стороны, и все большим числом стран Западной Европы — с другой. Во-вторых, в докладе отмечалось «отсутствие единства в НАТО». Особенное неудовольствие высказывалось в адрес независимой политики правительства Франции.

В Западной Европе не только формально, но и по существу складывалось мощное объединение западноевропейских монополистов — конкурентов американского капитала. Замкнутый характер этого западноевропейского объединения не устраивал американские монополии. Им хотелось продолжать играть в западноевропейском регионе первую скрипку. А для этого надо было любыми способами «размягчить» союз стран «шестерки», ввести в него, как считали в Вашингтоне, верного союзника США — Англию, добиться принятия странами «общего рынка» требований Уолл-стрита о постепенной экономической интеграции США и стран Западной Европы в таких формах, которые были бы выгодны американцам. Экономическая интеграция Западной Европы с США должна была, как надеялись в американской столице, привести и к политической интеграции, т. е. продолжению засилья США во внешней политике стран этого района.

И наконец, большую тревогу в правящих кругах США вызывало положение в Азии и Африке. В этих районах мира влияние США в конце 50-х годов резко упало. В ряде стран были свергнуты проамериканские и проанглийские режимы.

В Азии к 1960 году произошло резкое падение престижа США. Дело дошло до такого беспрецедентного провала, как отмена в 1960 году официального визита президента Эйзенхауэра в Японию. Реакционный

кабинет Киси пал. В Южной Корее была свергнута американская марионетка диктатор Ли Сын Ман. В Южном Вьетнаме клика Нго Динь Дьема была окружена всеобщей ненавистью. В Азии и Африке потерпел сокрушительный провал политический принцип Даллеса «нейтрализм аморален». Даже президент Эйзенхауэр, выступая перед африканскими послами, вынужден был заявить: «Мы не настаиваем, мы даже не хотим (!), чтобы вы принадлежали к тому или другому лагерю». Впрочем, эта новая, лисья тактика не давала особых результатов, несмотря на то что она обильно сдабривалась посулами американской «помощи».

В американской печати и политической литературе появлялось все больше высказываний о том, что США, по существу, оказались плохо подготовленными перед лицом мощного подъема национально-освободительного движения в Африке. В Африку срочно направлялись всякого рода специальные миссии для изучения положения на месте. Все они приходят к одному-единственному выводу: США следует резко усилить свою политическую, экономическую и идеологическую деятельность в Африке, выработать более гибкую стратегию и тактику, перестать открыто связывать себя со старыми колониальными державами — Англией, Бельгией, Португалией и Францией. Настроения о необходимости усиления американской экспансии в Африке полностью совпадали со взглядами самого Кеннеди.

Такова была политическая атмосфера в США накануне прихода Кеннеди к власти.

В интересах удовлетворения требований монополистического капитала и стал действовать новый хозяин Белого дома. Он становился у штурвала корабля, курс которого был проложен по трассе «холодной войны». Почти вся команда корабля состояла из ярых приверженцев этого курса, считавших, что всякое изменение направления движения «крайне опасно».

КОНЦЕПЦИЯ «НОВЫХ РУБЕЖЕЙ»

Представление о концепции «новых рубежей» и внешнеполитических взглядах Джона Кеннеди дает сборник его речей и заявлений, опубликованный незадолго

до съезда демократической партии, состоявшегося 11—16 июля 1960 года. В книгу были включены речи и заявления Кеннеди с 1954 по 1959 год. Особый интерес представляет предисловие самого Кеннеди к сборнику, написанное им в январе 1960 года.

В этом предисловии, озаглавленном «Всемирный вызов», Джон Кеннеди дает оценку внешней политике США в послевоенный период и формулирует ее основные задачи на будущее. Он подчеркивает, что, по его мнению, США в своей внешней политике идут от кризиса к кризису. Он отмечает, что в США не разработана «стратегия мира» и что они не платят той цены, которой требует эта стратегия.

Следует оговориться, что «стратегия мира», как ее понимал в то время Кеннеди, имела мало общего с действительным миролюбием. Его представления о «стратегии мира» были во многом отягощены оценками в духе «холодной войны». И в этом заключался парадокс политики Джона Кеннеди, совмещавшего в своих высказываниях как реалистическую критику курса внешней политики правительства Эйзенхауэра, так и требования о принятии таких новых мер, которые могли сделать международное положение лишь еще более напряженным.

Эта противоречивость в подходе Кеннеди к вопросам войны и мира наложила большой отпечаток и на его деятельность на посту президента. Кеннеди-практик, опирающийся на свою противоречивую теоретическую программу, так же как и президент Эйзенхауэр, долгое время сам шел при проведении внешней политики от кризиса к кризису.

Давая оценку американской внешней политике непосредственно после второй мировой войны, Кеннеди считал, что в тот период у США имелись реальные силы для проведения политики «сдерживания» (служившей, как известно, ширмой для попыток закабаления США Западной Европы и средством подрывной деятельности против социалистических стран). Это были монополия на экспорт капитала и монополия в области ядерного оружия. Но далее Кеннеди признавал, что ни той, ни другой монополии давно уже не существует. И он упрекал правительство США, что оно не осознало полностью значения этого «вызова», брошенного Америке.

Отмечая, что народы Азии, Африки и Латинской Америки, «прозябавшие в течение длительного периода колониальной власти, сейчас впервые пришли в состояние брожения» и что это «представляет собой величайшую революцию», Кеннеди призывал США «возглавить (?!) эту всемирную революцию».

«Американская демократия», провозглашал Кеннеди, должна бороться «за свободу человека» в Азии, Африке и Латинской Америке. По сути дела, это был призыв к правящим кругам США еще более настойчиво бороться за сохранение и укрепление своих позиций в молодых развивающихся странах.

Были у Кеннеди в его предисловии к «Стратегии мира» и высказывания в ином духе, более или менее реалистичные и свободные от демагогии. Так, например, он выступал за конструктивные обмены и переговоры с Советским Союзом, за обмен визитами глав правительств СССР и США. «Гораздо лучше встретиться на совещании в верхах, чем на грани войны»,— заявлял он в одной из своих речей. Однако ценность подобных высказываний Кеннеди резко снижалась от того, что они были, как бы из-за боязни перед американской реакцией, густо насыщенны антисоветскими и антикоммунистическими заявлениями.

Политика «новых рубежей» Кеннеди в целом сводилась к требованию разработать для США «национальную стратегию», основывающуюся на широкой серии тщательно подготовленных долгосрочных политических решений, ставящих целью усиление мощи капитализма. Основные направления политики «новых рубежей» были намечены Кеннеди в его речи «Время решений», произнесенной в сенате США в июне 1960 года. Вот какие мероприятия он рекомендовал осуществить:

сделать неуязвимой способность США нанести «ответный» ядерный удар. Для этого совершенствовать ракетное оружие, укрепить военные базы, способствуя «укреплению политической и экономической устойчивости» тех стран, где они расположены;

вновь «обрести способность» вмешиваться в любую ограниченную войну, «в каком бы месте мира она ни возникла», увеличивая и модернизируя обычные вооруженные силы;

превратить НАТО в «жизнеспособную и сплоченную» вооруженную силу, расширив ее политические функции;

создать «свободную мировую экономику», преодолеть ведущее к расколу экономическое соперничество между «общим рынком» и Англией, между «шестеркой» (ЕЭС) и «семеркой» (ЕАСТ);

защитить «международные валютные резервы», проводить «более последовательную политику» в области таможенных тарифов по обе стороны Атлантики;

объединить «помощь» западных держав развивающимся районам мира. Совершенно заново разработать программу «помощи» США иностранным государствам, основанную на долгосрочных обязательствах;

в сотрудничестве с Западной Европой и Японией значительно увеличить приток капиталов в Азию, Африку и Латинскую Америку;

перестроить отношения США со странами Латинской Америки, действуя через усиленную Организацию американских государств. Одного возвращения к «политике доброго соседа» недостаточно; нужен ряд новых установок;

сформулировать «новый подход» к Ближнему Востоку, укрепляющий позиции США; однако при этом нельзя допустить, чтобы у арабов «создалось впечатление, будто их нейтрализм и национализм находятся под угрозой»;

активизировать усилия в африканских государствах; США больше не могут «проводить политику, которая не учитывает неизбежной победы национализма в Африке, неизбежного конца колониализма». Удовлетворить острую потребность Африки в образованных людях, посылая туда все больше технических специалистов и педагогов и привлекая все больше африканских студентов — будущих африканских руководителей — в университеты США для обучения;

показать решимость США «защищать» Западный Берлин;

подготовить и держать «в состоянии готовности» гибкие и реалистические средства, которыми можно было бы использовать в Восточной Европе. Политика «освобождения», провозглашенная восемь лет назад,

оказалась при сложившемся соотношении сил «ловушкой и заблуждением»;

пересмотреть политику в отношении Китая, но не признавать Китай и не давать согласия на его допуск в ООН; улучшить контакты с Китаем;

начать разрабатывать «новые реальные программы обеспечения мира и контроля над оружием», поскольку гонка вооружений обременяет весь мир фантастическими денежными тяготами, чрезмерно большими военными машинами; при гонке вооружений возможно случайное или безрассудное развязывание гибельной для всего мира войны;

укреплять ООН, увеличивая ее роль в урегулировании международных конфликтов;

создать «сильную Америку» с «развивающейся экономикой», способной удовлетворять новые правительственные планы.

Такова была программа, выдвинутая Кеннеди. В ней в полной мере отразились экспансионистские настроения, господствовавшие в американских правящих кругах в конце 50-х годов. Но в этой программе явственно чувствовалось и беспокойство за позиции США на международной арене, забота о новой, «более гибкой» тактике в борьбе с «мировым коммунизмом» и национально-освободительным движением. В последних пунктах программы отдавалась определенная дань противникам дальнейшей безудержной гонки вооружений.

Речь Кеннеди вызвала одобрение сенаторов Мэнсфилда и Хэмфри. Что касается вице-президента Никсона, то он еще перед тем, как Кеннеди произнес речь, демонстративно покинул сенат и отправился раздавать своим поклонникам автографы.

Характерным моментом программы Кеннеди являлся явный приоритет, который он отдавал в ней проблемам внешней политики перед проблемами политики внутренней.

«Новые рубежи» нашли свое выражение и в программе демократической партии. Здесь они носили более расплывчатый характер и касались главным образом вопросов внутренней политики. Зато посулы и обещания раздавались буквально всем. Рабочим обещали ликвидировать трущобы, снизить налоги и увеличить

жилищное строительство; фермерам — повысить их доходы; монополиям — стимулировать деловую активность «без инфляции» и приостановить спад промышленного производства; безработным — обеспечить «полную занятость»; неграм — гражданские права; военно-промышленному комплексу — увеличение расходов на оборону.

16 июля 1960 года, после окончания работы съезда демократов в Лос-Анжелесе, Кеннеди в своей речи кандидата в президенты от демократической партии заявил: «Семь долгих лет засухи и голода истощили поле идей. Густая мгла опустилась на наши руководящие органы, и гниль, берущая свое начало в Вашингтоне, просачивается во все уголки Америки... Пора новому поколению руководителей, новым людям приступить к решению новых проблем, использовать новые возможности... Сегодня некоторые скажут, что... все горизонты изведаны, что все битвы выиграны, что американского рубежа больше нет». Нет, воскликнул Кеннеди, «не все проблемы решены, не все битвы выиграны, мы стоим сегодня на новом рубеже — рубеже 60-х годов, неизведанных возможностей и опасностей, неосуществленных надежд и угроз... Новый рубеж здесь, независимо от того, ищем мы его или нет. За этим рубежом находятся неизведанные области науки и космоса, нерешенные проблемы мира и войны, непобежденные очаги невежества и предрассудков, неразрешенные проблемы нищеты и излишка... Суровые факты таковы, что мы стоим на этом рубеже, являющемся поворотным пунктом в истории». Такова была эмоциональная характеристика, данная Кеннеди политике «новых рубежей». В ней сквозила острая тревога о судьбах капитализма.

В период президентской избирательной кампании Кеннеди не раз, хотя и в общей форме, говорил о том, что нужно изменить устаревший курс политики и отбросить утратившие свое значение лозунги. Он требовал осуществления «новых идей» во внешней политике, отмечая, что у США нет никаких реальных предложений о том, как ликвидировать тупик по германскому вопросу, тупик в Западном Берлине, тупик в вопросе о «контроле над вооружением» и все остальные тупики, поскольку единственной американской «большой стра-

тегией» является гонка вооружений и «холодная война». Однако, чем ближе становился день президентских выборов, тем реже звучала в речах Кеннеди тема необходимости изменения курса внешней политики США. А во время его инаугурации она оказалась почти полностью забытой.

При характеристике «новых рубежей» следует учитывать, что многое в них на самом деле было очень и очень старым. Например, по подходу к ряду проблем, порожденных «холодной войной», Кеннеди не отличался от Никсона и ультрареакционного крыла американских политиков. Так, например, он неоднократно выступал за проведение в США «недели порабощенных стран», призывал, противореча сам себе, к «освобождению» стран Восточной Европы.

Но было в высказываниях автора политики «новых рубежей» и немало такого, что существенно отличало Кеннеди от представителей лагеря крайней правой реакции в США. Можно, например, сослаться на следующее.

Для политики «новых рубежей» на первом этапе по ряду вопросов был характерен определенный реализм. Так, критикуя провокацию с У-2, Кеннеди в мае 1960 года прямо заявил, что если бы он был президентом, то «не допустил бы возможности инцидента» и «не разрешил бы такой полет». Кеннеди далее отметил, что провал совещания в верхах в Париже «был результатом инцидента с У-2». Такая позиция Кеннеди вызвала резкую критику по его адресу со стороны правительственных лиц, и в своих последующих выступлениях Кеннеди, опять-таки противореча сам себе, заявлял, что крах переговоров «был прямым следствием советской решимости (?!) сорвать переговоры».

Кеннеди более или менее последовательно высказывался в пользу расширения советско-американских контактов. Выступая 1 октября 1959 года в Рочестерском университете, он заявил, что, хотя никакие переговоры между СССР и США «не в состоянии положить конец разногласиям» между ними, это не значит, что такие переговоры «безнадежны». «Избыток пессимизма не лучше, чем избыток оптимизма»,— заметил Кеннеди. Он призвал США и СССР освободиться от бремени гонки вооружений, утверждая, что США «не хотят

ядерной войны». Отметив, что дальнейшее распространение ядерного оружия весьма опасно, Кеннеди призвал СССР и США к соревнованию в области торговли и производства.

В своих выступлениях, в частности в Лос-Анжелесе 2 ноября 1959 года, Кеннеди высказался против предложения губернатора штата Нью-Йорк Н. Рокфеллера возобновить ядерные испытания. Он не соглашался с мнением тех, кто утверждал, что количество радиоактивных осадков, выпадающее после испытаний ядерных бомб, не наносит большого ущерба человечеству.

Ряд трезвых суждений высказал Кеннеди и в отношении гонки вооружений. Он, например, подчеркивал, что гонка вооружений, если не будет найден способ ее остановить, может привести США к национальному самоубийству. «Часто говорят,— писал Кеннеди в «Стратегии мира»,— что гонка вооружений — это лишь симптом напряженности, а не причина, вызвавшая напряженность, и что до тех пор, пока существуют такие ситуации, как берлинская, гонку вооружений необходимо продолжать. Но это в лучшем случае полуправда. Атомное и водородное оружие само по себе превратилось в основной источник напряженности».

Кеннеди предлагал правительству США выступить за «любое практическое соглашение о разоружении». Он высказывался в пользу соглашения о всеобщем разоружении и «демилитаризацию некоторых определенных районов напряженности», призывая правящие круги США не рассматривать проблему разоружения лишь как «средство ведения психологической войны», т. е. перестать подходить к этому вопросу только как к средству пропаганды.

Нетрудно заметить, что трезвые высказывания Кеннеди по проблеме разоружения противоречили его же концепции создания в США «длительной военной силы», т. е. наращивания их военной мощи. Подобных противоречий в теории и практике «новых рубежей» Кеннеди было немало, они отражали настроения самых различных слоев американского общества, часто диаметрально противоположные.

Так, провозглашая основные принципы политики «новых рубежей», Кеннеди положительно высказы-

вался в отношении переговоров как средства мирного урегулирования международных споров. В одном из своих интервью Кеннеди прямо заявил, что «нужно вести переговоры». Однако он тут же делал оговорку, что выступает за переговоры «с позиции силы».

Следует сказать, что до президентских выборов 1960 года концепция «новых рубежей» в первую очередь имела целью победу в избирательной кампании. Характеризуя Кеннеди и его «новые рубежи», известный американский политический обозреватель Уолтер Липпман за десять дней до президентских выборов следующим образом объяснял «секрет популярности Кеннеди». По мнению Липпмана, он «заложен в вызываемой им надежде, что страна вступит в новый период обновления и возрождения, надежды и энергии, новых интересов и новой уверенности». Кеннеди, продолжал Липпман, «не намерен отвести государственный корабль в сторону и реконструировать его. Он намерен снабдить его капитаном и офицерами, которые знают, куда идут, и обладают волей для этого». Тем самым Липпман подтверждал, что действительно больших перемен в американской внутренней и внешней политике Кеннеди делать не собирался. Но, стремясь к осуществлению многих старых целей, он хотел прибегнуть к новым методам и тактике.

Весьма любопытным было выступление влиятельного американского журнала «Форчун» за несколько дней до выборов. В опубликованной журналом статье говорилось: «Независимо от того, за что высказывается тот или иной кандидат или какую политику он сформулировал, прежде чем вступить в должность президента, он затем подвергается давлению, которое он вряд ли мог себе представить. На посту президента он должен приспосабливаться к обстоятельствам». Все это имело самое прямое отношение и к «новым рубежам» Кеннеди. Все то, что не удовлетворяло в них правящие круги США, так и осталось теорией без практики. Лишь малую толику своих позитивных мыслей удалось Кеннеди претворить в жизнь на последнем году президентства, да и то вопреки усилиям таких людей, как Рокфеллер, Никсон и Голдуотер.

ИНАУГУРАЦИЯ

20 января 1961 года в Вашингтоне состоялась инаугурация — официальное вступление Джона Фитцджеральда Кеннеди в должность президента США. Кеннеди, без пальто, на сильном пронизывающем ветру, произнес речь. О чем же поведал собравшимся 35-й президент США?

Речь Кеннеди была краткой. Обращало на себя внимание, что, по сути дела, он не сделал никакого заявления о новом политическом курсе. Рассказывают, что Эйзенхауэр, сидевший рядом с Кеннеди на трибуне, был «приятно тронут» его речью. Ведь Кеннеди в своем выступлении не выдвинул ни одной цели, которой в свое время не касался бы республиканский президент.

Ряд высказываний Кеннеди все же обращал на себя внимание, так как в них делался определенный акцент на необходимость для США учитывать изменившуюся международную обстановку. «Сегодня мир стал совсем иным»,— заявил Джон Кеннеди. «Человек в своих смертных руках держит силу... способную уничтожить все формы человеческой жизни». Далее новый президент призвал США совместно с другими странами «заново начать поиски мира». Он обратил внимание на «слишком большое бремя стоимости современных видов оружия», выразил обеспокоенность «неуклонным распространением смертоносного атома», призвал США «не страшиться переговоров». Кеннеди также выступил за то, чтобы «не обострять» разделяющие мир международные проблемы; за то, чтобы, несмотря на «джунгли подозрений», расчищать «площадку сотрудничества»; за то, чтобы государства повели борьбу против общих врагов человека — «тирании, нищеты, болезней и самой войны».

Все эти высказывания Кеннеди, хотя они и были слишком расплывчаты, казалось, свидетельствовали о том, что новый президент действительно намерен проводить миролюбивый курс на международной арене. Жизнь, однако, показала другое.

Глава четвертая. У ВЛАСТИ

ВСЕ НАВЕРХ

Позади остались волнения избирательной кампании и пьянящая радость победы над соперниками. К 20 января 1961 года — дню принесения присяги и официального вступления на пост президента — Джону Кеннеди предстояло создать новое правительство. И надо сказать, формирование правительства было для него далеко не простым делом. Причина этого таилась не столько в том, что с 1933 года, когда президентом США стал Рузвельт, демократы ни разу не формировали вслед за республиканцами новое правительство, сколько в подходе Кеннеди к подбору лиц, с которыми ему предстояло работать.

В чем же состоял этот подход?

Прежде всего несомненно желание Кеннеди создать из верных монополистическому капиталу США чиновников эффективный правительственный аппарат, в котором подавляющее количество ключевых постов заняли бы послушные президенту люди. Но при этом Кеннеди, как известно, был невысокого мнения о деятельности правительства Эйзенхауэра. Пробелы своего предшественника он не в последнюю очередь объяснял слабой компетентностью Эйзенхауэра и многих из его министров в вопросах внешней и внутренней политики. По мнению Кеннеди, требовался приток свежих сил и идей в правительство США. А это, как он считал, можно было осуществить только с помощью включения в правительство новых лиц — «знатоков» своего дела.

Отсюда и осторожный подход Кеннеди к комплектованию правительства и включению в него профессиональных деятелей демократической партии. Характерно, что даже своим ближайшим сторонникам на президентских выборах, в том числе губернаторам штатов, Кеннеди не предложил главных постов в правительстве. Он отлично понимал, что командовать этими людьми, которым он в значительной мере был обязан в победе над Никсоном, будет куда труднее, чем «новобранцами».

Вместе с тем Кеннеди, конечно, не хотел отталкивать своих наиболее видных сторонников, и большинство из них были так или иначе отблагодарены правительственными постами.

Наиболее наглядно о подходе Кеннеди к формированию своего правительства свидетельствует участь в недавнем прошлом кумира демократов, правда неудачливого, Эдлая Стивенсона. Последний не только не стал государственным секретарем, но ему был предложен один из сравнительно второстепенных постов в правительстве — пост представителя США при Организации Объединенных Наций. Чтобы подсластить горькую пилюлю, Стивенсону обещали сделать его членом кабинета. Стивенсон был вынужден согласиться. Он знал, что шутки с новым президентом плохи. Того и гляди, вообще останешься за бортом нового правительства, которое Стивенсон в прошлом мечтал возглавить сам и дважды потерпел в этом неудачу.

Примерно так же сложилась судьба и другого видного демократа — Честера Боулса, второго наиболее вероятного кандидата на пост государственного секретаря. Ему Кеннеди предложил пост заместителя государственного секретаря.

На пост министра обороны США прочили одного из самых видных демократов, пользовавшегося большим влиянием в военно-промышленных кругах,— сенатора Стюарта Саймингтона. На этот же пост предлагался председатель Национального комитета демократической партии Генри Джексон.

Однако как Саймингтону, так и Джексону занять пост министра обороны предложено не было.

Все эти факты не случайны. Они отражали явное нежелание Джона Кеннеди включать в «свою команду»

на самые ведущие посты известных политических деятелей, среди которых он был бы всего лишь первым среди равных. Кеннеди не хотел иметь в своем правительстве «удельных князей» вроде Джона Фостера Даллеса, которые, по существу, самолично руководили бы той или иной областью американской политики. Такое руководство, окружив себя способными инициативными специалистами, Кеннеди намеревался оставить за собой.

Однако он, конечно, не был настолько наивен, чтобы не понимать, что слишком резкое обновление им состава правительства США за счет ущемления интересов профессиональных чиновников восстановит их против него. Надо было подумать и о том, чтобы найти общий язык с наиболее влиятельными республиканцами и успокоить деловые круги Америки, опасавшиеся скоропалительных действий со стороны молодого президента. Все это Кеннеди, как показал впоследствии состав сформированного им правительства, учел. В результате еще до того, как новое правительство начало функционировать, в буржуазной прессе США за ним утвердилась репутация «способной администрации». Поговаривали, что президент действительно отобрал на ведущие посты кабинета «лучших из лучших» и что политическая атмосфера в Вашингтоне насыщена «новыми идеями», словно грозовая туча электричеством.

Кто же вошел в правительство Кеннеди? Как оно формировалось?

Новый президент с самого начала похоронил идею Эйзенхауэра о введении в правительство новой должности — первого государственного секретаря, который бы координировал деятельность других министерств. Эта идея шла вразрез с принципами Кеннеди.

Рассказывают, что когда Кеннеди доложили, что ему предстоит назвать и утвердить кандидатуры на более чем 1200 правительственных постов, то он пришел в сильное возбуждение и воскликнул: «Люди, люди, люди! Я не знаю никого из людей. Я знаю только избирателей. Каким образом я заполню эти 1200 мест?..»

Эта несколько наигранная вспышка раздражения у Кеннеди объяснима. После президентских выборов он очень устал, и ему был необходим отдых. Кроме того, Кеннеди хорошо представлял себе многочисленные

сложности, которые ему предстояло преодолеть, чтобы сформировать правительство. Необходимо было и осуществить свои собственные идеи президентства, и удовлетворить деловые и финансовые круги США. Без этого не могло функционировать ни одно американское правительство, и Кеннеди это отлично понимал. Сам он, конечно, знал сотни людей, и людей вроде бы толковых. Но пришлись бы они по душе ведущим монополистическим группировкам? Это был вопрос не из легких.

Одной из самых актуальных задач Кеннеди считал налаживание еще более тесных связей с уолл-стритовской группой. Морганы и Дюпоны, Рокфеллеры и Форды — в конечном счете от их поддержки в громадной степени зависела и зависит судьба любого американского правительства. На эту группировку опирались в своей деятельности как правительства демократов Рузвельта и Трумэна, так и республиканское правительство Эйзенхауэра. Это был союз политиков и хозяев.

Кеннеди устанавливает контакт с двумя наиболее влиятельными представителями интересов уолл-стритовской, или, как ее еще иногда называют, нью-йоркской, группировки: Робертом Ловеттом и Джоном Макклоем. Это было необходимо, так как названная финансовая группировка, по признанию Шлезингера, «относилась к Кеннеди с некоторой долей подозрения». Что за люди были Ловетт и Макклой?

Ловетт являлся влиятельным нью-йоркским банкиром, некоторое время служил министром обороны США, входил в состав правления Фонда Рокфеллеров. С давних времен Джон Макклой также был хорошо известен на Уолл-стрите. Длительное время, вплоть до 1940 года, он работал в качестве юриста крупных нью-йоркских корпораций, оформлял финансовые сделки международного характера. Особенно тесные связи имел с западноевропейскими деловыми кругами. С апреля 1941 года по ноябрь 1945 года Макклой — помощник министра обороны США. В 1947—1949 годах Макклой занимает пост директора Международного банка реконструкции и развития, затем в течение четырех лет был верховным комиссаром США в Германии. К этому времени Макклоя высоко оценили в нью-йоркских деловых кругах. В 1952 году, уйдя в отставку, он становится председателем совета директоров «Чэйз Манхэттен

бэнк» — ведущего банка семейства Рокфеллеров. Одновременно он садится в директорское кресло ряда крупных промышленных корпораций.

Основной контакт с уолл-стритовской финансовой группировкой Кеннеди поддерживал через Ловетта. Последний откровенно поведал Кеннеди о том, что в предвыборной борьбе активно выступал за Никсона. Но Кеннеди пропустил это мимо ушей. Ловетт нужен был Кеннеди, а Кеннеди — Ловетту. Прошлое не имело значения. Нужно было формировать новое правительство, а время не ждало. Вскоре у Кеннеди с Ловеттом состоялось несколько встреч, на которых представитель интересов деловых кругов Уолл-стрита сделал президенту ряд конкретных предложений по формированию правительства.

Стремясь устранить какое бы то ни было недоверие по отношению к себе со стороны крупных нью-йоркских промышленников и банкиров, Кеннеди предлагает Ловетту на выбор один из следующих трех постов: государственного секретаря, министра обороны или министра финансов. Под предлогом плохого состояния здоровья Ловетт от этого предложения отказался. Кеннеди подумывает, не оставить ли в новом правительстве прежнего министра обороны Томаса Гейтса, связи которого с Уолл-стритом были хорошо известны. Советники Кеннеди уговаривали его этого не делать. Ведь не кто иной, как сам Кеннеди, еще совсем недавно резко критиковал работу министерства обороны правительства Эйзенхауэра.

Выход из положения вскоре был найден, и предложил его, естественно, Ловетт. Он рекомендовал Кеннеди на пост министра обороны Роберта Макнамару, в прошлом президента «Форд мотор компани». На Макнамару Уолл-стрит полностью полагался. Лучшей рекомендации для Кеннеди быть не могло.

После некоторого колебания, получив разрешение от семейства Фордов, Макнамара дал согласие занять в правительстве Кеннеди пост министра обороны. Характерная деталь: Макнамара согласился на это предложение только после того, как Кеннеди при личной встрече обещал ему полную свободу рук в комплектовании штата министерства обороны. Итак, нью-йоркская группировка монополистов получила на одном из ключевых

постов в правительстве — в военном министерстве — своего человека.

Такую же тактику избрал Кеннеди в подборе министра финансов. Предельная осмотрительность нового президента в этом вопросе объяснялась тем, что в конце 1960 года американские финансовые круги были крайне озабочены утечкой из США золотого запаса. Они стремились прекратить этот процесс и требовали, чтобы на посту министра финансов был поставлен кто-либо из их среды. Об этом Кеннеди доложила специальная группа во главе с банкиром-миллионером, впоследствии ставшим заместителем министра обороны, Полем Нитце, которого Кеннеди направил в Нью-Йорк для выяснения настроений финансистов. Нитце сообщил Кеннеди, что «все, с кем мы консультировались в деловых кругах Нью-Йорка», требовали прежде всего приостановить утечку золота и настаивали, чтобы на пост министра финансов был назначен человек, которому «были бы близки интересы банкиров» и который «пользовался бы в международных финансовых кругах уважением и доверием». Деловой мир Уолл-стрита хотел видеть на посту министра финансов все того же Ловетта или Макклоя. В качестве приемлемой кандидатуры назывался также Дуглас Диллон, заместитель государственного секретаря при Эйзенхауэре. Так как кандидатуры Ловетта и Макклоя вскоре отпали, то наиболее вероятным кандидатом сделался Диллон.

Надо сказать, что Кеннеди был не в восторге от перспективы включения в свое правительство республиканца из правительства Эйзенхауэра. Некоторое время он колеблется, прикидывая возможность удовлетворения интересов Уолл-стрита какой-либо другой кандидатурой. Некоторые из его советников упоминают имя известного демократа банкира А. Гарримана. Но эта кандидатура, как вскоре стало ясно, не нашла бы достаточной поддержки. Многие влиятельные финансисты Уолл-стрита недолюбливали Гарримана, считая его «ренегатом», изменившим консервативным принципам республиканизма в годы Рузвельта.

Вопреки предостерегающим советам некоторых из своих помощников, Кеннеди все больше склоняется в пользу кандидатуры Диллона. Кеннеди хорошо знал, конечно, что в истории формирования американских

правительств еще не было случая, чтобы вновь избранный президент приглашал в состав своего правительства на один из самых важных постов представителя побежденной партии, который к тому же раньше не был членом кабинета. Когда Кеннеди стали докучать подобного рода доводами, то он заявил: «Эти соображения мне безразличны. Все, что я хочу знать — способный ли он человек? Будет ли он поддерживать нашу программу?» Если бы Кеннеди был более откровенен, то он бы, конечно, добавил: история историей, но требования монополистов Уолл-стрита куда важнее. Перед ними должен склониться и престиж демократов.

Когда Кеннеди предложил Диллону пост министра финансов, тот быстро дал согласие. Кеннеди был доволен. Как впоследствии признавал Артур Шлезингер, «он (Кеннеди.— *А. Г.*) нашел человека, которому будут верить банкиры...»

Необходимо было также подобрать подходящую кандидатуру на пост государственного секретаря. Поиски велись беспрерывно. Кеннеди перебирал в уме десятки имен. После того как Ловетт отклонил предложение стать государственным секретарем, Кеннеди прикидывает возможности таких людей, как Честер Боулс, сенатор Фулбрайт, бывший посол в Париже и Бонне Дэвид Брюс. Вскоре, однако, стало ясно, что у нью-йоркской монополистической группировки, как говорится, аппетит пришел во время еды. Ловетт стал энергично настаивать на кандидатуре Дина Раска. До этого Кеннеди мало что слышал о Раске. Теперь же ему предлагали взять его на один из самых важных правительственных постов.

Учитывая источник настойчивой «просьбы», Кеннеди отнесся к ней со всей серьезностью. Ведь, по существу, за Раска ходатайствовало семейство Рокфеллеров.

Раск являлся членом правления Фонда Рокфеллеров, занимаясь распределением средств для «помощи» слаборазвитым странам. Благотворительный Фонд Рокфеллеров состоял из пожертвованных ими денег, большая часть которых все равно должна была быть вычтена из их доходов в качестве налогов. Так не лучше ли, решили в семействе Рокфеллеров, использовать значительную часть этих средств для популяризации

своего «доброго имени» и усиления влияния американской буржуазной идеологии в развивающихся странах. Вот этой работой и занимался Раск, выполняя ее с усердием, заслужившим ему доверие Рокфеллеров.

Кеннеди не заставил себя долго ждать. Он лично звонит Раску, приглашая на встречу. Через несколько дней Раск встречается с Кеннеди. К этому времени последний уже успел ознакомиться со статьей Раска «Президент» в журнале «Форин афферс», основной смысл которой сводился к тому, что президент США, и только он, руководит внутренней и внешней политикой США. А министры ему в этом помогают. Вместе с тем Раск предостерегал нового президента против поспешных встреч на высшем уровне и призывал его доверить дипломатию дипломатам. Статья, особенно ее первая часть, понравилась Кеннеди. В меньшей степени ему понравился сам Раск. Рассказывают, что последний расстался с Кеннеди в полной уверенности, что встреча закончилась безрезультатно, так как он и Кеннеди «по-разному смотрят» на многие вещи. Однако на следующий день Кеннеди все же предложил ему занять пост государственного секретаря по иностранным делам. Требование Ловетта было удовлетворено.

Итак, все три наиболее важных поста в кабинете Кеннеди оказались занятыми людьми, рекомендованными Ловеттом. Случайно ли это? Конечно, нет. Уолл-стрит занимался своим обычным делом — формировал руками очередного президента правительство США.

Остальные посты в правительстве Кеннеди в основном распределил между своими ближайшими помощниками на выборах, взявшими его сторону еще до съезда демократической партии, на котором он был выдвинут кандидатом в президенты.

Губернатор штата Коннектикут А. Рибикофф был назначен министром здравоохранения, образования и социального обеспечения. Губернатор штата Северная Каролина Л. Ходжес стал министром торговли. Губернатор штата Аризона С. Юдэл получает пост министра внутренних дел. Юрист А. Голдберг, имевший тесные связи с профсоюзами и пользовавшийся доверием предпринимателей, назначается министром труда. Своему другому ближайшему стороннику, бывшему губернатору штата Мичиган М. Уильямсу Кеннеди отдает важ-

ный пост помощника государственного секретаря по африканским делам.

Необходимо также было решить «проблему Бобби», брата президента. Роберт Кеннеди, безусловно, был одним из самых способных, если не самым способным помощником своего старшего брата в течение многих лет. Благодаря его тактическому чутью и громадной работоспособности Джону Кеннеди удалось решить не один важный вопрос. Был у Роберта и опыт работы в конгрессе США, где он в течение пяти лет работал советником сенатского комитета по расследованию преступности.

Посоветовавшись с отцом, Джон Кеннеди решает предложить Роберту пост министра юстиции. Сам Роберт Кеннеди был не в восторге от идеи старшего брата. Больше того, он решительно ей воспротивился. Его больше тянуло пусть и на второстепенные роли, но в министерстве обороны или госдепартаменте. Джон Кеннеди, однако, стоял на своем. Однажды за завтраком он не допускающим возражения тоном сказал Роберту, что тот должен будет занять пост министра юстиции. Роберт был вынужден согласиться.

Когда настало время официального назначения Роберта Кеннеди и согласно обычаю следовало объявить об этом толпящимся перед домом Кеннеди репортерам, президент, пригласив Роберта выйти, проворчал: «Черт возьми, Бобби, причеши свои волосы», добавив: «Не улыбайся слишком часто, а то они подумают, что мы счастливы этим назначением». Этой шуткой и завершилось разрешение «проблемы Бобби».

Особо следует отметить решение Кеннеди оставить во главе ЦРУ и ФБР Аллена Даллеса и Эдгара Гувера. Это решение Кеннеди принял сразу же после выборов вопреки мнению некоторых своих ближайших друзей, с которыми он на следующий день после президентских выборов отмечал за ужином свою победу. Тогда казалось, что Кеннеди внимательно прислушивается к отрицательным отзывам своих гостей о руководителях ЦРУ и ФБР. Кое-кто из присутствующих даже полагал, что Даллес и Гувер могут быть уволены в отставку. Этого, однако, не произошло.

На следующее утро, когда любители давать советы в неофициальной обстановке открыли газеты, они были

поражены, а некоторые даже слегка возмущены сообщением о том, что Кеннеди предложил остаться на своих постах как Даллесу, так и Гуверу. Однако Кеннеди знал, что делал. С помощью этого шага он стремился с самого начала показать влиятельным кругам, что он человек «серьезный», «вполне зрелый» и ожидать экстравагантных выходок с его стороны не следует. Это была тактика «завоевания доверия». А доверием со стороны американских монополистов Кеннеди очень и очень дорожил.

К 17 декабря 1960 года Джон Кеннеди закончил формирование своего кабинета назначением на пост министра почт Эдварда Дэя, крупного бизнесмена в области страхования.

Итак, основной костяк новой администрации был сформирован и готов к действию. Оставалось ждать 20 января 1961 года — дня, когда Кеннеди должны были официально провозгласить президентом США.

МАКНАМАРА ПОЛУЧАЕТ ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ

В январе 1961 года, когда Джон Кеннеди вступил на пост президента, американская внешняя политика была скована льдами «холодной войны». Морозильная установка фирмы «госдепартамент — Пентагон — ЦРУ» работала на полную мощность. Влиятельные сторонники «холодной войны» в США выступали против всего, что хотя бы в какой-то степени могло иметь своим результатом потепление международного климата. Они вели постоянную борьбу против принципов мирного сосуществования. Эта борьба была отражением глубокого кризиса буржуазной идеологии и свидетельствовала о негативном отношении американских правящих кругов, взятых в целом, к самой идее отказа от «холодной войны».

В Вашингтоне считали, что в тактическом и стратегическом отношении американскому капитализму выгодно поддерживать милитаристский курс на мировой арене, наращивая политическую, экономическую и идейную борьбу с социалистическими странами и коммунистической идеологией. Не желая мирного соревнования с новым строем, империалисты предпочитали бо-

роться против социализма и коммунизма с помощью гонки вооружений и запугивания, военных интервенций и подрывных действий, попрания суверенитета других государств и их экономического закабаления. Это были старые испытанные методы империалистических государств. Отказываться от них американским империалистам не хотелось, тем более что эти методы порой приносили им определенные политические и экономические дивиденды. Таким образом, когда Кеннеди в холодный январский день приносил президентскую присягу, на политической арене США почти безраздельно господствовали сторонники «холодной войны», которые хотели, чтобы в американской внешней политике все осталось по-старому.

Все это прежде всего и обусловило то, что на первых порах президентства приоритет отдается военной политике. Именно эта проблема овладевает Кеннеди. Он не был доволен тем, как Эйзенхауэр вел дела, связанные с военной политикой США. Более того, он был с ней не согласен.

Как известно, правительство Эйзенхауэра в течение длительного периода времени поклонялось доктрине «массированного ядерного удара». Старый президент настолько свято верил в непогрешимость этой доктрины, что уволил в отставку начальника штаба армии М. Тэйлора, когда последний вздумал ее дополнить и видоизменить. В действиях Тэйлора Эйзенхауэр усмотрел всего лишь стремление армейского генерала принизить значение ядерного оружия и добиться для армии дополнительных ассигнований на обычные «классические» виды оружия: винтовки, минометы, танки, орудия.

Основной смысл требований генерала Тэйлора состоял, однако, не столько в количественном увеличении американской армии и обычных вооружений, сколько в отличном от доктрины «массированного ядерного удара» подходе к военной стратегии. Генерал выдвинул новую военную доктрину, которую окрестили стратегией «гибкого реагирования». Она была призвана приспособить внешнюю и военную политику США к обстановке 60-х годов, когда США уже не могли и помышлять о том, что в случае ядерной агрессии против социалистических стран им удастся избежать

уничтожающего возмездия. Были у доктрины Тэйлора и другие цели.

Генерала, в частности, беспокоило то, что, как он считал, у США не имелось достаточных военных сил, в том числе специального назначения, для того, чтобы бороться с национально-освободительным движением. А ведь правительство США постоянно требовало от американской армии, чтобы она выполняла роль мирового жандарма. Выполнению этой миссии, по мнению Тэйлора, лучше отвечала его доктрина развертывания американской военной мощи вширь, одним словом, гонка наряду с ядерными и обычных вооружений.

Взгляды Кеннеди были близки этой доктрине. Еще будучи сенатором, Кеннеди высказывался против увлечения доктриной «массированного ядерного удара» в ущерб обычным вооруженным силам. Эта же точка зрения активно защищалась им в период президентской избирательной кампании. Правда, в 1960 году Кеннеди уже требует не только гонки обычных вооружений, но и быстрого увеличения производства стратегических ракет.

С приходом в Белый дом Кеннеди назначает Тэйлора сначала своим личным помощником, а затем и председателем объединенной группы начальников штабов. Тэйлор немедленно начал претворять в жизнь свои планы, у которых в правительстве Кеннеди было уже немало сторонников, в том числе министр обороны США Роберт Макнамара.

Еще в декабре 1960 года Кеннеди поручил Макнамаре «разобраться» в военной стратегии США. При этом он высказал ему одно соображение, которое интересно хотя бы тем, что свидетельствует о лицемерии официальной американской пропаганды, утверждающей, что гонка вооружений в США, интенсивно развернутая весной и летом 1961 года, была якобы вызвана предложениями Советского Союза об укреплении мира в Европе, предложениями, которые изображались как «угроза Западу».

А вот что имело место на самом деле. Как признал впоследствии Соренсен, первым серьезным указанием Кеннеди Макнамаре было: «Ни при каких обстоятельствах мы не должны ограничивать нашу стратегию или уровень вооруженных сил произвольными, заранее

спланированными финансовыми ограничениями». Яснее, кажется, и не скажешь. Пентагону в гонке вооружений открывали «зеленую улицу».

Уже через неделю после того, как Кеннеди занял пост президента США, в январе 1961 года Макнамара доложил ему и правительству, что в результате проведенного им расследования обнаружено, что «американская военная стратегия является падчерицей заранее спланированного бюджета» и что «финансовый потолок» военных ассигнований несовместим с «национальной безопасностью» США. По Макнамаре получалось, что США располагают этакой слабенькой армией, где не хватает буквально всего: пехотных дивизий, подводных лодок, ядерных ракет, обычных вооружений и даже боеприпасов. И на все требуются деньги, много денег. В том числе и на создание специальных подразделений для борьбы с национально-освободительным движением. И это утверждал министр обороны государства, которое имело самый большой в мире военный бюджет и самую раздутую военную машину! Военно-промышленному комплексу было от чего возрадоваться. Приближался новый золотой дождь военных заказов. Он лил, не переставая, все три года президентства Кеннеди. Достаточно сказать, что только дополнительные военные ассигнования за эти три года составили 17 млрд. долл.

КУБИНСКАЯ АВАНТЮРА

Наиболее важной частью своей президентской деятельности Кеннеди считал внешнюю политику. По признанию Соренсена, Кеннеди отдавал приоритет внешнеполитическим проблемам перед внутриполитическими. «Большая разница между провалом законопроекта и полным уничтожением страны»,— заметил он как-то сразу после президентских выборов. Это высказывание Кеннеди отражало осознание им того непреложного факта, что Америка начала 60-х годов перестала быть неприступной крепостью, отгороженной от катаклизмов первой и второй мировых войн толщей вод Атлантического и Тихого океанов. В 50-х годах все изменилось. Широкая гладь океанов уже могла защитить Америку

не более, чем самый большой ров средневековья, наполненный водой, мог бы защитить замок феодала, ну, скажем, от залпа «катюш».

С трудом привыкали американские империалисты к новому положению США в мире, когда их генералы потеряли все военно-стратегические преимущества, которыми когда-то обладали. Потеряли покой и многие политические деятели США, многие годы вдалбливавшие себе и другим в голову, что «русские на нас вот-вот нападут» и только-де «наша военная мощь не позволяет им этого сделать». Не сбылись и десятки, если не сотни предсказаний видных органов печати США о том, «когда начнется война» между Америкой и Россией. В сознание многих американцев проникает трезвая мысль о необходимости жить в мире со странами социализма.

В самых верхних слоях американских капиталистов, однако, легко заметить плохо скрываемый страх перед идеей мирного сосуществования капиталистических и социалистических стран. Более того, среди них имеется большое число людей, которые в душе считают, что в ходе пусть и мирной, но не перестающей от этого быть чрезвычайно острой борьбы на международной арене между социализмом и капитализмом последний потерпит поражение. Поэтому их требования сводятся к тому, чтобы поддерживать во всем мире международную напряженность, не давать растаять льдам «холодной войны». А если есть возможность, то и попытаться устранить самый дух мирного сосуществования из международных отношений с помощью военных авантюр.

Конечно, не все влиятельные люди в США думали и думают таким образом. Взгляды инакомыслящих к концу своего президентства стал все больше разделять Кеннеди. Эта группа политических деятелей, так же как и явные сторонники «холодной войны» и военных авантюр, отнюдь не в восторге от того, что принципы мирного сосуществования все прочнее утверждаются в международных отношениях. Они отлично понимают, что каждый следующий день, каждый новый год прибавляет сил социализму и убавляет силы капитализма. В одном, однако, эта группа довольно сильно отличается от первой. Входящие в нее деятели еще не утратили

надежды на то, что капитализму удастся изобрести волшебный «эликсир омоложения», который позволит ему еще длительное время тягаться с коммунизмом. Что ж, это, конечно, их дело. Вера, как известно, может быть и ошибочной. Интересно другое. Как правило, именно эти люди, верящие в пошатнувшиеся, но все еще кажущиеся им незыблемыми устои капитализма являются, как правило, более реалистическими политиками. Реалисты отдают себе отчет в том, что «переход за грань» приведет, как это и отмечал Кеннеди, к уничтожению США. К сожалению, далеко не все, кто окружал Кеннеди, придерживались такой точки зрения. Большинство требовало искать решение международных проблем на путях старой политики «с позиции силы». И на первых порах Кеннеди пошел на поводу даллесовской политики. Правда, при ее проведении Кеннеди чувствовал границы реального и старался за них не заходить. Его подход к международным проблемам и решениям накладывал на внешнюю политику США своеобразный отпечаток. Однако ее основа была старая, даллесовская, и понадобилось немало времени, чтобы она была хотя бы на короткое время поколеблена.

Прежний агрессивный дух проявился на примере кубинской авантюры весной 1961 года.

В течение определенного периода американская дипломатия и морская пехота, а вслед за ними американские монополии стремились превратить Латинскую Америку в вотчину США. Правящие американские круги уверили себя в том, что им это сделать удалось.

Основной целью в Латинской Америке Кеннеди, как и его предшественники в Белом доме, считал сохранение ее экономической, социальной и политической зависимости от США. Для достижения этой цели использовались все средства и методы.

Годы, непосредственно предшествовавшие приходу Кеннеди к власти, были, если говорить о Латинской Америке, плохими годами для американского империализма. Латиноамериканцы не хотели больше жить постарому. На континенте нарастал мощный вал освободительного движения. Затем победила народная революция на Кубе. Создавались партизанские отряды в Доминиканской Республике, Парагвае, Колумбии. В Перу крестьяне создали революционные крестьянские

профсоюзы. Сторонники самостоятельной политики усиливались в Бразилии.

Американские монополии серьезно беспокоила судьба своих латиноамериканских барышей. Взволновался и официальный Вашингтон. Латинская Америка на время стала самой неотложной текущей проблемой.

Вновь избранный президент с тревогой читал секретные донесения американских послов. Они твердили о том, что если США хотят сохранить Латинскую Америку как свою полуколонию, то надо действовать. Перед Кеннеди встал выбор, какой метод — кнута или пряника — избрать для того, чтобы события не вышли из-под контроля США. Он решил использовать и то и другое.

Куба больше всего волновала Кеннеди в первые дни президентства. Он понимал, что пример и мужество острова Свободы ослабляют позиции Соединенных Штатов в Латинской Америке. Там появилась действительно свободная от экономического и политического контроля США страна. В этой обстановке экстремистские круги все настойчивее требуют «решительных действий» в отношении революционной Кубы. Эти домогательства не остаются без внимания в правительстве.

Подготовка плана вторжения на Кубу была начата еще правительством Эйзенхауэра. Наиболее активную роль при этом играло Центральное разведывательное управление. От него не отставали и представители других ведомств: госдепартамента, Пентагона и в конечном счете Белого дома. Они периодически собирались, обсуждая, каким образом задушить кубинскую революцию. Постепенно в самых темных тайниках американского государственного аппарата созревал план вторжения на Кубу.

К этому плану американские правящие круги пришли не сразу. Вначале они носились с идеей организации на территории Кубы «партизанского движения». Оказалось, однако, что осуществить это попросту невозможно. Затем предполагалось для создания военного плацдарма на территории Кубы захватить остров Пинос. Но кубинский народ, зная об этих планах, превратил остров Пинос в крепость, взять которую наемники вряд ли могли рассчитывать. Тогда американские руководители решили, что необходимо организовать внезапное вторжение. Правительство Эйзенхауэра в начале

1960 года дало разрешение ЦРУ на его подготовку. В целях маскировки готовившейся операции Эйзенхауэр несколько раз заявлял, что у американского правительства «нет планов агрессии» против Кубы.

Осенью 1960 года, незадолго до президентских выборов в США, ЦРУ направило в Гватемалу секретные инструкции, смысл которых сводился к следующему: необходимо изменить характер подготовки проходивших там военное обучение контрреволюционных отрядов. Только 60 контрреволюционеров должны были продолжать готовиться для заброса в качестве агентов на территорию Кубы. Другим наемникам было приказано овладевать тактикой высадки на побережье.

Вторжение на Кубу готовилось скоропалительно. Костяк и основную массу формировавшихся банд наемников составляли бывшие батистовцы, бежавшие с Кубы от гнева народа. В начале ноября на базах контрреволюционеров в Гватемале появился американец по прозвищу Фрэнк. Его настоящего имени никто не знал. Известно было только то, что в прошлом он являлся полковником американской армии. Других американских инструкторов, проводивших военное обучение кубинских контрреволюционеров, звали Гордон, Пэт, Большой Джон, Сонни, Боб, Джим и т. д. На секретные базы прибывали американское вооружение и амуниция. На базе «Тракс» была построена электростанция. База в Реталуле превратилась в большой военный лагерь.

Продолжалась вербовка контрреволюционеров и их доставка в Гватемалу для военной подготовки. Группами по 40—50 человек «новобранцы» доставлялись самолетами из Флориды. На аэродроме их высаживали и немедленно увозили в горы. ЦРУ наращивало силы, чтобы отнять у кубинского народа завоеванную им свободу.

Знал ли Кеннеди о планах подготовки вторжения на Кубу до своего избрания на пост президента? По всей вероятности, да. Близкие в прошлом к Кеннеди люди утверждают, что он «в общих чертах» знал это, хотя и «не был информирован» о деталях. Впрочем, о планах подготовки контрреволюционных сил в Гватемале несколько раз сообщала американская печать. У Кеннеди была полная возможность доступными ему средствами проверить достоверность этой информации. Буквально

всем было ясно: идет усиленная подготовка агрессии на Кубу.

Можно поэтому почти не сомневаться в том, что Кеннеди взвешивал возможность осуществления США вторжения на Кубу перед выборами 1960 года. И он не мог не считаться с тем, что такая акция отрицательно повлияла бы на его избирательную кампанию.

Кеннеди был хорошо знаком с одним из тактических приемов буржуазных правящих партий, когда накануне всеобщих выборов они прибегают к сознательному обострению международной обстановки, с тем чтобы заставить колеблющихся избирателей «в грозный час» голосовать «за сохранение стабильности», т. е. за прежнее правительство. Подобного тактического удара Кеннеди вполне мог ожидать от Никсона.

Видимо, этим и объяснялся следующий шаг Кеннеди. 20 октября, в самый разгар предвыборной борьбы с Никсоном, Кеннеди выступает с важным, как заранее объявила его штаб-квартира, заявлением. «Мы должны,— потребовал он,— попытаться укрепить демократические силы... которые находятся в изгнании и на самой Кубе, с которыми связаны надежды на свержение Кастро. До сего времени эти борцы за свободу фактически не получали никакой поддержки от нашего правительства».

Рассказывают, что, когда Никсон услышал об этом заявлении Кеннеди, он пришел в ярость. Уж кому-кому, а ему, Никсону, были хорошо известны планы готовящегося вторжения на Кубу. Однако секретность, в которой проходила подготовка к вторжению, не позволила Никсону открыто парировать выпад Кеннеди. Более того, в интересах сохранения секретности плана вторжения Никсону пришлось заявить о том, что выступление Кеннеди «неправильно и безответственно».

Заявление, сделанное Кеннеди 20 октября, было с удовлетворением встречено руководителями ЦРУ. Зная о полной поддержке Никсоном плана вторжения на Кубу, они теперь считали, что и Кеннеди, если станет президентом, их также поддержит.

Президентские выборы остались позади. И уже 18 ноября 1960 года руководитель ЦРУ Аллен Даллес в сопровождении высокопоставленного сотрудника американской разведки Ричарда Биссела, в прошлом участ-

вовавшего в разработке «плана Маршалла», направленного на экономическое закабаление Европы, приехал в Палм-Бич (штат Флорида), где отдыхал Кеннеди. Здесь перед ним в деталях раскрывают план вооруженного вторжения на Кубу (кодовое название «план Плуто»).

Между тем уходившее в отставку правительство Эйзенхауэра продолжало подготавливать американское общественное мнение к кубинской авантюре. 3 января 1961 года правительство США объявляет о полном разрыве дипломатических отношений с Кубой. 20 января Кеннеди официально становится президентом. Через день Аллен Даллес и генерал Лемнитцер встречаются с Раском, Макнамарой и Робертом Кеннеди. Шесть дней спустя после этой встречи Джон Кеннеди собирает в Белом доме первое узкое совещание нового правительства, на котором обсуждаются планы вторжения.

Продолжалась военная подготовка контрреволюционеров в горах Гватемалы. Там создавались новые тренировочные лагеря. Кроме того, часть наемников получала подготовку на острове Вьекес, в Пуэрто-Рико, а также в США. Обучение этих отрядов проходило не без трудностей. В них то и дело вспыхивала грызня между враждующими группировками контрреволюционеров, боровшимися за дележ командных постов. Однажды дело дошло до того, что назначенный американцами военный руководитель бригады Сан Роман был вынужден объявить о том, что отказывается от командования. Однако волнения были быстро пресечены работниками ЦРУ. На базу «Тракс» прибыл американец по прозвищу Берни, который принял решительные меры. 12 человек из бригады были тут же арестованы и заключены в тюрьму. Недовольные прикусили язык.

Став перед необходимостью принимать решение, Кеннеди вдруг заколебался. Почувствовав это, руководитель ЦРУ Аллен Даллес стал настаивать на том, чтобы запланированная акция была осуществлена как можно скорее. Он знакомит Кеннеди с разведывательными данными о неуклонном укреплении позиций народного правительства на Кубе. Вместе с тем во всех донесениях ЦРУ высказывается убеждение, что вторжение будет успешным, если его предпринять «без дальнейших отлагательств». Опираясь на поддержку

военно-промышленного комплекса, ЦРУ требовало немедленного вторжения на Кубу. План вторжения направляют в Пентагон, а также председателю объединенной группы начальников штабов генералу Лемнитцеру. 3 февраля, ровно через месяц после разрыва дипломатических отношений США с Кубой, американская военщина официально заявила Кеннеди о своей поддержке разработанного ЦРУ плана и предсказала ему «полный успех».

Новая дата вторжения на Кубу была намечена на 1 марта. Но затем она была снова перенесена. Сомнения не оставляли Кеннеди, хотя он и подвергался энергичному давлению в пользу авантюры. Только с декабря 1960 года по 12 апреля 1961 года Кеннеди созывает более 12 секретных совещаний, на которых обсуждаются планы вторжения на Кубу. В конце концов он делает роковой шаг.

Нетрудно представить себе состояние, в котором Кеннеди находился весной 1961 года. Сбылась его мечта: он стал президентом США. Все только и говорят о провозглашенных им «новых рубежах». Зарубежная пресса широко комментирует его избрание. Закончено формирование правительства демократов. Со всех концов Кеннеди идут поздравления. Было от чего закружиться голове. В этой обстановке он и принимает зловещее решение, которое стало самым темным пятном его политической биографии. Кеннеди решается на кубинскую авантюру.

Рассеять последние сомнения Кеннеди взялся сам руководитель ЦРУ Аллен Даллес. Во время очередной беседы с Кеннеди он сказал ему буквально следующее: «Некоторое время тому назад я стоял здесь перед Эйзенхауэром и заявил ему, что уверен в том, что наша операция в Гватемале (т. е. свержение законного правительства президента Арбенса.— *А. Г.*) закончится успешно. Господин президент, перспективы настоящего плана даже лучше, чем они были для прежнего».

3 апреля госдепартамент опубликовал так называемую «белую книгу», в которой доказывалось, что кубинская революция будто бы навязана Кубе извне. Это было, конечно, ни на чем не основанное заявление. Но с его помощью, как вскоре стало вполне очевидно, американская реакция предприняла пропагандистское при-

крытие вторжения, представляя его некой «освободительной миссией».

4 апреля 1961 года Кеннеди созывает в государственном департаменте заседание Национального совета безопасности. За длинным столом расположились государственный секретарь США Дин Раск, министр обороны Роберт Макнамара, министр финансов Дуглас Диллон, помощник государственного секретаря по вопросам Латинской Америки Томас Манн, помощник министра обороны Поль Нитце, директор ЦРУ Аллен Даллес, его заместитель Ричард Биссел, председатель объединенной группы начальников штабов Лемнитцер и председатель сенатской комиссии по иностранным делам Уильям Фулбрайт. Присутствовали также три президентских советника по латиноамериканским делам: Адольф Берли, Ричард Гудвин и Артур Шлезингер.

Заседание проходило в нервозной обстановке. Первым выступил Ричард Биссел, непосредственно отвечавший за подготовку плана вторжения на Кубу. Биссел был тем человеком, который в свое время отвечал за шпионский полет самолета У-2 над территорией Советского Союза. Все понимали, что Биссел будет излагать доводы Аллена Даллеса.

«Положение на Кубе,— заявил Биссел,— созрело для восстания». Бригаде, продолжал он, будет легко удержать территорию, как только она высадится. Военные самолеты смогут контролировать воздушное пространство над местом высадки, действуя с захваченного недалеко от залива Кочинос аэродрома. Что касается авиации народной Кубы, то она, обещал американский разведчик, будет сразу же уничтожена с воздуха. Биссел также заявил, что если основной план вторжения потерпит неудачу, то вступит в силу дополнительный план, согласно которому контрреволюционеры смогут отступить в горы Эскамбрай.

Биссел закончил. Наступило молчание. Затем слово взял Даллес. Он заявил, что с Кубой будет покончить легче, чем с Гватемалой, и потребовал согласия на осуществление плана.

Кеннеди слушал Биссела и Даллеса с напряженным вниманием. Как утверждают американские источники, никто из присутствовавших не рискнул возразить против операции.

Среди влиятельных американских политических деятелей, поставленных Кеннеди в известность о плане вторжения, лишь один сенатор Фулбрайт вначале выражал президенту сомнение в целесообразности осуществления предложенного ЦРУ плана. Фулбрайт, очевидно, беспокоился о престиже США, не ставя под сомнение возможность военного успеха. Других «моральный аспект» вообще не интересовал. И даже Фулбрайт в конце совещания подошел к Кеннеди и сказал ему, что склоняется «больше в пользу операции, чем против».

В целях маскировки плана вторжения на Кубу 12 апреля 1961 года Кеннеди выступил на пресс-конференции. Какой контраст являла эта пресс-конференция с великим событием, происшедшим тогда же! В этот день впервые космический корабль с человеком на борту был выведен на околоземную орбиту и благополучно возвращен обратно на Землю. Этим героем стал советский гражданин Юрий Алексеевич Гагарин. Глубокое восхищение научно-техническим подвигом Страны Советов охватило народы.

Вашингтон же в это время был занят осуществлением своих темных планов. Кеннеди прежде всего заявил, что вооруженные силы США не будут вторгаться на Кубу. Он подчеркнул: «Прежде всего я хочу сказать, что вооруженные силы США не вторгнутся на Кубу ни при каких условиях. Нынешнее правительство сделает все, что в его силах — а я считаю, что оно может справиться со своими обязанностями,— чтобы *ни один американец* (подчеркнуто мною.— *А. Г.*) не был замешан в каких-либо действиях на Кубе».

Как показали дальнейшие события, заявление Кеннеди не соответствовало действительности. В операции в заливе Кочинос американцы, в том числе летчики, принимали самое непосредственное участие. Несколько бомбардировщиков В-26, действовавших в период вторжения с аэродрома, расположенного в Никарагуа, пилотировали американцы из ЦРУ. Один из них, например, называл себя Сейгом Симпсоном. Вместе с тем Кеннеди не рискнул бросить против народной Кубы американскую морскую пехоту, хотя ее и держали наготове.

Накануне вторжения сил контрреволюционеров на Кубу Кеннеди позвонил представителю по вопросам

печати Белого дома Пьеру Селинджеру и, как тот впоследствии вспоминал, мрачно сказал: «У вас могут быть запросы прессы о военных действиях в районе Карибского моря. Если запросы будут, отвечайте, что вам известно только то, о чем пишут газеты».

Для того чтобы уничтожить кубинскую авиацию, разрушить аэродромы и посеять панику среди населения, ЦРУ и Пентагон решили с помощью контрреволюционеров организовать воздушный налет на Кубу. Для этого ЦРУ предоставило в их распоряжение американские бомбардировщики В-26. Налет намечалось осуществить с аэродрома в Никарагуа. Американская пропаганда должна была выдать этот разбойничий налет за действия «восставших кубинских летчиков».

...14 апреля 1961 года в Никарагуа стояла прекрасная солнечная погода. Однако она не радовала 35-летнего кубинского контрреволюционера Марио Суннгу. Для него в этот день время на аэродроме Пуэрто-Кабесас тянулось медленно. Он нервничал. Суниге предстояло выполнить особо важное задание ЦРУ.

Наконец жара начала спадать. Вскоре сухую землю, как всегда неожиданно в этих краях, окутал мрак. Внезапно тишину душной тропической ночи разорвала пулеметная очередь. Стреляли на самом аэродроме. Вслед за этим натужно взревели моторы восьми бомбардировщиков В-26, и вскоре они один за другим поднялись в воздух и взяли курс на Кубу. На хвостовом оперении каждого из них отчетливо виднелись знаки отличия ВВС народной Кубы. На некоторых из самолетов были заметны (в безопасных местах) следы пулевых пробоин. По мнению ЦРУ, эти пробоины должны были служить доказательством огня по самолетам зенитной артиллерии и пулеметов, даже если бы такового не последовало и самолеты по тем или иным обстоятельствам не смогли совершить налет на Кубу. Этого требовал план фальсификаторов из Вашингтона.

В 6 часов утра 15 апреля три группы бомбардировщиков ЦРУ вторглись в воздушное пространство Кубы и атаковали Гавану, Сан-Антонио-де-лос-Баньос и Сантьяго-де-Куба. Ими были сброшены бомбы большой разрушительной силы и произведен обстрел мирного населения из пулеметов. Агрессоры попытались уничтожить авиацию народной Кубы на земле.

А что делал в это время президент? Кеннеди предпочел уединиться в своем поместье Глен-Ора в штате Вирджиния. Он отдыхал, а тем временем по его приказу на Кубу сбрасывались бомбы.

...В 8 часов утра контрольный диспетчерский пункт аэропорта Майами принял «сигнал бедствия». «Неопознанный самолет» просил разрешения на посадку. Она была дана, и уже в 9 часов утра Сунига и другие летчики-контрреволюционеры поведали миру неуклюжую версию о том, что они-де «летчики кубинской армии», совершившие «побег с Кубы». Американская пропагандистская машина заработала на полную мощь.

Вскоре американцы с любопытством рассматривали помещенные в газетах фотоснимки самолетов, на хвостовом оперении у которых стояли опознавательные знаки военно-воздушных сил народной Кубы. Этими же снимками потрясал в ООН американский представитель Стивенсон, обрадованный неожиданным «сенсационным подарком». Он твердил об отсутствии поддержки народа у «режима на Кубе».

Однако бить в литавры было слишком рано.

Авантюра ЦРУ с самого начала оказалась разоблаченной. «По простоте душевной» некоторые американские журналисты стали добиваться от местных властей фамилий «сбежавших летчиков». Однако не тут-то было. Представители властей словно воды в рот набрали. Вскоре стало совершенно ясно, что вся грубо скроенная пропагандистская версия ЦРУ расползается по швам.

Надо сказать, что Кеннеди и его советники, а тем более введенный в заблуждение своим же правительством Стивенсон не предполагали такого поворота событий. Зато успокоился Биссел. Для него разоблачения вздорности легенды о «бежавших летчиках» имели второстепенное значение. Главным был сам факт «успешной», как считал Биссел, бомбардировки контрреволюционерами кубинских аэродромов. Он предвкушал уничтожение авиации народной Кубы. Это, по его мнению, обеспечивало и победу в заливе Кочинос. Вот почему Биссел в понедельник запланировал второй налет бомбардировщиков В-26 на кубинские аэродромы. Этому повторному полету, однако, не суждено было сбыться.

Опасаясь полного разоблачения предпринятой им авантюры, Кеннеди в воскресенье вечером вызвал к себе помощника по делам национальной безопасности М. Банди и дал ему указание срочно связаться с Бисселом и отменить второй налет бомбардировщиков ЦРУ на Кубу. Когда Банди сообщил Бисселу о решении президента, того бросило в дрожь. Он кинулся за помощью к государственному секретарю Дину Раску. Раск внимательно выслушал Биссела и после минутного колебания позвонил Кеннеди. Президент подтвердил свой приказ отменить повторный налет. По его мнению, момент внезапности уже прошел и ничего, кроме неприятностей, такой налет не даст. Раску нечего было возразить.

Несмотря на первую заминку, Кеннеди не отменил вторжения в целом, и события развивались своим чередом. Флот контрреволюционеров стоял наготове.

Поздно вечером 14 апреля корабли контрреволюционеров готовились к отплытию из никарагуанского порта Пуэрто-Кабесас. Перед самым сигналом к отправлению на пирсе появился в сопровождении личной охраны диктатор Никарагуа Луис Сомоса. Приветствуя наемников, он выкрикивал всякого рода непристойности. Под его хриплые возгласы корабли контрреволюционеров отчалили от пирса. Через двое суток флот вторжения приближался к заливу Кочинос.

Флот вторжения состоял из судов «Хьюстон», «Лейк-Чарльз», «Рио-Эскондидо», «Кариде», «Атлантико» и двух десантных барж. Его эскортировали два американских миноносца. В операции принимали участие и другие суда военно-морского флота США. По приказу американского адмирала Бэрка у берегов Кубы еще с начала апреля рыскали военные корабли Атлантического флота. На них в полной боевой готовности находился батальон американской морской пехоты. ЦРУ и Пентагон, таким образом, подготовили все для того, чтобы в случае необходимости непосредственно поддержать контрреволюционеров.

Наступало утро 17 апреля. Чем ближе надвигался час вторжения на Кубу, тем больше сомнений в отношении осуществимости плана, подготовленного ЦРУ, появляется у Кеннеди. Он снова повторяет приказ: американские военные корабли должны оставаться

за пределами 20-мильной зоны от места высадки десанта. Тут же следует новое указание: в районе высадки не должно быть американских подводных лодок. И наконец, Кеннеди, не надеясь на предыдущие указания, приказывает: военно-морские силы США не должны принимать участия в самом вторжении. Это вызвало сильное недовольство в ЦРУ и Пентагоне. Там, однако, считали, что если операции будет угрожать полный провал, то Кеннеди изменит свое последнее решение и позволит американской морской пехоте поддержать контрреволюционеров.

В 5 часов утра 17 апреля наемники высадились на Кубе. С этого момента Кеннеди преследовала одна мысль — судьба вторжения. Как вспоминал потом Селинджер, Кеннеди 17 и 18 апреля вызывал его по крайней мере сто раз, требуя самой последней информации. А она для зачинщиков авантюры час от часу становилась все более неутешительной. Войска интервентов встретили мощный отпор революционной Кубы, они терпели сокрушительное поражение. К вечеру 18 апреля стало ясно, что полный разгром 1400 наемников близок. Авиация народной Кубы потопила два корабля контрреволюционеров с боеприпасами. Интервенты оказались прижатыми к морю или загнанными в болота. А когда к месту вторжения прибыли регулярные части вооруженных сил Кубы, оснащенные современной военной техникой, участь наемников была решена.

18 апреля в Белом доме состоялся пышный традиционный прием для членов конгресса США и их семей. По традиции бал открывали хозяева Белого дома супруги Кеннеди. Им принадлежало право первого танца. Приближалось время вечернего приема. Находившийся в полной растерянности Кеннеди не желал о нем слышать. Он метался по своему кабинету в Белом доме, отмахиваясь от напоминаний, что бал должен вот-вот начаться и пора надеть смокинг. Буквально за несколько минут до начала бала помощникам Кеннеди удалось уговорить его переодеться и выйти к гостям.

В залах президентского особняка было душно. Шампанское и пунш лились рекой. Оркестр играл бравурные марши. Всем было очень весело. Улыбался и Кеннеди. Однако в душе он испытывал острую тревогу. Незадолго до полуночи президент незаметно удалился.

В специальном помещении Белого дома Кеннеди уже ожидали подавленные Раск, Макнамара, Даллес, Биссел, а также Лемнитцер и другие военные. Никто из них уже не сомневался в том, что вторжение обречено на катастрофу. Показной оптимизм выразил лишь Биссел. Он настойчиво внушал Кеннеди, что операцию еще можно спасти от провала, если только президент разрешит применить американские вооруженные силы, в первую очередь авиацию с авианосца «Эссекс».

Биссела поддержал адмирал Бэрк. Он попросил разрешения высадить на Кубе десант американской морской пехоты, а также дать команду американским миноносцам оказать контрреволюционерам поддержку огнем своих орудий. Председатель объединенной группы начальников штабов генерал Лемнитцер и начальник штаба ВВС США генерал Уайт добивались, чтобы президент разрешил действия американских военных реактивных самолетов над участком высадки контрреволюционеров. Требования Бэрка Кеннеди отклонил, но военные и Даллес стояли на своем. Совещание затянулось до четырех часов утра, и в конце концов Кеннеди уступил. Он дал согласие на участие американских военных самолетов во вторжении на Кубу. Так президент Кеннеди еще раз нарушил свое обещание, данное им на пресс-конференции 12 апреля. И только благодаря случайному стечению обстоятельств американская авиация не вступила утром 19 апреля в бой с авиацией народной Кубы. А произошло следующее.

Согласно циничному плану американской военщины было решено использовать американские реактивные самолеты без опознавательных знаков для прикрытия пилотируемых кубинскими контрреволюционерами и агентами ЦРУ самолетов В-26. Последние должны были 19 апреля атаковать защитников народной Кубы, сжимавших кольцо вокруг интервентов. Американской авиации отдали приказ при появлении самолетов контрреволюционеров прикрыть их от ударов авиации Кубы. Расчет был на то, что, как только кубинские самолеты откроют огонь по бомбардировщикам В-26, американская авиация получит предлог для нападения на авиацию народной Кубы.

Однако судьба посмеялась над рыцарями политики «плаща и кинжала». Бэрк и Биссел направили соответ-

ствующие директивы в свои ведомства, но указали в них разное время по часовым поясам, не согласовав его между собой. В результате бомбардировщики В-26 и военные американские истребители с авианосца «Эссекс» разминулись. Утром 19 апреля над Кубой было сбито еще четыре самолета кубинских контрреволюционеров. Среди погибших оказались четыре американца. Ими были Шамбургер, Грэй, Рей и Бейкер. Пятый — Джо предпочел не входить на своем самолете в район залива Кочинос и повернул обратно.

Кеннеди собирает еще несколько экстренных совещаний, но делает это скорее по инерции, чем в надежде, что на них можно будет найти выход из положения. Он срочно вызывает в Белый дом своего брата Роберта, но и у последнего нет ответа на то, что делать.

Военные снова потребовали высадить на Кубе морскую пехоту. Политики предлагали призвать на помощь войска государств — членов ОАГ. Наиболее упрямые головы хотели немедленно начать готовить для повторной высадки еще более мощный десант контрреволюционеров. Ни с одним из этих предложений Кеннеди не согласился.

Впоследствии обстоятельства гибели граждан США в военных действиях против народной Кубы долгое время скрывались американскими властями. Тщетно пытались жены и матери «пропавших без вести» узнать что-либо об их судьбе. Напрасно направляли они письма о судьбе своих мужей и сыновей в ЦРУ и Белый дом. Родственников погибших уверяли в том, что о судьбе «пропавших» американцев ничего не известно. Даже почти через два года после интервенции, 21 января 1963 года, министр юстиции Роберт Кеннеди заявил представителям печати, что ни один американец не погиб в заливе Кочинос. Однако через месяц после этого выступления история о погибших американцах все же всплыла на поверхность.

25 февраля 1963 года республиканский сенатор Дирксен заявил, что в заливе Кочинос погибли четыре американских летчика. Мотивы «откровений» Дирксена были вполне ясны. Приближались президентские выборы 1964 года, и республиканцы стремились к снижению престижа президента.

Кеннеди был вынужден признать участие американцев в военных действиях против Кубы. Выступая 6 марта 1963 года на пресс-конференции, он объявил, что четыре американца действительно погибли, но характер их службы не позволяет открыто сообщить об обстоятельствах их гибели.

О том, что агрессия на Плайя-Хирон была с начала и до конца операцией правительства США, впоследствии уже без всяких оговорок признал ближайший советник Кеннеди Соренсен. В своих воспоминаниях о Кеннеди он отметил, что десант наемников был «организован, подготовлен, вооружен, доставлен до места высадки и руководим Центральным разведывательным управлением США». Соренсен признает ответственность ЦРУ за операцию. Он недоговаривает «самую малость» — операцией руководило не только ЦРУ, но практически ею занималась вся военная и политическая верхушка правительства США, включая президента.

После неудавшейся авантюры Кеннеди был ошеломлен. «Еще один такой провал,— горестно восклицал он,— и моя карьера окончена». Позднее Кеннеди признал, что, как он ожидал, за провал интервенции против Кубы «ему оторвут голову». Уже через несколько дней после разгрома интервентов на Плайя-Хирон Кеннеди жаловался адвокату Клиффорду, что советники дают ему плохие советы. Селинджеру он заявил: «Как могла вся эта толпа из ЦРУ и Пентагона так ошибиться».

Особенно зол был Кеннеди на Аллена Даллеса. Об этом можно судить хотя бы по тому, что сразу же после провала авантюры против Кубы президент предлагает своему брату Роберту занять пост руководителя ЦРУ, но затем оба они, посоветовавшись, решают, что это нецелесообразно. Кеннеди вызывает к себе вице-президента Джонсона и в разговоре с ним резко критикует Даллеса и Биссела. Кеннеди и Джонсон, однако, приходят к выводу, что для их правительства было бы невыгодно увольнять Даллеса немедленно. Пока он находится во главе ЦРУ, сказал президент, республиканцы будут лишены возможности слишком резко критиковать нас за провал. Джонсон согласился с этим доводом Кеннеди.

Стремясь снять с себя хотя бы часть ответственности за провалившуюся агрессию против кубинского народа, Кеннеди поручает генералу Максуэллу Тэйлору провести тщательное расследование причин провала вторжения. Наряду с этим он дает указание полностью засекретить все материалы, отражающие подготовку к агрессии. Правда была слишком неприглядной, чтобы доверить ее даже американским политическим обозревателям.

Вместе с тем Кеннеди все еще не оставляет мысли «отыграться» после поражения. Он организует целую серию встреч с ведущими политическими деятелями, в первую очередь из числа республиканцев. Кеннеди встречается и беседует с бывшим президентом Эйзенхауэром, Р. Никсоном, сенатором Б. Голдуотером, губернатором Н. Рокфеллером. Это была своеобразная консультация с политической верхушкой, имевшая целью смягчение критики в адрес президента с ее стороны. На некоторое время тактика Кеннеди дала желаемый результат. Конец апреля прошел сравнительно спокойно, но в мае критика президента вспыхнула с новой силой. В основном она сводилась к следующему: Кеннеди не хватает опыта и решительности.

Что же касается крайне правых, возглавляемых Голдуотером, то их представители обвиняли Кеннеди в том, что он не решился бросить против кубинского народа американские войска и тем самым обрек операцию на провал. Не оградила Кеннеди от нападок справа и пресс-конференция, которую он дал 20 апреля. На этой пресс-конференции Кеннеди, по сути дела, заявил, что правительство США не оставило своих замыслов в отношении Кубы. «Мы намерены,— говорил он,— и впредь прилагать энергичные усилия в борьбе гораздо более сложной, чем война». Тем самым Кеннеди давал понять реакционным кругам США, что он как президент намерен лишь пересмотреть тактику, но добиваться прежних целей.

Конец апреля и первая половина мая были для Кеннеди самыми неприятными днями его политической карьеры. Он стал крайне раздражительным, замкнулся в себе и даже, как утверждают, подумывал об уходе с поста президента. Однажды вечером, сидя в кругу своих знакомых, Кеннеди, к всеобщему удивлению,

вдруг сказал: «Я передам эту проклятую работу Линдону». Никто, конечно, не воспринял эту фразу всерьез. Но мысли о том, что президентская ноша оказалась для него слишком тяжелой, не покидают Кеннеди. К тому же он считает, что многие влиятельные политики определенно хотят его падения. «Что действительно задевает меня за живое,— говорил Кеннеди,— так это то, что все эти люди хотят, чтобы я провалился». В тот период, как отмечают видные американские политические обозреватели, было похоже, что Кеннеди «утрачивал контроль над громадной правительственной машиной».

Фиаско сил империализма и контрреволюции в заливе Кочинос заставило Кеннеди в дальнейшем более гибко и осмотрительно осуществлять свою внешнюю политику. Слишком уж велики были политические минусы столь бесславных провалов для престижа США за рубежом.

Еще один такой скандальный провал, рассуждал Кеннеди, и в умах европейцев и азиатов, африканцев и латиноамериканцев он предстанет не как глава самого мощного капиталистического государства, а как неопытный капитан самого большого империалистического корабля, который то и дело садится на мель. Того и гляди, над ним начнут посмеиваться и коллеги...

Даже канцлер Аденауэр в беседе с Д. Ачесоном язвительно заметил: «Ввиду того что бог ограничил способность человека соображать, очевидно, несправедливо, что он также не ограничил пределы тупости». Западногерманская газета «Франкфуртер нойе прессе» писала: «Можно считать, что Кеннеди потерпел политическое и моральное поражение». А итальянская «Корьерре делла сера» пришла к выводу, что «американский престиж упал ниже, чем за все восемь лет президентства Эйзенхауэра».

ПОСЛЕ УГАРА

Провал кубинской авантюры не прошел для Кеннеди бесследно. Недаром он так боялся его последствий. За внешним фасадом сдержанности, которую демонстрировали по отношению к Кеннеди его политические коллеги и соперники, скрывалось пренебрежение к его

способностям. От Кеннеди ожидали блестящего успеха, а он преподнес правящим кругам США в качестве своего «первого подарка» скандальный провал. Было над чем призадуматься тем, кто оказывал решающее влияние на определение внешнеполитического курса США.

Что касается существа кубинской авантюры и того несомненного факта, что она была, по сути дела, задумана и наполовину подготовлена прежним республиканским правительством, то об этом постарались если не забыть, то уже во всяком случае не вспоминать. Главная вина за провал была негласно возложена на Кеннеди, и он это отлично чувствовал.

США напоминали потревоженный муравейник. Видные деятели демократической партии в частных беседах заявляли: «Теперь мы будем следить за ним более пристально... мы снова оценим его». Многие демократы испытывали недовольство Кеннеди, а кое-кто из них уже готовился сказать: «Я вас предупреждал...» — намекая тем самым на сравнительную молодость и отсутствие достаточного опыта у президента. Даже наиболее рьяные сторонники Кеннеди оказались на время выбитыми из седла.

Республиканцы откровенно торжествовали, подчеркивая, что бывший президент Эйзенхауэр был не так уж плох. «Верните нам Айка»,— воскликнул на одной из встреч редактор влиятельной американской газеты.

Кеннеди нужен был какой-то эффектный успех, чтобы заставить замолчать недовольных. Вскоре такой повод представился.

Утром 5 мая 1961 года Кеннеди собирает Национальный совет безопасности. Обсуждаются важные международные дела. Но не ими заняты мысли президента. Они постоянно возвращаются к тому, что происходит на мысе Канаверал. А в это время там заканчивались последние приготовления к запуску ракеты «Атлас» с космонавтом Аланом Шепардом на борту. Медленно тянутся последние минуты перед стартом.

«До старта осталось пять минут»,— взволнованно сообщает секретарша, вбежав в зал, где находились члены Национального совета безопасности. Все поспешили в помещение, где на голубом экране телевизора проступали очертания ракеты «Атлас». Кеннеди все время молчал. Все ждали старта. И вот «Атлас» окутался ды-

мом и стал как бы нехотя подниматься над землей, поддерживаемый упругими языками бьющего из-под него пламени. Вскоре ракета, набрав высоту, исчезла. Напряженное ожидание, и вот уже Кеннеди доложили: «Астронавт подобран вертолетом. По словам пилота, он чувствует себя нормально...» Кеннеди облегченно вздохнул и впервые за весь этот день улыбнулся. «Это успех»,— сказал он.

Да, это был успех не только для американской науки, но и для президента. Его критики на время прикусили язык. Америка получила своего героя. Приветствовать Шепарда на улицы американской столицы вышло больше людей, чем во время инаугурации самого Кеннеди. На ступеньках конгресса США, разгоняя не в меру ретивых фоторепортеров, метался сам спикер палаты представителей Сэм Рейберн. «Дорогу герою и его жене!» — кричал он. Казалось, на время все забыли о Кеннеди, об авантюре против Кубы и обо всем остальном. Америка ликовала. И хотя «космическим полетом» достижение Шепарда вряд ли можно было назвать, так как оно скорее напоминало космический прыжок (Алан находился в космосе немногим более десяти минут), тем не менее Шепарду после его возвращения на Землю устроили триумфальную встречу. Космонавт ее, конечно, заслужил.

«НАМ ПРИХОДИТСЯ ТУГО»

Весной 1961 года ведущие американские политические деятели оценивали международную обстановку как чрезвычайно неблагоприятную для США. Брат президента Роберт Кеннеди довольно образно охарактеризовал эти настроения: «Мы лишь пытаемся держать голову над поверхностью воды... нам приходится туго». И действительно, в Азии, Африке и Латинской Америке престиж и влияние США падали. Западная Европа стала все чаще ставить под сомнение основы европейской политики США. И, наконец, что самое главное, все более важную роль в международных делах стали играть социалистические страны.

Несколько оправившись от кубинского шока, Кеннеди приходит к выводу, что он слишком полагался на

мнения различного рода экспертов и специалистов. Не отказываясь и впредь от их услуг, Кеннеди решает сам разобраться в запутанном лабиринте международных проблем. Он требует подготовить для него специальные досье фактов по наиболее важным международным проблемам.

Кеннеди также принимает решение о встречах с ведущими лидерами стран Западной Европы — де Голлем и Макмилланом. Значительный интерес он проявляет и к возможности встречи с главой Советского правительства. Правительство СССР, руководствуясь принципами мирного сосуществования и необходимостью разрядки международной напряженности, поддержало идею о встрече советских представителей с новым американским президентом. Последующие переговоры, однако, показали, что весной и летом 1961 года Кеннеди еще не удалось хотя бы в малейшей степени высвободиться из плена догм «холодной войны». Особенно это было заметно на его подходе к европейским проблемам.

Кеннеди собирался в Европу. Если не считать кратковременного визита в Канаду, это была его первая важная попытка действовать с помощью «личной дипломатии». Президент усиленно готовился к поездке, считая, что ему крайне необходимо продемонстрировать не только свою «уравновешенность», но и «твердость».

Заметим, что поездка в Канаду имела для Кеннеди неожиданные неприятные последствия. Во время посадки перед зданием канадского правительства в Оттаве молодого дубка, который по замыслу устроителей церемонии должен был увековечить память о визите президента в Оттаву, Кеннеди неловким движением серебряной лопаты, которой он забрасывал яму землей, вызвал сильную боль в спине. Старый недуг вновь вернулся. С этих пор тупая ноющая боль долгое время не покидала президента.

Перед поездкой в Европу Кеннеди резко сократил число своих официальных встреч и бесед, не имевших отношения к европейским делам. Вместе с тем в Белом доме состоялась целая серия его встреч с людьми, которые, как казалось Кеннеди, могли снабдить его полезной информацией. Кеннеди беседует со своим недавним соперником сенатором Хэмфри, с журналистами Липпманом и Рестоном, бывшими послами в Москве

А. Гарриманом, Д. Кеннаном, Ч. Боленом, бывшим государственным секретарем Дином Ачесоном, представителем США на переговорах по запрещению ядерных испытаний Артуром Дином и многими другими. Кеннеди интересуется их мнением о советской внешней политике, о де Голле и Макмиллане. Перечитывает мемуары де Голля. Изучает десятки докладных записок. Постепенно начинал вырисовываться стратегический план европейской поездки Кеннеди, в которой основное место отводилось встречам в Вене и Париже.

Встречи американского президента с главой Советского правительства случаются не часто. Естественно, что они вызывают во всем мире большой интерес и питают надежды народов на ослабление международной напряженности. Понимал ли это Кеннеди? Судя по всему, да. Сделал ли он, однако, хотя бы минимум для того, чтобы его поездка в Европу, в том числе и встречи в Вене, были плодотворными для дела мира? Нет, не сделал, если не считать продиктованного обстоятельствами решения не подливать масла в огонь в Лаосе.

В чем же тут было дело? Ответ на этот вопрос помогают полнее уяснить опубликованные новые материалы о настроениях Кеннеди накануне поездки в Европу.

Прежде всего Кеннеди считал, что встреча в Вене ни в коем случае не должна быть встречей в верхах, переговорами глав двух правительств. Свою главную задачу он видел не в достижении конкретных результатов по каким-либо актуальным международным проблемам, а всего лишь в том, чтобы установить непосредственный контакт с главой Советского правительства. Это обстоятельство Кеннеди не раз отмечал в беседах со своими помощниками. Когда же он был настроен еще более откровенно, то основную цель встречи в Вене пояснял следующим образом: Советам необходимо дать понять, что действия американского правительства в Лаосе и против Кубы вовсе не объясняются его, Кеннеди, слабостью. Словом, Кеннеди не терпелось продемонстрировать Советскому Союзу политику «с позиции силы». Он стремился успокоить своих критиков в США, не одобрявших его решения о встрече в Вене. Таким образом, Кеннеди ехал в Вену настроенный не на плодотворные переговоры, а на то, чтобы устроить там некую «демонстрацию силы США». Подобный подход к важной

встрече не мог не наложить отрицательный отпечаток как на подготовку к ней, так и на ее результаты.

Готовясь к встрече в Вене, Кеннеди имел и другие соображения, причем весьма мрачного свойства. Дело в том, что с приходом Кеннеди к власти американская военщина с новой силой стала требовать проведения очередного тура испытаний ядерного оружия. Кеннеди поначалу противостоял этому нажиму. Он, например, заявлял: «Мы проведем испытания, затем они проведут испытания, и мы снова должны будем их проводить». Очевидно, ему не хотелось начинать свое президентство со столь непопулярного в глазах народов шага. Ведь всему миру было известно, что не кто иной, как США положили начало ядерным испытаниям, произведя их куда больше, чем Советский Союз. В этих условиях Кеннеди не хотел торопиться с новыми испытаниями. Но в конце концов он дал понять Пентагону, что вернется к решению вопроса о возобновлении ядерных испытаний после встречи в Вене. Исход же этой встречи ввиду целей, поставленных Кеннеди, предугадать было нетрудно. Вопрос о возобновлении США ядерных испытаний был, по существу, предрешен.

В дополнение ко всему буквально накануне визита Кеннеди в Европу правительство США предприняло шаг, свидетельствовавший о том, что в Вашингтоне серьезно и не помышляли о разрядке международной напряженности. 25 мая Кеннеди выступил в конгрессе США с посланием к стране.

Американский народ вновь услышал старую пропагандистскую пластинку. Кеннеди требовал новых военных ассигнований для того, чтобы США могли играть роль лидера «защиты свободы». К самому раздутому военному бюджету, когда-либо существовавшему в мирное время, были добавлены еще 2 млрд. долл.— на производство новых видов вооружения и подготовку диверсионных отрядов для борьбы с национально-освободительным движением, на военную «помощь» иностранным государствам и строительство в США атомных бомбоубежищ, а также на расширение пропагандистских радиопередач «Голоса Америки». Это была открытая заявка на дальнейшее обострение международной напряженности. «По моему мнению,— заявил в конгрессе президент,— в жизни нашей страны и судьбе

свободы на всем земном шаре наступают самые серьезные времена». За этой высокопарной фразой скрывалась неприглядная истина. Накануне встречи в Вене правительство США довольно открыто демонстрировало свое нежелание покончить с «холодной войной».

29 мая 1961 года Кеннеди исполнилось 44 года. Накануне Национальным комитетом демократической партии в его честь был устроен грандиозный ужин. Более скромно отпраздновали день рождения Кеннеди в семейном кругу. Празднество было омрачено тем, что боль в спине давала о себе знать все сильнее. Позволив себе небольшой отдых, Кеннеди в домашней обстановке снова встал на костыли, чтобы хоть немного дать отдохнуть спине. До начала официального визита в Европу оставались считанные часы.

ВСТРЕЧА В ПАРИЖЕ

30 мая 1961 года самолет президента США, после семичасового перелета через Атлантику, приземлился в аэропорту Орли. Французским правительством Кеннеди была оказана торжественная встреча. Республиканские гвардейцы с саблями наголо, в позолоченных шлемах и высоких, до блеска начищенных сапогах выстроились по обе стороны трапа президентского самолета. Встретить высокопоставленного гостя приехали президент де Голль и члены французского правительства.

И вот Кеннеди на европейской земле. Выступая на аэродроме с небольшой речью, он говорит, что «приехал из Америки, дочери Европы, во Францию, которая является самым старым другом Америки». Встречающие внимательно слушают президента. После окончания официальной церемонии встречи колонна черных ситроенов направилась в Париж, на Кэ д'Орсэ, где находилась отведенная для Кеннеди резиденция. Конные гвардейцы и 50 полицейских на мотоциклах придавали кортежу внушительный и торжественный вид. Вот и Париж. Прогремел салют из 101 орудия. Люди на улицах с интересом разглядывают приветствующего их американского президента.

В своей резиденции Кеннеди немедленно направился в обитую голубым и серым шелком спальню, где

когда-то почивал Людовик XVI. Первым делом необходимо принять ванну для того, чтобы унять боль в спине. Нужно также выслушать сообщение своего помощника Т. Соренсена, которого Кеннеди направил в Париж на разведку за несколько дней до своего приезда для того, чтобы тот рассказал ему последние новости из жизни французской столицы, помог понять, чем дышит Франция. Впрочем, и без информации Соренсена Кеннеди было ясно, что во время переговоров с президентом Франции его ожидает немало сюрпризов.

Переговоры Кеннеди с де Голлем состоялись в Елисейском дворце. Стремясь с самого начала найти общий язык с президентом Франции, Кеннеди в первую очередь поднял вопрос о положении в центре Европы и о Западном Берлине.

Кеннеди хорошо знал, что французское правительство, войска которого, так же как американские и английские войска, находились в Западном Берлине, не было согласно с советскими предложениями по нормализации положения в Центральной Европе. Дальновидность предложений Советского Союза, их миролюбивый характер не хотели понять в английских и французских официальных кругах. А ведь претворение в жизнь советских предложений, по сути дела, означало бы оздоровление положения на немецкой земле, ликвидацию на ней иностранной оккупации, признание существования двух германских государств и закрепление границ между ними и их соседями. И наконец, международные гарантии статуса Западного Берлина как самостоятельной административно-политической единицы положили бы конец реваншистским устремлениям Бонна, заявляющего без всяких на то оснований, что Западный Берлин является частью территории ФРГ.

Ликвидация последствий второй мировой войны в Европе и закрепление германским мирным договором сложившихся на ее территории границ оказали бы самое благотворное влияние на оздоровление международного положения. Но на Западе именно этого не понимали или не хотели понимать. Все это учитывал Кеннеди, когда охарактеризовал советские предложения по заключению германского мирного договора как «угрозу» Западу. США и союзники, заявил Кеннеди, должны, если это будет необходимо, пойти на риск ядерной

войны из-за Западного Берлина. Де Голль со своей стороны сказал Кеннеди, что, по его мнению, Россия не хочет войны, но что Западу надо проводить твердую линию, защищая свои интересы. Казалось, контакт и понимание между Кеннеди и де Голлем установились. На этой приятной для американского президента ноте закончилась первая часть переговоров.

Затем состоялся обед, на котором помимо де Голля и Кеннеди присутствовали французские официальные лица и основные американские советники: Соренсен, О'Доннел, Селинджер и др. Французская кухня, после однообразного меню столовой Белого дома, произвела большое впечатление на американцев.

Когда французский и американский президенты возвратились для переговоров в салон Доре́, было решено обсудить проблему Лаоса. Совет де Голля был для Кеннеди совершенно ясен. США не следует пытаться решить лаосскую проблему путем военного вмешательства. Они могут рассчитывать лишь на дипломатическую поддержку со стороны Франции, но не более. Что же касается участия французских солдат в военных действиях в Лаосе, то это вообще исключается. Наиболее разумный курс, советовал де Голль, состоял бы в согласии американцев на формирование в Лаосе коалиционного правительства, которое придерживалось бы нейтралистского курса. Таким образом, Франция недвусмысленно отказывала США в поддержке их авантюристической политики в Лаосе. Надо сказать, что к такого рода откровенному разговору американские президенты послевоенных лет не привыкли. Раньше им в западноевропейских столицах все больше поддакивали или в худшем случае молча соглашались с американскими предложениями. Кеннеди пришлось убедиться, что в Западной Европе наступали новые времена.

Это стало ему особенно ясно, когда дело дошло до обсуждения проблем НАТО.

Проблемы НАТО обсуждались на второй день переговоров. Президент де Голль подробно изложил свои взгляды на эволюцию международных отношений, на изменения в мире. Франция, заявил ее президент, не намерена больше жить под сенью НАТО. Понимая всю сложность стоящих перед Кеннеди задач и не стремясь «подорвать» НАТО, продолжал де Голль, французское

правительство не намерено что-либо предпринимать немедленно. Однако вместе с тем оно недвусмысленно заявляет, что в самом ближайшем будущем ситуация с пребыванием Франции в военной организации НАТО должна измениться.

Как вспоминал позднее Соренсен, американский посол в Париже Гэвин после заседания признался ему, что был «почти испуган этим твердым, холодным и безоговорочным заявлением о том, что США не должны вмешиваться в дела Европы».

Внешне сохраняя спокойствие, Кеннеди был более чем взволнован. Впервые из уст ведущего государственного деятеля Западной Европы он слышал, как критикуется основа всей американской внешней политики в Европе — НАТО; по существу, его объявляют анахронизмом...

Стремясь убедить де Голля, что его взгляды по вопросам НАТО и создания Францией своих собственных ядерных сил ошибочны, Кеннеди не жалеет слов. Всячески подчеркивая, что США «будут воевать, если на Европу нападут», Кеннеди заявляет даже, что американцы могут первыми нанести ядерный удар «по нападающим». США осуществят ядерное нападение, если его правительство решит, что это «необходимо» или что американские войска «находятся в опасности», или даже если ему только станет известно, что Советский Союз «готовится нанести удар». Так Кеннеди, следуя советам Пентагона и госдепартамента, оставлял за правительством США «право» решать, когда первым нанести атомный удар по социалистическим странам. Это были безответственные рассуждения, основанные на лживой, давно обанкротившейся концепции, что агрессия в Европе может произойти с Востока на Запад, а не наоборот. Но именно такой «довод» выдвигался в качестве обоснования «права» США на ядерную агрессию. И по этому вопросу, как показала беседа, Кеннеди шел на поводу у американской военщины и антисоветской пропаганды.

Де Голль, однако, дал понять, что его точка зрения на НАТО и роль США в Западной Европе остается неизменной.

Тогда Кеннеди раскрывает перед французским президентом свою последнюю карту. США готовы пойти на

то, чтобы создать под эгидой НАТО подводные атомные силы, которые находились бы под контролем США, Франции и Англии. Это опасное для дела мира предложение открывало, хотя об этом прямо и не говорилось, доступ ФРГ, как члену НАТО, к ядерному оружию.

Но и последний козырь Кеннеди не возымел действия. Де Голль не согласился и с этим предложением. Он лишь заметил, что оно будет изучено. На языке дипломатии это часто означает «нет». Как показали последующие события, так оно и было.

Переговоры заканчивались так же, как и начались, в корректной атмосфере. Между де Голлем и Кеннеди, как многие отмечали, даже установились теплые личные отношения. Однако оставалось фактом и другое. По ряду крупных международных проблем мнения американского и французского президентов значительно разошлись. Европа, Франция были уже не те, что несколько лет назад. «Мать» не желала больше беспрекословно следовать советам своей «дочери».

Постепенно в дипломатических и журналистских кругах Парижа стало известно, что переговоры Кеннеди с де Голлем не принесли больших решений. Интерес к Кеннеди со стороны французской печати и публики падает, и все большее внимание привлекает его супруга Жаклин, которая своим обаянием и элегантностью покорила сердца парижан. Недаром в конце визита Кеннеди заявил: «Я был тем человеком, который сопровождал Жаклин Кеннеди в Париж...» И хотя это была всего лишь шутка, но в ней невольно был заложен определенный смысл. Визит Кеннеди в Париж оказался бесплодным.

Рассказывают, что, когда Кеннеди прощался с де Голлем перед вылетом в Вену, он спросил президента Франции: «Вы 50 лет готовились к тому, чтобы стать главой государства. Удалось ли Вам обнаружить что-либо такое, что должен знать я?» Как говорят, де Голль обещал Кеннеди рассказать об этом при следующей встрече. Она, однако, не состоялась.

Впереди, после проведенной на Кэ д'Орсэ ночи, Кеннеди ожидала Вена. На этом этапе его поездки в Европу стало особенно ясно, чего Кеннеди не хватало как главе государства для того, чтобы успешно вести переговоры. Ему не хватало реализма.

Решение о том, какой характер следует попытаться придать встрече в Вене, было принято Кеннеди на специальном совещании, созванном им еще 11 февраля 1961 года в Белом доме. Кеннеди заявил тогда, что в результате целого ряда проведенных им консультаций он пришел к выводу, что встреча в Вене с главой Советского правительства для него необходима.

Как уже говорилось, Кеннеди видел основную цель этой встречи в том, чтобы, во-первых, убедить Советский Союз, что он, Кеннеди, человек сильной воли, но вместе с тем и уравновешенный. Во-вторых, Кеннеди намеревался объяснить советским руководителям, «что собой представляют» США и их внешняя политика. А так как собственной внешней политики у правительства Кеннеди весной 1961 года еще, по существу, не было (даже кубинская авантюра была задумана правительством Эйзенхауэра.— *А. Г.*), то, видимо, Кеннеди в Вене собирался защищать старый агрессивный курс политики США.

По сути дела, у американской стороны не было перед Веной ни одного конкретного реалистического предложения по разрядке международной напряженности. Дипломатический портфель президента был, по существу, пуст. Более того, Кеннеди готовился встретить в штыки советские предложения, и особенно предложение о заключении германского мирного договора.

Исключение, пожалуй, составила проблема Лаоса, где Кеннеди проявлял вполне понятную после Кубы осторожность и не поддавался давлению, направленному на немедленное расширение военной интервенции США в этом районе. После переговоров с президентом де Голлем, когда стало ясно, что Франция выступает против американских военных авантюр в Лаосе, Кеннеди укрепился в мысли о том, что на большее, чем создание там коалиционного правительства, США и не могут рассчитывать.

Таковы были настроения Кеннеди, в основном негативные, накануне встречи в Вене.

Переговоры президента Кеннеди с главой Советского правительства начались в Вене 3 июня и продолжались два дня.

В американской мемуарной и другой литературе о венской встрече написано немало. Комментировалась она и в советской печати. О ней, разумеется, высказывались самые разные суждения, однако большинство политических обозревателей сходилось на одном: встреча, хотя и была полезной и необходимой, не стала поворотным пунктом ни в деле развития советско-американских отношений, ни в деле решения крупных международных проблем.

В ходе венских переговоров Кеннеди задался целью доказать, что международная напряженность существует не из-за экспансионистской внешней политики империалистических государств, в первую очередь США, а якобы из-за распространения идей коммунизма на земле. Кеннеди утверждал, что коммунисты стремятся ликвидировать извне «свободные системы», тяготеющие к Западу. По сути дела, президент отстаивал идею статус-кво, равновесия между социализмом и капитализмом. Он делал вид, что национально-освободительные войны не отражают воли того или иного народа, а ведутся «представителями меньшинства и поэтому могут явиться причиной столкновения великих держав». В этих высказываниях Кеннеди сквозило стремление американского капитализма остановить распространение социализма и коммунистической идеологии среди народов. Кеннеди ратовал за «иммунитет» целых стран и даже континентов от социализма и коммунистических идей. Разумеется, это были всего лишь иллюзии, демонстрировавшие полное отсутствие реализма, так как передовые социальные идеи нельзя остановить с помощью искусственных рогаток. Подход Кеннеди к национально-освободительному движению показал, что прежние взгляды сенатора Кеннеди на проблемы национально-освободительного движения в Алжире и Юго-Восточной Азии и взгляды президента Кеннеди явно разошлись.

Кеннеди была разъяснена внешняя политика Советского Союза. Было подчеркнуто, что советский народ, воспитанный в великих традициях интернационализма, всегда поддерживал и будет поддерживать справедливые национально-освободительные войны, так как народы в таких войнах борются за свое священное право — свободу от иностранной эксплуатации и засилья

местных продажных реакционных режимов. Однако Советский Союз никогда не занимался экспортом революции, так как это противоречит марксистско-ленинскому учению.

Кеннеди уделил внимание в беседах и вопросу о возможности так называемых «непоправимых просчетов». Он пространно говорил о том, что не хотел бы, чтобы в результате просчетов разразилась ядерная война. Обе стороны, заметил президент, должны избегать критических ситуаций, которые привели бы к войне. При этом Кеннеди даже признал, что он сам допустил просчет в отношении Кубы. Поэтому как Советскому Союзу, так и США следует стремиться к тому, чтобы свести до минимума возможность «просчетов» во взаимоотношениях между собой. Это уменьшит риск ядерной войны.

Эти высказывания Кеннеди на первый взгляд выглядели вполне реалистическими. Однако, после того как он несколько раз подчеркнул опасность «просчетов» в конкретных ситуациях, стало ясно, что в данном случае он ведет речь не столько о необходимости разумного подхода к международным проблемам, сколько о готовности США пойти на ядерную войну, если они посчитают это необходимым из-за «угрозы» сложившемуся «равновесию сил». Так Кеннеди, по существу, попытался ввести в переговоры элемент угрозы применения силы для решения международных проблем. Все это, разумеется, не способствовало успеху переговоров.

Что касается конкретных международных проблем, то и при их обсуждении стало ясно, что у Кеннеди нет никакой деловой программы.

Взять хотя бы, к примеру, проблему запрещения ядерных испытаний. Кеннеди повторил тезис Пентагона и ЦРУ о том, чтобы США имели право тщательной инспекции советской территории для проверки «подозрительных явлений». Его не удовлетворило предложение о трех инспекциях в год территорий ядерных держав, которое в 1961 году Советское правительство соглашалось закрепить в международном договоре. И это при условии, что и три инспекции, как свидетельствовали крупнейшие ученые, в том числе и западные, вовсе не обязательны для определения характера того или иного сейсмического явления. Для этого было вполне достаточно национальных средств обнаружения. Поэтому не-

обходимость в непосредственных инспекциях на месте территорий ядерных держав вообще отпадала. Советский Союз, например, до того как американская сторона возвела данный вопрос в принцип, вообще не требовал для себя права инспекции на американской территории.

Таким образом, согласие советской стороны на три международные инспекции на месте было не чем иным, как жестом доброй воли в адрес США, вызванным стремлением максимально способствовать скорейшему заключению соглашения о разоружении и запрещении ядерных испытаний. Кеннеди, однако, не изменил прежнюю американскую позицию по этому вопросу.

Более того, Кеннеди говорил о невозможности достижения в Женеве соглашения о разоружении. Этим он объяснил свое предложение отделить переговоры о запрещении ядерных испытаний от переговоров по разоружению. Кеннеди хорошо знал о резко отрицательном отношении военно-промышленного комплекса США к идее разоружения и тем более к плану всеобщего и полного разоружения. Отсюда и его пессимизм в отношении женевских переговоров. Такая позиция — еще одно подтверждение наличия весной 1961 года в правительстве США влиятельной группы военных и политиков, требовавших во что бы то ни стало проведения очередного тура ядерных испытаний.

Не было и следа реализма в подходе Кеннеди к вопросу о германском мирном договоре. В нем он усматривал «угрозу» для США, имея в виду, что в случае устранения в центре Европы последствий второй мировой войны США теряли бы на германской земле оккупационные права. Отрицая очевидные факты, Кеннеди утверждал, что реваншистская политика западногерманского правительства, его все возрастающая роль в НАТО не являются источником большой опасности для дела мира в Европе. Он пытался не принимать во внимание факт наличия на немецкой земле двух германских государств. Ввиду такой антиреалистической позиции проблема германского мирного договора и европейской безопасности снова осталась нерешенной.

Нежелание правительства США закрепить германским мирным договором границы в центре Европы свидетельствовало и о том, что, защищая американский тезис о статус-кво в международных отношениях,

отвергавшийся советской стороной, Кеннеди не только не был реалистичен, но и не был искренен. Ведь когда беседы касались закрепления сложившегося положения в центре Европы, что было действительно необходимо для дела мира, он не только не согласился, но и решительно воспротивился такому шагу.

Что же касается советской стороны, то она по-серьезному отнеслась к переговорам в Вене. Кеннеди была предложена конструктивная программа решения наиболее важных международных проблем. Причем на условиях, которые ни в коей мере не ущемляли национальных интересов США. В ответ советские представители услышали столь знакомое «ноу» («нет»). «Нет» — германскому мирному договору, «нет» — юридическому закреплению границ в Европе, «нет» — всеобщему и полному разоружению и прекращению ядерных испытаний. Это был ответ, не требовавший комментариев.

Кеннеди были вручены советские памятные записки по вопросу о прекращении испытаний атомного и водородного оружия и по вопросу о заключении германского мирного договора и урегулировании на этой основе вопроса о Западном Берлине. Сомнительно, однако, заглядывал ли Кеннеди в последующие месяцы в эти документы. Его мысли были заняты совсем другими делами. Их претворение в жизнь могло означать только одно — усиление международной напряженности.

В подходе Кеннеди к международным делам особняком стояла проблема Лаоса. Президент, еще не оправившийся после кубинского провала, сумел противостоять требованиям экстремистов и военных осуществить в Лаосе еще более широкое военное американское вмешательство. Он прислушался к разумному совету де Голля о том, что выходом из положения, сложившегося в Лаосе, могло бы быть коалиционное правительство. Эта позиция была принята Кеннеди в Вене, где советская сторона сделала максимум возможного для того, чтобы Лаос мог стать на путь независимости и избежать иностранной интервенции.

В коммюнике, подписанном главами обоих правительств, согласие по вопросу о будущности Лаоса стало центральным пунктом. Результаты не заставили себя долго ждать. Женевские переговоры по лаосской проблеме перестали тормозиться американской делегацией,

и через некоторое время, как известно, были заключены соглашения по Лаосу.

Таковы были итоги переговоров в Вене, существо которых Кеннеди по возвращении в США неоднократно пытался разъяснить американским журналистам в конфиденциальном порядке. В этих беседах Кеннеди делал упор на то, что он «ни в чем не уступил». Было бы, конечно, гораздо лучше, если бы президент мог рассказать своим собеседникам о том, что он предложил. Но, как уже отмечалось, его дипломатический портфель на переговорах в Вене был пуст. В нем не оказалось деловых предложений. После Вены пресса многих стран задавалась вопросом: в каком направлении будет теперь развиваться американская внешняя политика? Все говорило о том, что в старом. Так оно и получилось. Последующие полтора года президентства свидетельствуют об этом.

БЕРЛИНСКИЙ КРИЗИС И ДЕЛА В ООН

Наступил последний летний месяц 1961 года. Начало августа в Новой Англии выдалось на редкость холодным. В Хианисспорте с моря дул пронизывающий ветер. В один из таких неприветливых дней Кеннеди пригласил нескольких своих близких знакомых выйти вместе с ним на яхте в океан. Во время этой морской прогулки он намеревался обсудить с ними важные внешнеполитические проблемы. Был приглашен и представитель США в ООН Стивенсон.

Приближалась XVI сессия ООН. Необходимо было определить круг вопросов, с которыми американское правительство намеревалось выступить на сессии Генеральной Ассамблеи.

В ответ на предложение Стивенсона уделить в ООН главное внимание проблеме разоружения Кеннеди скептически заметил, что идея разоружения не пользуется в США популярностью. Он хорошо знал настроения военно-промышленного комплекса США, который всегда предавал анафеме любую попытку достичь соглашения о разоружении. Кроме того, именно в этот момент США форсировали гонку вооружений, увеличив на несколько миллиардов долларов свой и без того

раздутый военный бюджет. Как впоследствии признал специальный помощник президента Шлезингер, Кеннеди «смотрел на проблему разоружения главным образом как на средство политической борьбы, одновременно считая, что для того, чтобы эта борьба была эффективной, наш план (американский план разоружения.— *А. Г.*), в отличие от своих предшественников пятидесятых годов, должен покоиться на честной базе для переговоров».

В этом признании обращают на себя внимание два момента. Кеннеди не стремился к разоружению и не верил в него. В лучшем случае он относился к нему как к средству пропаганды. Но еще более интересно косвенное признание Шлезингера, что все предыдущие американские планы разоружения были нереальными, так как предусматривали в ходе их осуществления создание для держав Запада, особенно США, односторонних военных преимуществ, что, конечно, исключало то, что Шлезингер назвал «честной базой для переговоров».

Стивенсон быстро удостоверился в прохладном отношении Кеннеди к его предложению. Однако как американский делегат в ООН он хорошо знал, какой популярностью пользовались среди делегатов многих стран советские предложения по всеобщему и полному разоружению. Поэтому Стивенсон продолжал убеждать Кеннеди в необходимости уделять больше внимания проблеме разоружения. В конце концов он без обиняков заявил президенту: во всем мире считают, что русские «более преданы разоружению, чем мы». Необходимо, следовательно, дать всем понять, что всеобщее и полное разоружение является и целью США. Беседа между Кеннеди и Стивенсоном грозила резко обостриться, и в этот момент Кеннеди внезапно уступил. Он нехотя согласился с предложением Стивенсона.

Затем беседа приняла светский характер. Вскоре яхта легла на обратный курс. Вот и берег. Теннис, плавание, финская баня и обильный ужин завершили этот день.

В августе 1961 года холодная погода стояла и в международных отношениях. Как показала встреча в Вене, правительство Кеннеди не проявляло желания к согласованному решению важнейших международных проблем. Западные державы усиливали свои военные при-

готовления, объявив об увеличении численности своих вооруженных сил и даже о планах военной мобилизации. В печати ФРГ открыто обсуждались планы военного вторжения на территорию ГДР. Западный Берлин, где орудовало более 80 подрывных центров, использовался правительством ФРГ для ослабления экономики ГДР и заброса туда шпионов и диверсантов. Особенно широко в этих целях использовалась открытая граница между Восточным и Западным Берлином.

В этой обстановке правительство ГДР 13 августа 1961 года использовало свое право суверенного государства по установлению эффективного контроля на границе с Западным Берлином, соорудив там заградительные сооружения. В США эта законная акция правительства ГДР была использована реакционной пропагандой для очередной волны антикоммунистической и военной истерии. Правительство Кеннеди не нашло ничего лучше, как попытаться вмешаться во внутренние дела Германской Демократической Республики.

17 августа правительство США направило правительству Советского Союза ноту, в которой оспаривало законность защитных мер правительства ГДР и заявляло о своем непризнании восточной части Берлина столицей ГДР. В своем ответе на эту ноту 18 августа Советское правительство полностью поддержало действия правительства ГДР и охарактеризовало попытки американского правительства вмешиваться во внутренние дела суверенного социалистического государства как необоснованные и неуместные.

Дальнейшие действия правительства Кеннеди еще больше накалили обстановку в Европе. Как впоследствии вспоминал Соренсен, «в середине августа кризис в кризисе в опасной степени приблизился к точке взрыва». При этом Соренсен имел в виду отношение правительства США к мерам правительства ГДР по охране своих границ. Итак, в США были распространены настроения о приближении «взрыва» в международных отношениях.

Какие действия в создавшейся довольно сложной обстановке предпринимает Кеннеди? Самые опасные.

США, а также Англия срочно перебрасывают в Западный Берлин новые контингенты войск. Бронированные американские грузовики с солдатами двинулись по

автостраде, проходящей по территории ГДР. Одновременно Кеннеди направляет в Западный Берлин вице-президента Джонсона и генерала Клея, который затем остается в Западном Берлине в качестве «личного посланца» американского президента. А тем временем в США и других странах НАТО лихорадочно наращивали численность военных сил. Все эти действия были не что иное, как новая демонстрация силы в ответ на советские предложения о заключении германского мирного договора и законные защитные меры правительства ГДР по охране суверенитета своей страны.

Более того, в США летом 1961 года имелось немало горячих голов, которые были не прочь следовать еще более опасным курсом. Среди них были весьма влиятельные люди, в том числе и бывший государственный секретарь США Дин Ачесон. Что касается руководителей госдепартамента США, то они, по существу, играли в создавшейся обстановке роль инициаторов провоцирования «взрыва», так как тормозили разработку какой-либо реалистической программы по урегулированию германской проблемы.

Об этом, например, говорит следующий факт. После того как в Вене Кеннеди была вручена памятная записка Советского правительства правительству США по вопросу о заключении германского мирного договора и урегулировании на этой основе вопроса о Западном Берлине, он время от времени возвращался к мысли о том, что на нее надо дать ответ. Но не тут-то было. Даже это сравнительно скромное намерение президента, по существу отнюдь не затрагивавшее позиции США по германской проблеме, а лишь преследовавшее собой цель продолжения в какой-то форме диалога между СССР и США, натолкнулось на самый настоящий саботаж в госдепартаменте.

За кулисами американской политики действовали ярые противники разумного подхода к германской проблеме. «Никаких переговоров с Советским Союзом»,— требовали они. Следует полагаться на силу, и только силу. Поэтому-де ни к чему спешить с ответом на советскую памятную записку. Лучше продемонстрировать по отношению к ней безразличие правительства США, чем быть втянутыми в переговоры по германскому мирному договору. Это была хорошо знакомая линия

на противодействие тому, чтобы со стороны американского правительства в отношении предложений Советского Союза были предприняты какие-либо положительные шаги.

В результате дни шли за днями, недели за неделями, а указание Кеннеди не выполнялось. Президент терпеливо ожидал проекта ответа, который должен был стать первым официальным заявлением его правительства по вопросу о мирном договоре с Германией. Наконец в начале июля Кеннеди не выдержал и затребовал из госдепартамента проект ответа в том виде, в каком он имелся. Документ, который ему представили, не удовлетворил Кеннеди. Это был набор обычных негативных фраз, обходивших суть проблемы. Тогда Кеннеди поручает своему помощнику Соренсену переделать проект госдепартамента. Вскоре ответ на советскую памятную записку готов. Но из госдепартамента Кеннеди сообщили, что исправленный текст не может быть направлен Москве в качестве официального, так как он не согласован с союзниками США по НАТО. В результате официальный ответ правительства США на памятную записку Советского правительства, врученную Кеннеди в Вене 4 июня, был дан только 17 июля, т. е. полтора месяца спустя.

Вся эта история свидетельствует о том, что летом 1961 года Кеннеди тратил много усилий на то, чтобы контролировать государственный аппарат США, в том числе и госдепартамент. После провала апрельской авантюры против Кубы в Вашингтоне царили настроения осторожного отношения к «поспешным», как многие считали, указаниям президента, которого профессиональные американские дипломаты все еще считали новичком в международных делах.

Подобного рода настроения использовали и влиятельные политические деятели вроде Дина Ачесона для того, чтобы подталкивать президента на еще более опасный авантюристический курс в европейских делах, в том числе по германской проблеме. Ачесон, например, употребил все свои усилия, чтобы попытаться заставить Кеннеди объявить в США состояние «национальной опасности» и призвать в армию 1 млн. резервистов. В своем докладе президенту Ачесон также требовал более быстрого наращивания военной мощи США

в Западной Европе при одновременном отказе от каких-либо переговоров по германской проблеме.

Кеннеди не поддался на подобного рода провокационные предложения. Занимая в вопросе о заключении германского мирного договора и нормализации на его основе положения в Западном Берлине позицию, тормозившую создание в Европе основ прочного мира, он, однако, не решился на шаги, которые предлагал ему Ачесон. Кеннеди занял более умеренную позицию по отношению к ситуации, которая складывалась в центре Европы.

Надо сказать, что стремление Кеннеди внести хоть какой-то элемент гибкости в американскую внешнюю политику по германской проблеме натолкнулось на особенно сильное сопротивление группы Ачесона. На позициях этой группы длительное время стоял и ряд министров Кеннеди, в частности Макнамара. Активизировались сторонники линии «Даллеса — Аденауэра» и в госдепартаменте, где имелось довольно сильное прозападногерманское крыло. Потребовалась целая серия совещаний на правительственном уровне, чтобы точка зрения президента взяла верх. 19 июля на заседании Национального совета безопасности Ачесон прямо заявил о своем несогласии с тактикой Кеннеди, не исключавшей переговоры с СССР по вопросу о границах. Бывший государственный секретарь США поставил под сомнение все сделанные Кеннеди поправки к проекту госдепартамента, утверждая, что любые мирные переговоры США с Советским Союзом по германскому мирному договору не в интересах США. Любое стремление к переговорам, утверждал Ачесон, будет свидетельствовать о «слабости США». Его поддерживали видные представители из госдепартамента.

По свидетельству очевидцев, между Ачесоном и некоторыми советниками Кеннеди произошел на совещании довольно острый спор по вопросу о путях и методах политики по германской проблеме. Точка зрения Кеннеди о том, что США не должны отбрасывать в сторону переговоры как средство ведения международных дел, победила. Кеннеди не хотел окончательно упускать из своих рук дипломатические рычаги, считая, что слишком уж обнаженная американская линия, основывающаяся исключительно на бряцании оружием в от-

вет на миролюбивые предложения Советского Союза покончить с остатками войны в Европе, была бы слишком непопулярна даже в Западной Европе. Из Лондона ему, например, дали понять, что англичане не хотят увеличения риска войны и склоняются в пользу переговоров.

Следует, однако, отметить, что если у Кеннеди и хватило здравого смысла не вставать полностью на крайне авантюристический курс, который ему предлагали Ачесон и твердолобые в госдепартаменте, то все же очевидно, что серия шагов, предпринятая правительством США летом 1961 года в ответ на советские мирные предложения, подвела мир к очень опасной грани.

США продолжали увеличивать свои военные ассигнования, призвали на действительную службу 250 тыс. резервистов и наращивали американский гарнизон в Западном Берлине. Правительством Кеннеди было принято решение о сокращении сроков производства атомных подводных лодок и стратегических ракет, а также о возвращении в строй старых военных кораблей и самолетов. Это было не что иное, как лихорадочные военные приготовления. Бряцание оружием все же оставалось лейтмотивом американской внешней политики.

25 июля Кеннеди выступил с большой речью по американскому телевидению, в которой сообщил о следующих шагах правительства США: увеличение на 3 млрд. 247 млн. долл. военных ассигнований; доведение численности сухопутных сил до 1 млн. человек, увеличение флота на 29 тыс. человек и военно-воздушных сил на 63 тыс. человек; увеличение в ближайшие месяцы числа призывников в армию в три раза; увеличение срока военной службы.

Кеннеди обратился к конгрессу США с просьбой об ассигновании дополнительных 207 млн. долл. на нужды «гражданской обороны». Он призвал широко развернуть в стране строительство атомных бомбоубежищ с запасом продуктов, воды и медикаментов, необходимых, как заявил президент, «чтобы выжить».

Последняя часть выступления Кеннеди произвела на американцев впечатление разорвавшейся бомбы. К гонке вооружений многие из них уже привыкли, но вот к призывам со стороны президента США зарыться, как

кроты, в землю еще не успели. Выступление Кеннеди, как признал один из американских политических обозревателей, Хью Сиди, было воспринято в США как «речь, от которой веяло войной». В стране, и без того запуганной антисоветской и антикоммунистической пропагандой, разразилась настоящая истерия.

Конгресс США в спешном порядке предоставил правительству дополнительные военные ассигнования. Правые круги оказывают на президента сильное давление, с тем чтобы постараться с помощью военной силы решить и другие проблемы международной политики. Раздраженный этими настойчивыми домогательствами, Кеннеди однажды воскликнул: «Все убеждают меня, что я должен быть «твердым». Что под этим имеется в виду? Немедленное вторжение на Кубу или в Лаос?»

А между тем военная истерия нарастала. По всей стране богатые американцы бросились покупать индивидуальные атомные убежища. Заказы на бомбоубежища росли как снежный ком. Многие строительные фирмы быстро переключились на их производство. Что касается американцев победнée, то для них американская печать распространяла массу всякого рода «практических советов» на тему «Как уцелеть». В газетах, например, с умилением рассказывалось о том, как лауреат Нобелевской премии в области химии Уильярд Либби выкопал себе бомбоубежище в склоне горы, защитил вход в него железнодорожными шпалами и мешками с песком. «Стоимость? Всего 30 долларов»,— заявлял американцам гордый своей предприимчивостью Либби со страниц газет, поместивших многочисленные снимки этого самодеятельного архитектора.

Да, от политики США веяло войной.

В этой обстановке все возраставшей агрессивности США и их отказа от нормализации положения в центре Европы Советское правительство было вынуждено со всем вниманием оценить сложившуюся ситуацию. О чем она свидетельствовала? Во-первых, о том, что «новые рубежи» Кеннеди во внешней политике оказывались на поверку старыми. Авантюра против Кубы, небывалая гонка вооружений, нагнетание в США атмосферы военной истерии, отказ от предложения подвести черту под итогами второй мировой войны, поддержка реваншистских кругов в ФРГ, нежелание

по-серьезному отнестись к поискам путей всеобщего и полного разоружения — все это могло подвести только к одному выводу: США намерены продолжать курс на раздувание международной напряженности. Влияние некоторых прошлых реалистических оценок Кеннеди по ряду международных проблем на практический курс правительственной политики было почти неощутимо. Особенно опасно было то, что США явно намеревались и дальше совершенствовать свое ядерное оружие.

О последнем, в частности, свидетельствовала позиция, занятая американскими представителями не только в Вене, но и на переговорах в Женеве. Там они выступили с предложениями, которые были продиктованы в первую очередь разведывательными целями, а не стремлением покончить с ядерными испытаниями. Одновременно некоторые видные представители США стали намекать, что если не будет достигнуто соглашение о запрещении ядерных испытаний на американских условиях, то правительство США возобновит испытания ядерного оружия. И действительно, США стояли на пороге нового тура подземных ядерных испытаний.

Военно-промышленный комплекс требовал от Кеннеди возобновления ядерных испытаний. При этом делалась ссылка на мнение «отца американской атомной бомбы» ученого Теллера, стоявшего во главе целой группы американских ученых-атомщиков, считавших, что США «не могут обойтись» без новых испытаний ядерного оружия. Кеннеди регулярно сообщали мнение американских военных специалистов о том, что никакого соглашения о запрещении ядерных испытаний достичь не удастся и США должны начать ядерные испытания, продолжая в то же время для отвода глаз вести переговоры в Женеве.

Еще в феврале 1961 года, как только Кеннеди стал президентом, объединенная группа начальников штабов выдвинула требование, чтобы США возобновили ядерные испытания в атмосфере. Самое большее, на что соглашались военные, это на 60 дней переговоров в Женеве, после чего США должны «по праву» возобновить испытания. Пентагон требовал возобновления и подземных взрывов. Госдепартамент США рекомендовал, чтобы решение о возобновлении ядерных испытаний отложить на более поздний срок. Отложить, не больше.

В пользу возобновления ядерных испытаний выступил объединенный комитет по атомной энергии конгресса. В США началась настоящая пропагандистская кампания в пользу испытаний. Устраивались опросы общественного мнения, чтобы доказать, что американцы также хотят возобновления США ядерных испытаний. В начале августа генерал Тэйлор и объединенная группа начальников штабов вновь потребовали немедленного возобновления ядерных испытаний. Кеннеди начал уступать. Он отдает указание начать подготовку новой серии подземных взрывов. Было ясно, что это лишь первый шаг в удовлетворении требования военщины. Кеннеди готовился к тому, чтобы возобновить ядерные испытания в удобное для США время.

В этих условиях 31 августа 1961 года Советское правительство, после тщательного анализа сложившейся опасной международной обстановки, приняло решение провести экспериментальные взрывы ядерного оружия. Укрепление оборонной мощи Советского Союза перед лицом гонки вооружений и бряцания оружием со стороны американских империалистов несколько отрезвило слишком горячие головы в США.

Американские политики снова просчитались. Они стремились с помощью действий «с позиции силы» добиться своих целей в международной политике. В политических кругах Вашингтона придерживались точки зрения, что Советский Союз даже перед лицом гонки вооружений и подготовки к новому туру ядерных испытаний в США займет выжидательную позицию, не решится совершенствовать свое ядерное оружие, опасаясь реакции мирового общественного мнения. Делалась, таким образом, явная ставка на то, что мировая общественность и правительства стран Азии и Африки не разберутся в сложившейся международной обстановке и осудят меры по укреплению обороноспособности Советского Союза, если они будут иметь место. Однако всего этого не случилось. Уж слишком явно США вели дело к усилению «холодной войны». Уж слишком беззастенчиво на виду у всей мировой общественности они раскручивали маховик своей военной машины. Мировая общественность оказалась не такой наивной, как это представляли себе в Вашингтоне. Она с пониманием отнеслась к вынужденному шагу Советского Союза —

решению провести экспериментальные ядерные взрывы. В результате осенью 1961 года в правительстве Кеннеди снова наступило замешательство.

Растерянные американские политики обиделись на весь мир. Им, видите ли, казалось единственно правильным, чтобы ядерные испытания были начаты ими самими и в тот момент, когда они сочтут это целесообразным. А поскольку этого не произошло и Советское правительство разгадало, куда клонит дело американская дипломатия, ученые-атомщики, военщина и сам Кеннеди, то официально американская пропаганда стала обвинять Советский Союз в том, что он, а не США усиливает международную напряженность. Но это был старый пропагандистский прием, и на него мало кто попался.

Некоторое время влиятельные американские политики подумывали о том, чтобы передать вопрос о вынужденном шаге Советского Союза в Совет Безопасности. Но затем они расстались с этой идеей. На этом настоял не кто иной, как американский представитель на переговорах в Женеве по запрещению ядерных испытаний Артур Дин. Учитывая интересы военно-промышленного комплекса, он заметил тем, кто спешил в пропагандистских целях осудить Советский Союз, что, предприняв такой шаг, США «ограничили бы свою собственную свободу действий».

Другой влиятельный политик — Макклой заявил, что США вообще не следует обращать внимания на мировое общественное мнение. «Мировое общественное мнение? — воскликнул Макклой в одной из дискуссий.— Я не верю в мировое общественное мнение. Единственное, что имеет значение, так это сила. В настоящее время мы должны показать, что являемся мощной страной, и давайте не будем тратить свое время, гоняясь за тенью мирового общественного мнения».

Так говорил глава вновь созданного Агентства по контролю над вооружениями и разоружению, в прошлом верховный комиссар США в Западной Германии. Нетрудно представить себе, что говорили остальные министры, в том числе военные.

Как бы то ни было, Кеннеди снова, к своему большому неудовольствию, все более убеждался в том, что разговаривать с Советским Союзом языком «с позиции

силы» бесполезно. Вместе с тем по рекомендации своих советников он решает все-таки использовать и пропагандистский подход к проблеме ядерных испытаний. По его указанию совместно с правительством Англии спешно составляется заявление Советскому правительству.

Одновременно с этим в Белом доме обсуждается вопрос о форсировании американских ядерных испытаний, к которым так долго и тщательно готовились. 5 сентября Кеннеди отдал приказ о возобновлении США подземных ядерных взрывов в шахтах и подземных галереях штата Невада. Они начались без всякой задержки, что лишний раз свидетельствовало о том, что США и до возобновления Советским Союзом экспериментальных ядерных испытаний подготовили все для того, чтобы начать их первыми.

Особо следует остановиться на совместном заявлении по вопросу об испытаниях ядерного оружия, которое было сделано правительствами США и Англии 3 сентября 1961 года через своих послов в Москве. В этом заявлении совершенно обходился вопрос о военной истерии и гонке вооружений, которые так усилились на Западе, прежде всего в США, летом 1961 года. Не упоминалось в нем и о широкой программе создания в США новых образцов ядерного оружия. Забыли в нем сообщить и о том, что президент США уже имел наготове приказ о возобновлении США ядерных испытаний. И уж конечно там не было и тени упоминания о том, что к лету 1961 года, когда Вашингтон намеревался начать новый тур гонки вооружений, США и Англия произвели в несколько раз больше ядерных испытаний, чем Советский Союз. Отсутствовало и признание того очевидного факта, что США на переговорах в Женеве отвергали всеобщее и полное разоружение под строжайшим международным контролем. И при всем том Советскому Союзу делалось «предложение» отказаться от мер по укреплению своей обороноспособности! Разумеется, с такого рода «предложением» Советское правительство не могло согласиться.

Любопытно, что еще до того, как США возобновили свои испытания ядерного оружия в атмосфере, министр обороны США Макнамара заявил Раску и Банди в частной беседе, что такие испытания для США «в действи-

тельности не нужны». Этой же точки зрения придерживался английский премьер-министр Макмиллан. Он предложил, чтобы США пока не проводили ядерные испытания в атмосфере. Такого же мнения был и президентский советник Артур Шлезингер.

Спрашивается: чего же тогда добивались Кеннеди и американская военщина, выступая с необоснованными нападками на Советский Союз? Ответ напрашивается сам собой. Они полагали, что таким путем смогут добиться сохранения некоего «военного превосходства» над Советским Союзом, «превосходства», в существование которого они продолжали без всякого на то основания верить.

25 апреля 1962 года США возобновили ядерные испытания и в атмосфере. Кеннеди санкционировал этот новый тур гонки ядерных вооружений.

КЕННЕДИ И РАЗОРУЖЕНИЕ

Одной из самых острых и злободневных международных проблем, ожидавших своего решения, была проблема разоружения. От нее госдепартаменту отмахиваться становилось все труднее. А когда в сентябре 1959 года Советский Союз внес на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН программу всеобщего и полного разоружения, американской пропаганде и правительству Эйзенхауэра пришлось совсем худо. В условиях, когда существовал конкретный и ясный советский план разоружения, продолжать заниматься лишь пустыми разговорами о разоружении, как это много лет делала американская дипломатия, было по крайней мере смешно.

Положение для США еще более осложнялось тем, что все государства — члены ООН единодушно одобрили резолюцию, которая поддерживала идею всеобщего и полного разоружения. Пришлось голосовать за эту резолюцию и американскому делегату.

Учитывая восторженный отклик народов земного шара на советские предложения о всеобщем и полном разоружении, правительство Эйзенхауэра решило не идти «против течения». Оно уподобилось пловцу, который, чтобы не утонуть, решает плыть по течению, лишь

бы держаться на плаву, хотя то место, к которому он стремится, находится на противоположном берегу. Так и с американской политикой в вопросе разоружения. Выступать против разоружения означало для правительства США окончательно подорвать свой престиж в глазах сотен миллионов людей. В результате Эйзенхауэр принимает решение на словах одобрить идею всеобщего и полного разоружения, а на деле продолжать тактику затяжки переговоров по этой проблеме.

Тактика бесплодных переговоров досталась в наследство Кеннеди от правительства Эйзенхауэра. Однако Кеннеди вынужден был уделять проблеме разоружения больше внимания.

В начале 1961 года большая группа американских руководящих политических деятелей, в том числе министр обороны Макнамара, приступила к разработке позиции США по военным проблемам. Вырабатывались установки, которым на долгое время суждено было стать руководящими в американской внешней политике. Сводились они в основном к следующему: «рассматривать всеобщее и полное разоружение как очень отдаленную цель, которая к тому же может усилить (!) опасность войны». Сделать стержнем американской политики в данном вопросе «контроль над вооружениями».

Кеннеди считал разоружение «недостижимой целью». Он не строил никаких иллюзий об отношении к проблеме разоружения со стороны военно-промышленного комплекса. Кеннеди, однако, понимал, что этот вопрос волнует всю мировую общественность, и чувствовал, что заняться им придется.

Так возникло Агентство по контролю над вооружениями и разоружению. На пост его руководителя был назначен видный республиканец, длительное время состоявший на руководящих должностях в Пентагоне и тесно связанный с нью-йоркскими банкирами, Джон Макклой. Тот самый Макклой, который, как уже отмечалось, считал, что США должны полагаться на силу, и только силу, и не обращать внимания на общественное мнение. Распространена точка зрения, что Кеннеди сделал этот выбор, стремясь обезопасить себя от обвинений со стороны правых в «идеализме» и «мягкости».

Двусмысленное название нового государственного

ведомства США само по себе отвечало на вопрос о том, чем оно будет заниматься.

Новому агентству и его руководителю предстояло сделать какие-то шаги, которые оправдали бы их деятельность перед общественностью. Первый шаг вскоре был сделан. Правительство Кеннеди решило провести переговоры по проблеме разоружения с советскими представителями.

При этом администрация Кеннеди преследовала двоякую цель. Во-первых, она стремилась ослабить критику в свой адрес со стороны мировой общественности за развернутую беспрецедентную гонку вооружений. Во-вторых, хотела увести обсуждение проблемы разоружения с прямой и ясной дороги, намеченной советскими предложениями 1959 и 1960 годов.

Можно вполне определенно считать, что согласие американской стороны пойти на обсуждение проблемы разоружения с Советским Союзом было вынужденным. Американская дипломатия волей обстоятельств оказалась буквально насильно втянутой в переговоры. Но объективно это дало впоследствии кое-какие положительные результаты.

В июне 1961 года начались советско-американские переговоры по разоружению. Советская сторона, представленная заместителем министра иностранных дел В. А. Зориным, приступила к ним с самыми серьезными намерениями. Американская сторона в лице Макклоя, как вскоре стало очевидно, не имела желания по-деловому обсудить вопрос и, главное, наметить практический путь к разоружению. Эта позиция отражала подлинные настроения правящей верхушки США. Тем не менее сам факт двусторонних советско-американских переговоров по разоружению был знаменательным. Вступив на путь переговоров по разоружению, правительство Кеннеди уже не смогло с него сойти. Но и продвигаться по этому пути оно старалось как можно медленнее.

Тактику Макклоя на переговорах, пожалуй, можно охарактеризовать как тактику «минимальных усилий». Так, несмотря на то что Советское правительство представило американской стороне план всеобщего и полного разоружения, Макклой заявил, что он готов обсудить лишь «общие принципы» разоружения.

19 июня 1961 года посланцы Кеннеди извлекли из своих портфелей «заявление о принципах». В нем декларировалась идея «тотального универсального разоружения», и только. Действительного разоружения, по существу, и не предусматривалось. Зато предлагался контроль за запуском ракет в космос, без запрещения применения ядерного оружия.

В дополнение ко всему Макклой стал добиваться согласия СССР на создание «международных вооруженных сил», обладающих всеми видами вооружений, в том числе и ядерным. При их использовании, как настаивали американцы, не применялось бы правило единогласия постоянных членов Совета Безопасности, т. е. такие вооруженные силы могли быть брошены «в дело» без согласия Советского правительства. На это советская сторона, естественно, пойти не могла.

Стремясь не допустить провала переговоров и сдвинуть с мертвой точки проблему разоружения, Советское правительство 27 июля 1961 года представило США проект «совместного советско-американского заявления об основных принципах договора о всеобщем и полном разоружении».

Надо сказать, что летом 1961 года народы и правительства следили за ходом советско-американских переговоров по разоружению с удвоенным вниманием. Атмосфера в международных отношениях была напряженной. Учитывая эту обстановку, Кеннеди дает указание подготовить новый американский вариант «заявления о принципах».

К сентябрю проект нового заявления правительства США был готов и 14 сентября представлен советской стороне. В основном в нем повторялись старые американские позиции, но с одним заметным изменением. Правительство Кеннеди признавало, что конечной целью должно быть всеобщее и полное разоружение. При этом оно, однако, обставляло это положение целым рядом неприемлемых оговорок. Особенно нереальным было требование правительства США, чтобы международный контроль осуществлялся не только за разоружением, но и за вооруженными силами социалистических государств. Такая постановка вопроса была весьма опасна для дела мира. США явно искали возможность тщательно изучить оборонительный «потен-

циал противника». Тем, кто замышлял бы агрессию, это было бы лишь на руку. Миролюбивым же государствам знание обороны своих противников мало что могло дать. Ведь нападать социалистические страны ни на кого не собирались. Словом, американское требование о контроле над вооружениями могло быть использовано только потенциальным агрессором. Оно не способствовало укреплению безопасности. Более того, могло вызвать новый тур гонки вооружений. Об этом и было недвусмысленно заявлено американским представителям.

Тем временем начала свою работу XVI сессия ООН. Правительству Кеннеди приходилось выходить на открытие сессии ООН, волоча за собой длинный шлейф самых неблаговидных дел в международных отношениях, как, например, агрессия против Кубы, гонка вооружений, раздувание военной истерии, отказ подписать германский мирный договор. В этих условиях правительству США был необходим какой-то миролюбивый жест. Оно идет на то, чтобы поступиться некоторыми своими неприемлемыми условиями.

В результате 20 сентября 1961 года только что открывшейся сессии Генеральной Ассамблеи ООН было представлено совместное заявление СССР и США о согласованных принципах для переговоров по разоружению. Правительство Кеннеди пошло на то, чтобы исключить из заявления положение о контроле над вооружениями, не подлежащими сокращению или уничтожению. Это, однако, не означало, что правительство США отказывалось от своей старой позиции в данном вопросе. Об этом почти одновременно с опубликованием совместного заявления оповестил глава американской делегации на переговорах по разоружению. Такая позиция свидетельствовала о том, что по проблеме разоружения США скорее занимались политическим лавированием, чем серьезными переговорами.

Все же положительное значение этого документа состояло в том, что правительство США официально заявляло о своем согласии с принципом всеобщего и полного разоружения и необходимостью заключения соответствующего договора. Была также достигнута договоренность, что «все мероприятия по всеобщему и полному разоружению должны быть сбалансированы таким образом, чтобы ни на одном этапе осуществления

договора ни одно государство или группа государств не смогли бы получить военного преимущества и для всех была бы в равной мере обеспечена безопасность». Совместное советско-американское заявление подводило реальную основу под проект договора о всеобщем и полном разоружении. Казалось, что проблема разоружения сдвигалась с мертвой точки. Однако это только казалось.

Все основные цели и принципы, провозглашенные в совместном советско-американском заявлении, находились в прямом противоречии с интересами фабрикантов оружия США. Они, естественно, о разоружении и не помышляли. Американская военная промышленность продолжала набирать темпы роста. Кеннеди и не пытался остановить этот процесс, ибо знал, что это ему не под силу. Все это и обусловило появление документа, который в 1962 году США внесли на рассмотрение Комитета 18-ти в Женеве под названием «Схема основных положений договора о всеобщем и полном разоружении в условиях мира во всем мире». Это были туманные предложения, которые отодвигали на неопределенные сроки решение проблемы разоружения. Контроль над разоружением вновь подменялся контролем над вооружениями. Так общими усилиями госдепартамента, Пентагона и ЦРУ были сведены на нет наметившиеся положительные сдвиги в связи с подписанием совместного советско-американского заявления.

Против каких-либо мер в области разоружения особенно рьяно выступала американская военщина. В своих мемуарах бывший советник Кеннеди Шлезингер прямо признает, что «объединенная группа начальников штабов... выступала против всеобщего и полного разоружения». Военные объявили планы разоружения «утопией». Они встречали в штыки всякое проявление реализма в американской внешней политике, особенно в вопросах разоружения и запрещения ядерных испытаний.

Гонка вооружений в США продолжалась. Правительство Кеннеди убеждало страну, что американцам необходимо усовершенствовать средства доставки ядерного оружия, увеличить производство ракет различных видов, перевести стартовые площадки многих из них под землю, форсировать создание атомного подводного

флота, вооруженного ракетами «Поларис». Делались призывы «усовершенствовать» систему постоянного воздушного патрулирования самолетов с атомными бомбами на борту.

Игра американской военщины со смертью становилась все более опасной. В США и за границей было уже более десяти крупных инцидентов, когда мог произойти ядерный взрыв. Так, например, бомбардировщик ВВС США В-52 «уронил» ядерную бомбу над штатом Северная Каролина. Упавшая бомба, к счастью, не взорвалась. А могла, несмотря на то что была снабжена несколькими взаимосвязанными предохранительными устройствами. Когда к месту происшествия прибыли специалисты американских ВВС, они ужаснулись. Оказывается, пять из шести предохранителей, установленных на бомбе, при ударе не сработали и только один помешал ей взорваться.

16 января 1962 года в Женеве возобновились переговоры между представителями Советского Союза, США и Англии по разоружению.

Как и ранее, американо-английские предложения выдвигали на первый план не вопрос о запрещении всех испытаний ядерного оружия, а совсем другой вопрос — установление под ширмой международного контроля развернутой разведывательной сети на территории Советского Союза. Представители США и Англии даже выдвинули условие, что если их предложения «по контролю» не будут приняты, то они прервут женевское совещание и выскажутся за передачу вопроса о прекращении ядерных испытаний обратно в Комитет 18 государств по разоружению. Становилось все более ясно, что правительство Кеннеди и не помышляет о действительном разоружении.

Как подтвердили дальнейшие события, ведя переговоры, США и Англия в то же время осуществляли интенсивную подготовку к возобновлению испытаний ядерного оружия в атмосфере. Президент Кеннеди открыто объявил об этом после встречи с премьер-министром Великобритании Макмилланом на Бермудских островах.

14 марта 1962 года в Женеве должен был начать свою работу Комитет 18 государств по разоружению. От результатов этой работы в значительной степени

зависело улучшение атмосферы в международных отношениях. Однако правительства США и Англии отказались дать работе Комитета 18-ти эффективный старт. Ни Кеннеди, ни Макмиллан не изъявили желания лично участвовать в его заседаниях. Противодействие военно-промышленного комплекса США всякому шагу на пути к разоружению сказалось и в этом.

И все же полностью «утопить» проблему разоружения американской дипломатии не удалось. Большая работа, проделанная советской дипломатией в этой области, начинала давать свои плоды.

Во всем мире народами широко признавалось, что разоружение должно быть всеобщим и полным и что нельзя быстро устранить угрозу новой мировой войны с помощью каких-либо частичных, разрозненных мер, осуществление которых сталкивается к тому же с трудными проблемами контроля и сохранения «равновесия сил» в условиях, когда в распоряжении государств остается мощное ракетно-ядерное оружие. 20 декабря 1961 года Генеральная Ассамблея единодушно приняла резолюцию, в которой потребовала как можно скорее обеспечить достижение соглашения о всеобщем и полном разоружении.

Стремясь к реальному решению этой проблемы, Советский Союз 15 марта 1962 года внес на рассмотрение Комитета 18-ти проект договора о всеобщем и полном разоружении под строгим международным контролем. Советское правительство предлагало в соответствии с согласованными принципами провести всеобщее и полное разоружение в три этапа. Оно считало возможным осуществить это в четырехлетний срок.

Что же предприняло в этот момент правительство США? В июне 1962 года оно объявило о том, что намерено осуществить ядерные взрывы на высоте нескольких сот километров, в том числе взрывы мегатонной мощности. Американские правящие круги сделали и другие шаги, усилившие международную напряженность. Так, например, заместитель министра обороны США Гилпатрик заявил, что Пентагону для нанесения эффективного удара «необходимо уточнить систему вражеских целей». Американская военщина в открытую требовала легализации разведки на территории Советского Союза.

Президент Кеннеди также счел возможным выступить с весьма опасным заявлением. Президент заявил, что правительство США считает себя вправе «проявить ядерную инициативу» в случае конфликта с СССР.

ОПАСНЫЙ КУРС

1962 год стал особенно тревожным годом в международных отношениях. Об этом «позаботилось» правительство США.

В деятельности Кеннеди в 1961 году невозможно было рассмотреть какие-либо существенные отличия от политики покойного Даллеса. Если бы загробный мир существовал, то можно не сомневаться, что, заглядывая изредка с небес на землю, Джон Фостер Даллес с удовлетворением улыбался бы, приговаривая: «Молодец, Джон! Ты оказался неплохим учеником, хоть я и не предполагал этого».

Даллес безусловно вспомнил бы свое высказывание: «Для того чтобы заставить страну нести бремя, обусловленное сохранением крупных вооруженных сил, необходимо создать эмоциональную атмосферу, которая была бы сродни психологии войны. Необходимо создать представление об угрозе извне». «Разве не этим занимаются в настоящее время на земле мои коллеги?» — мог бы с полным основанием отметить Даллес.

К началу 1962 года правительство США держало за границей почти половину личного состава своей армии. За рубежами США находилось более половины американских боевых армейских частей. На десятках американских военных баз, разбросанных по всему свету, находилась большая часть ВВС и ВМС США.

В самих США Пентагон становился самым могущественным ведомством. Под началом Роберта Макнамары находилось 3,5 млн. человек. В военной промышленности работало еще 4 млн. человек. Это означало, что в США ни много ни мало — почти 8 млн. человек непосредственно зависели от военного ведомства. Всего, вместе с семьями, от военно-промышленного комплекса зависело до 25 млн. американцев.

Гонка вооружений в США продолжала развертываться по крутой спирали. Уже первый военный

бюджет Кеннеди оставил далеко позади военный бюджет Эйзенхауэра, превысив его на 5 млрд. долл. Новый президент шел на поводу у военных. В 1961 году он четыре раза повышал расходы на вооружения. Громадный военный бюджет планировался правительством Кеннеди и на 1962 год. Для примера можно привести следующие цифры: расходы американской военщины в 1962 году должны были превзойти соответствующие затраты правительства Эйзенхауэра на 7 млрд. долл. Кеннеди не остановил гонки вооружения. Более того, он ее форсировал.

Очень опасной для мира была и линия, взятая правительством Кеннеди по отношению к национально-освободительным движениям. Политика подавления народов, борющихся за свою свободу и независимость, проводилась США и раньше. Однако при Кеннеди эта политика получила новый размах. О планах американского правительства в этой области заявил в феврале 1962 года министр обороны США Макнамара. «Цель нашей политики,— заявил он,— обеспечить наилучшие военные возможности в отношении любых потенциальных конфликтов во всех тех районах земного шара, где свободный мир имеет жизненно важные интересы». Таким образом, методы вооруженного насилия над другими народами не только брались на вооружение правительством Кеннеди, но и совершенствовались. Под них подводилась материальная и военная база.

С санкции президента Кеннеди в США началось формирование и обучение в особых военных лагерях так называемых войск специального назначения. Это означало не что иное, как широкую подготовку США к вооруженному вмешательству во внутренние дела других стран, и прежде всего молодых развивающихся государств. Газета «Уолл-стрит джорнэл» писала в январе 1962 года: армейские части особого назначения «начнут в ближайшее время специальное обучение для подготовки к операциям в Латинской Америке и в Африке с использованием специальных видов оружия и тактики, в то время как уже существующие части готовятся к операциям в Восточной Европе и Азии. Эти люди будут хорошо ознакомлены с языком, обычаями, историей и политикой этих стран».

При Кеннеди продолжало проводиться в жизнь создание американского военного плацдарма в Южном Вьетнаме. В водах, омывающих Вьетнам, постоянно рыскал 7-й флот США. Было учреждено специальное американское военное командование для борьбы с патриотическими силами Южного Вьетнама. В основе политики правительства Кеннеди в Юго-Восточной Азии лежало стремление американских империалистов установить экономическое, политическое и военное господство США в этом районе. Но все это прикрывалось словами о стремлении «защищать свободу и независимость Южного Вьетнама».

Опасный курс правительство США проводило и по другим международным проблемам. Оно отказалось подписать германский мирный договор, цеплялось за политику военных блоков НАТО, СЕАТО, СЕНТО. И наконец, оно не оставило, как показали последующие события, намерений расправиться со свободной Кубой. Да и не только с Кубой.

Во всех многочисленных внешнеполитических доктринах, сочиняемых американскими политиками, красной нитью проходила одна общая мысль: правящие круги США считают себя вправе, когда они того пожелают, вмешиваться в дела других народов, решать за них, как и по какому пути им развиваться. Такая позиция, авантюристическая в своей основе, таила в себе серьезную угрозу всеобщему миру.

Такова была международная обстановка к началу 1962 года. Особенно тревожный ход приняли события в Южном Вьетнаме.

ВЬЕТНАМ: РОКОВЫЕ РЕШЕНИЯ

Одной из самых сложных проблем, с которыми Кеннеди столкнулся, придя в Белый дом, была проблема Вьетнама.

Кеннеди, правда, объявил о «новом курсе» США в Юго-Восточной Азии. Он пытался создать впечатление, что отныне США не будут пытаться навязывать свою волю народам Азии. Однако дела говорили совсем о другом. Политика Кеннеди мало в чем отличалась от даллесовской.

Просматривая в первые дни президентства секретные документы о положении в Южном Вьетнаме, Кеннеди заметил: «Пока это худшее из того, что мне пришлось узнать... Эйзенхауэр совсем не информировал меня о Вьетнаме». Это было отнюдь не случайным. Американские дела в Южном Вьетнаме шли все хуже и хуже. Прогнивший режим Нго Динь Дьема дышал на ладан. Поэтому Эйзенхауэр предпочел осветить Кеннеди положение в Юго-Восточной Азии лишь в самых общих чертах, особо остановившись на Лаосе.

Беседа Кеннеди с Эйзенхауэром состоялась 19 января 1961 года. Оба они с огорчением признали, что, несмотря на все усилия США, национально-освободительное движение растет, одерживает новые победы.

«У коммунистических солдат,— заметил Эйзенхауэр, скосив глаза на тут же присутствовавшего государственного секретаря Гертера в надежде, что тот правильно его поймет,— мораль, по-видимому, всегда выше, чем у солдат, представляющих демократические силы». «Очевидно,— добавил Эйзенхауэр,— в коммунистической философии есть нечто такое, что внушает ее сторонникам определенное вдохновение и преданность их делу».

Обсуждался вопрос и о позиции США в отношении Женевских соглашений по Индокитаю.

В свое время Даллес открыто выступал против Женевских соглашений 1954 года. Он даже не пожелал их обсуждать и демонстративно покинул Женеву еще до того, как начались переговоры. А когда соглашение 21 июля 1954 года было заключено, то американская делегация заявила, что она всего лишь принимает его к сведению. Затем, однако, было заявлено, что США «будут воздерживаться от угрозы силой или ее применения с целью его нарушения». Президент Эйзенхауэр тут же свел это обязательство на нет, заявив, что «США не участвовали в принятии решений и не связаны ими».

В том же 1954 году, в обход Женевских соглашений, США стремились изобрести «юридическую базу» для прямого вмешательства во вьетнамские дела.

23 октября 1954 года Эйзенхауэр направил Нго Динь Дьему послание, где заявил, что США будут помогать сайгонской клике в ее борьбе против «подрывной

деятельности и агрессии», т. е. в борьбе против патриотических сил. США собирались помогать Дьему и его клике убивать южновьетнамских крестьян, объявив их «агрессорами» на своей собственной земле.

С января 1955 года США, в нарушение статей 16 и 17 Женевских соглашений, еще более усилили военную помощь сайгонскому режиму. С 1955 по 1960 год американские военные поставки в Южный Вьетнам составили, только по официальным данным, 571,3 млн. долл. А если учесть расходы Пентагона на так называемые «оборонные мероприятия», то общие расходы Вашингтона в Южном Вьетнаме за этот период превысили 2 млрд. долл.

4 марта 1956 года США и южновьетнамская клика выпустили еще одну торпеду по Женевским соглашениям. В Южном Вьетнаме были организованы сепаратные «выборы». Согласиться в соответствии с Женевскими соглашениями на общенациональные выборы Вашингтон и Сайгон побоялись. Они знали, что их ждет на таких выборах неминуемое поражение.

В Южный Вьетнам стало направляться все больше американских военных. К концу 1960 года их численность достигла 2 тыс. человек. В сайгонском порту разгружались сотни американских кораблей с боеприпасами.

США постепенно превращали Южный Вьетнам в свою военную базу. Действия американских империалистов вызывали гнев и возмущение вьетнамского народа. В конце 1960 года в Южном Вьетнаме был создан Национальный фронт освобождения. В нем объединились все патриотические силы этой части страны, начиная от политических партий и кончая религиозными сектами. За НФО стояли все патриоты Вьетнама. Отпор американским империалистам и их марионеткам стал все более усиливаться.

Политика США в Юго-Восточной Азии при Кеннеди новизной не отличалась. Так же как и весной 1961 года в отношении Кубы, когда ЦРУ готовило вторжение на остров Свободы, информация, поступавшая к Кеннеди по Южному Вьетнаму, вводила его в заблуждение. Президенту регулярно твердили: правительство Нго Динь Дьема при поддержке южновьетнамского населения и американцев «защищает свободу» вьетнамского

народа. Все недовольные режимом Дьема объявлялись «коммунистами» или «сочувствующими им».

Надо сказать, что думающие американские и другие иностранные корреспонденты, аккредитованные в Южном Вьетнаме, пытались публиковать более или менее объективную информацию об истинном положении в Южном Вьетнаме. Кое-что из такой информации время от времени появлялось на страницах американской печати.

Вот что из нее следовало.

Под руководством американских военных советников клика Нго Динь Дьема проводила по отношению к южновьетнамскому населению политику террора и подавления. Социальные проблемы Южного Вьетнама оставались нерешенными. В стране царили коррупция и взяточничество сайгонских чиновников и военных. В результате все большее число южновьетнамцев бралось за оружие, проклиная режим американской марионетки в Сайгоне. Кризис во Вьетнаме продолжал нарастать. Национально-освободительная борьба усиливалась.

В конце 1961 года Кеннеди направил в Южный Вьетнам своего военного советника генерала Максуэлла Тэйлора. Перед отъездом Тэйлора в Сайгон президент вызвал его к себе и долго с ним беседовал. Кеннеди нужен был объективный отчет о Южном Вьетнаме.

Как показали дальнейшие события, худшего советчика для оценки положения и путей выхода из вьетнамского тупика Кеннеди не мог найти. По возвращении из Южного Вьетнама генерал не нашел ничего лучше, как рекомендовать Кеннеди начать наращивание военных сил в этой стране. Такую же рекомендацию президенту дала и объединенная группа начальников штабов. Кеннеди в который раз пошел навстречу требованиям военщины.

Кеннеди направил новых военных советников и новые партии оружия в Южный Вьетнам и Лаос, увеличил военную помощь союзнику по СЕАТО Таиланду.

К марту 1962 года США перебросили в Южный Вьетнам еще 5 тыс. солдат и офицеров. В июне численность американских войск в этой стране достигла 6,5 тыс. человек. В Таиланд также было переброшено 5 тыс. американских военных.

Так под напором военщины решение вьетнамской проблемы ставили на военные рельсы. Кеннеди, очевидно, успокаивал себя мыслью, что каждая уступка будет последней. Но затем он снова и снова уступал давлению Пентагона. Вольно или невольно президент Кеннеди вслед за Эйзенхауэром стал сеятелем вьетнамской трагедии.

Следует иметь в виду, что, как свидетельствует помощник Кеннеди Артур Шлезингер, должностные лица из Сайгона дезинформировали президента.

Ясно, что политику США во Вьетнаме в период президентства Кеннеди разрабатывали те же самые лица, которые в недавнем прошлом готовили вторжение интервентов на Кубу, выступали против нейтралистского правительства Суванна Фумы в Лаосе, а впоследствии пытались разжечь пламя термоядерной войны во время карибского кризиса. Они настойчиво требовали от Кеннеди еще больше «американизировать» южновьетнамскую войну и в значительной степени добились своего.

Кто же были эти люди? К их числу следует прежде всего отнести таких влиятельных деятелей, как министр обороны Макнамара, специальный помощник президента генерал Максуэлл Тэйлор, специальный помощник президента по делам национальной безопасности Макджордж Банди, многочисленные представители Пентагона в ЦРУ.

Особенно большое влияние на Кеннеди, как утверждают, оказывал своими советами М. Банди. Известный американский журналист Макс Фрэнкел в 1966 году писал, что советы Банди имели важное влияние на «эволюцию американской интервенции во Вьетнаме». Люди, сталкивавшиеся близко с Банди, нередко называли его «жестоким человеком». Банди был известен в Белом доме как один из самых ярых апологетов милитаристской политики в Юго-Восточной Азии. Таким Банди остался и после смерти Кеннеди. При президенте Джонсоне Банди сделал все возможное для дальнейшего расширения агрессии во Вьетнаме.

Банди известен в Вашингтоне как представитель нью-йоркской финансовой группы. Он тесно связан с Ловеттом и Макклоем. Именно эта группа, как мы помним, рекомендовала Кеннеди назначить министрами Макнамару и Раска. Первый с большей энергией,

второй с несколько меньшей подталкивали Кеннеди на военную эскалацию во Вьетнаме. Результаты этих усилий, как сейчас совершенно ясно, оказались для США плачевными. В наши дни американский народ оказался втянутым в широкую и совершенно бесперспективную войну против вьетнамского народа.

Если, однако, Кеннеди испытывал колебания в вопросе о том, насколько оправданно и, главное, эффективно было бы непосредственное участие американской армии в военных действиях против южновьетнамского населения, то в отношении целей США во Вьетнаме он не расходился ни с Пентагоном, ни с госдепартаментом.

Зимой 1961 года в Вашингтоне был разработан специальный план подавления национально-освободительного движения в Южном Вьетнаме. План был одобрен Кеннеди. Предусматривалась активизация военной «помощи» сайгонскому режиму. Авторы плана утверждали, что если его рекомендации будут претворены в жизнь, то Дьем сможет выиграть войну в течение полутора лет.

Для обследования положения дел на месте Кеннеди направляет в Южный Вьетнам вице-президента Джонсона. В Сайгоне вице-президент прежде всего занялся тем, что стал восхвалять диктатора Дьема, заявив, что последний является «Черчиллем Южной Азии». Частные беседы Джонсона с «азиатским Черчиллем» носили более конкретный характер. Обсуждались вопросы увеличения военной «помощи» сайгонскому режиму.

По возвращении в Вашингтон Джонсон употребил все свое влияние, чтобы убедить Кеннеди «не уходить» из Южного Вьетнама. Он призвал Кеннеди принять «важные решения» в отношении Юго-Восточной Азии, сделать все, чтобы помочь режиму Дьема военными средствами.

Вскоре после поездки вице-президента Джонсона в Южный Вьетнам туда была направлена «экономическая миссия» во главе с профессором Е. Стейли. Миссия выработала план военного подавления южновьетнамцев, который был замаскирован программой «экономического развития» Южного Вьетнама. Однако, несмотря на рекомендации и этой миссии, положение клики Дьема продолжало ухудшаться.

Затем во Вьетнам отправился с новой миссией генерал Максуэлл Тэйлор. Проведя «расследование», гене-

рал заявил, что проблему Южного Вьетнама можно решить лишь военным путем. Тэйлор потребовал более активного использования американской авиации в Южном Вьетнаме. Он ратовал за посылку во Вьетнам 10 тыс. солдат, причем они должны были бы принять участие в военных действиях.

Кеннеди дает указание увеличить помощь США Сайгону путем посылки туда дополнительного числа военных, снабжения южно-вьетнамской армии более современными видами оружия и обмундированием, улучшения системы коммуникаций, поставки дополнительных транспортных средств и налаживания разведывательной работы. Кеннеди, однако, воздержался от ввода в Южный Вьетнам американских боевых подразделений. Он не согласился с предложениями Тэйлора о прямом участии американских солдат в военных действиях против южновьетнамского населения.

Это решение президента было встречено военно-промышленным комплексом США, Пентагоном и ЦРУ, а также госдепартаментом с большим недовольством. Они еще более усилили нажим.

Кеннеди стали все чаще обвинять в том, что он действует во Вьетнаме с позиции «слабости». Насколько чувствителен был президент к подобного рода разговорам, можно видеть хотя бы из того, что он вскоре дает указание соответствующим ведомствам подготовиться к введению американских боевых частей во Вьетнам, «если это будет необходимо».

Кое-кто из американских политических деятелей уже понимал, что курс, предложенный генералом Тэйлором и активно поддерживаемый Пентагоном, ошибочен. К их числу, в частности, относился американский посол в Индии Д. Голбрейт. Кеннеди поручил Голбрейту посетить Сайгон и сообщить ему свои рекомендации.

Вскоре Голбрейт направил в Вашингтон свой отчет. Он обращал внимание Кеннеди на то, что сайгонский режим совершенно неэффективен, и подчеркивал, что сами южновьетнамские крестьяне выступают против режима Дьема. Американский посол в Дели прозрачно намекал Кеннеди на то, что без устранения Дьема США нечего и мечтать о каком-либо успехе в Южном Вьетнаме. Точку зрения Голбрейта поддержал и известный американский политический деятель Аверелл Гарриман.

Нетрудно заметить, что как Голбрейт, так и Гарриман не собирались отказываться от целей США во Вьетнаме. Однако они считали, что проблемы США в Южном Вьетнаме носят скорее не военный, а политический характер.

Таковы были две различные точки зрения на методы, с помощью которых США могли рассчитывать достичь своих целей в Южном Вьетнаме. Одни советники предлагали Кеннеди добиваться этих целей с помощью военных действий, другие призывали уделить больше внимания политическим средствам. Сторонники активизации прямых военных усилий США в Южном Вьетнаме одержали верх.

В декабре 1961 года Кеннеди еще крепче привязывает США к колеснице вьетнамской войны. 15 декабря он обменивается письмами с Нго Динь Дьемом. Президент подтверждает решимость США продолжать оказывать поддержку сайгонскому режиму. Вместе с тем он призывает клику Дьема вести более энергичную войну против национально-освободительного движения. Для «успокоения» южновьетнамского населения Кеннеди рекомендует использовать и «социальные» реформы.

Пропаганда США стала широко распространять версию о том, что сайгонскому режиму, поддерживаемому США, «удалось справиться» с положением и что движение против этого режима пошло на спад. На деле положение в Южном Вьетнаме было совершенно иным.

Бойцы национально-освободительного движения продолжали теснить марионеточные войска Дьема. За период президентства Кеннеди патриотические силы Южного Вьетнама уничтожили или взяли в плен 300 тыс. солдат противника, а также более 2 тыс. американских солдат и офицеров. Между тем южновьетнамская военщина грызлась между собой. Клика Дьема постепенно распадалась на враждующие друг с другом группировки.

В начале 1963 года, обеспокоенная судьбой позиций США в Южном Вьетнаме, газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала серию статей своего корреспондента в Сайгоне Дэвида Хэлберстема, в которых подвергался сомнению курс правительства Кеннеди в Южном Вьетнаме. Кеннеди по совету госдепартамента потребовал от

газеты отзыва Хэлберстема из Сайгона. Стремясь успокоить американское общественное мнение, Кеннеди в январе 1963 года заявил конгрессу, что «дела режима Дьема и США идут неплохо». Это была иллюзия.

К середине 1963 года в американской печати появляется все больше статей, в которых содержатся крупицы правды об истинном положении в Южном Вьетнаме. Публикуются фотографии буддистских монахов, сжигающих себя в знак протеста против режима Дьема.

Посол Сайгона в Вашингтоне, почуяв приближение краха, подал в отставку. Из американского посольства в Вашингтон летят все более тревожные телеграммы, свидетельствовавшие, что Нго Динь Дьем перестает пользоваться какой-либо поддержкой даже в самом Сайгоне.

21 августа 1963 года Кеннеди созывает в Белом доме чрезвычайное совещание по вьетнамской проблеме. На нем было принято решение отмежеваться от наиболее неуклюжих действий правительства Дьема. 23 августа госдепартамент выступил с заявлением, что «правительство Южного Вьетнама нарушило свои заверения о том, что оно проводит политику примирения с буддистами и что США порицают репрессивные меры подобного типа».

Кеннеди направляет Дьему личное послание, в котором отмечает, что последний теряет «поддержку общественности». Кеннеди снова требует от Дьема «гибкой внутренней политики», предупреждая, что в противном случае правительству США будет все более трудно осуществлять свою «помощь» сайгонскому режиму.

Вскоре в Сайгон приезжает новый американский посол Генри Кэбот Лодж. Затем Кеннеди отзывает из Сайгона представителя ЦРУ, который был известен как сторонник Дьема. В своих тревожных посланиях Лодж убеждает Кеннеди в том, что для США было бы выгодно устранение Дьема.

За замену Дьема другой марионеткой выступили и госдепартамент, Аверелл Гарриман, помощник государственного секретаря Р. Хилсман. Пентагон и ЦРУ, однако, настаивали на том, чтобы замены не производить.

По признанию помощника президента Соренсена, «военные и ЦРУ, с другой стороны, поддерживали то, как ведется война, и руководство Дьема и ставили под

сомнение возможность найти другого такого же способного лидера, который пользовался бы доверием народа и смог бы проводить так же энергично военные действия». В Вашингтоне у клики Дьема было все еще много покровителей.

Летом и осенью 1963 года недовольство южновьетнамцев проамериканским режимом Дьема достигло апогея. В результате взрыва народного гнева, который южновьетнамская военщина смогла повернуть в нужном для себя направлении, режим Нго Динь Дьема пал, сам диктатор был убит, но на смену ему пришел другой.

Правительство США срочно посадило на место Дьема новую марионетку. Политика военного вмешательства продолжалась. Следует, однако, заметить: к концу своих дней Кеннеди подходит к мысли о том, что продолжать такую политику во Вьетнаме бессмысленно. За несколько недель до смерти он заявляет: «Мы можем помогать им, мы можем предоставлять им снаряжение, мы можем посылать туда своих людей в качестве военных советников, но выиграть войну должны они сами».

В этом высказывании президента наряду с демагогическими нотками заметны определенные проблески реалистического подхода к вьетнамской проблеме. Кеннеди, очевидно, начинал понимать, что прямое американское вмешательство в дела Южного Вьетнама обречено на провал.

Американский монополистический капитал выступал за военную эскалацию. Авантюра во Вьетнаме до поры до времени приносила ему прибыли.

Не так давно, отвечая на вопрос прессы, является ли война во Вьетнаме прибыльным бизнесом, видный американский политический деятель Д. Кеннан заявил, что от этой войны «известную выгоду имеют, несомненно, те промышленные отрасли, которые поставляют армии оружие и материалы». Эти промышленные отрасли, по его мнению, «приняли бы прекращение военных операций лишь в том случае, если бы получили гарантию, что будут продолжать поставки армии». Более откровенно о заинтересованности американских монополий в продолжении войны поистине трудно сказать!

Политика США в Азии, и особенно во Вьетнаме, политика, опирающаяся исключительно на военную силу,— яркое свидетельство глубокого кризиса внешней политики США, непонимания ее руководителями процессов общественного развития, изменившейся обстановки в мире.

Президент Кеннеди, хотя он и испытывал при этом довольно большие сомнения, вслед за Эйзенхауэром продолжил грубое вмешательство во внутренние дела вьетнамского народа.

КАРИБСКИЙ КРИЗИС

Осенью 1962 года в международных отношениях вспыхнул самый опасный со времени окончания второй мировой войны кризис. Острота этого — карибского — кризиса была настолько велика, что она заставила наиболее дальновидных государственных деятелей США и Западной Европы по-новому взглянуть на международные отношения. Пересматривались старые догмы, их место занимали более или менее трезвые суждения.

В западной печати и исследованиях по международным отношениям до сих пор дебатируется вопрос о том, что «приобрели и потеряли» США в результате вспышки и последовавшего за ней урегулирования кризиса в районе Карибского моря. При этом нередко делается попытка представить действия правительства Кеннеди в этот период «вынужденными», а также приписать США некую «победу» над Советским Союзом. Нет ничего более далекого от действительности. И это становится ясно по мере того, как октябрь 1962 года все дальше уходит в глубь истории.

Что явилось причиной вспышки карибского кризиса?

Международная обстановка осенью 1962 года была очень противоречивой.

США усиливали военное вмешательство в Южном Вьетнаме. В районе Тихого океана Пентагон проводил ядерные испытания в атмосфере. Европейская пороховая бочка продолжала тлеть, вызывая приступы реваншизма в Бонне. Вместе с тем в Женеве шли переговоры по разоружению. Между СССР и США имел место до-

вольно обстоятельный обмен мнениями по германской проблеме. Налицо было некоторое сближение позиций по вопросам, связанным с ликвидацией остатков второй мировой войны в Европе. Но это не позволяло верить в то, что здравый смысл в европейских делах в конце концов возьмет верх над политикой оттяжек и проволочек. Слишком уж часто в прошлом американские дипломаты, сказав в вопросах внешней политики «а», никак не решались сказать «б».

Политика правительства США в отношении Кубы приобретала открыто провокационный и опасный характер. Уроки поражения в заливе Кочинос многими реакционерами в США начинали забываться. Конгресс США принял резолюцию, где недвусмысленно подчеркивалось, что США полны решимости «любыми средствами, какие бы ни потребовались, вплоть до применения оружия», бороться против кубинского народа. Сенатор от штата Нью-Йорк Китинг летом 1962 года возглавил неистовую пропагандистскую кампанию, целью которой было заставить правительство США усилить агрессивные действия против Кубы. В американскую армию призывались все новые тысячи резервистов. Во Флориде ЦРУ продолжало подкармливать и финансировать тысячи кубинских контрреволюционеров.

В связи с усилением воинственных приготовлений США против Кубы, 11 сентября 1962 года Советское правительство обратилось с призывом к правительству Кеннеди прекратить разнузданную антикубинскую пропаганду. От внимания советской общественности не ускользнул факт мобилизации США 150 тыс. резервистов. Такой шаг еще более накалил международную обстановку. Серьезную тревогу вызывали и попытки Вашингтона организовать экономическую блокаду Кубы. Все более явно стали вырисовываться контуры нового американского плана, направленного на разгром кубинской революции.

Учитывая все это, Советский Союз призвал правительство США «проявить благоразумие, не терять самообладания и трезво оценить, к чему могут привести его действия, если оно развяжет войну». Москва указывала прямой путь к полной нормализации положения в районе Карибского моря. «Вместо того чтобы накаливать

атмосферу такими действиями,— говорилось в заявлении ТАСС,— как мобилизация резервистов, равносильная угрозе начать войну, было бы куда более разумно, если бы правительство США, проявив мудрость, сделало бы добрый жест — установило бы дипломатические и торговые отношения с Кубой, о желательности чего недавно заявлялось со стороны кубинского правительства.»

Все миролюбивые предложения Советского Союза в Белом доме и госдепартаменте игнорировали. За этим легко угадывалось нежелание нормализовать обстановку в районе Карибского моря.

В этих условиях задачей первостепенной важности стало укрепление обороноспособности Кубы. Правительства СССР и Кубы пришли к выводу, что политике угроз и агрессии в отношении острова Свободы должен быть дан решительный отпор. Была достигнута договоренность о поставке в оборонительных целях на Кубу советских ракет среднего радиуса действия.

Принимая это решение, СССР и Куба руководствовались исключительно мирными целями. Они стремились пресечь новую американскую агрессию против кубинского народа, оградить мирный труд кубинцев от посягательств интервентов. При этом оба правительства действовали строго в рамках норм международного права.

Что касается политики правительства США в районе Карибского моря, то она, напротив, прямо противоречила нормам международного права. Обратимся к фактам.

Правительство США в борьбе против Кубы уже использовало однажды прямую агрессию. Вашингтон отказывался дать какие-либо гарантии, что агрессия еще более широкого масштаба не повторится в будущем. Правительство США продолжало укреплять сеть своих военных баз в районе Карибского моря. ЦРУ усиленно плело вокруг Кубы сети заговоров и диверсий.

Такие действия были частью глобальной экспансионистской политики США, проводившейся ими многие годы. Никто также не может отрицать того очевидного факта, что на протяжении многих лет США создавали вокруг социалистических стран, и в первую очередь вблизи границ СССР, наступательные военные базы.

Причем эти базы, обильно оснащенные ракетами и бомбардировочной авиацией, создавались в странах, которым никто не угрожал. По сути дела, американские правящие круги пытались утвердить свое «право» держать ракеты, самолеты и войска там, где им заблагорассудится.

Советское правительство неоднократно предлагало правительству США вообще отвести все американские и советские войска в пределы национальных границ. Эти предложения, как известно, неизменно отвергались Вашингтоном.

Любому ясно, однако, что если какое-либо государство, в данном случае США, считает себя вправе под предлогом своей «безопасности» осуществлять определенные агрессивные акции на международной арене, то оно не имеет никаких оснований требовать от других отказа от принятия ответных — оборонительных мер.

Американская пропаганда вплоть до настоящего времени пытается доказать, что карибский кризис явился якобы результатом односторонних действий Советского Союза и что Кеннеди был «вынужден» пойти на обострение. Эти утверждения, однако, далеки от истины.

Корни карибского кризиса господам из США следует, конечно, искать не в отдельных шагах Советского правительства по укреплению обороноспособности Кубы, а в своей собственной политике агрессивных происков и непродуманных международных акций, попирающих безопасность других государств и народов. Корни кризиса лежат в стремлении США обеспечить себе «монопольное право» на «безопасность», отрицая право других народов на оборону.

Карибский кризис начался с очередного нарушения американскими разведывательными самолетами У-2 суверенитета Республики Куба. В течение всего сентября 1962 года У-2 осуществляли многочисленные полеты над кубинской территорией. Все эти полеты были санкционированы Кеннеди. Полеты американских разведывательных самолетов над Кубой лишний раз доказывали, что Вашингтон вновь готовит нападение на остров Свободы.

14 октября 1962 года очередной самолет-шпион нарушил границы Кубы. Произведя с большой высоты

аэрофотосъемку кубинской территории, самолет вернулся на базу. Начался процесс обработки и изучения разведывательных данных. Они свидетельствовали о том, что Куба становится для американских империалистов все более крепким орешком. О полученных данных доложили руководителям ЦРУ и Пентагона. Затем в известность о полученных данных был поставлен специальный помощник президента Макджордж Банди. Последний не проявил особой спешки в том, чтобы сообщить «новость» Кеннеди. Да, собственно говоря, «новость» состояла лишь в том, что Куба продолжает усиливать свою обороноспособность, размещая на своей территории ракеты среднего радиуса действия.

Ранним утром 16 октября между Банди и представителями американской разведки состоялась длительная беседа. Кеннеди все еще оставался в неведении относительно дела, из-за которого он несколькими днями позже чуть было не вверг мир в термоядерную войну. Только после тщательного инструктажа со стороны ЦРУ Банди направился к президенту.

Кеннеди завтракал, просматривая утреннюю прессу. Нетрудно представить, что специальный помощник говорил президенту. На вопрос Кеннеди: «Что все это означает по существу?» — Банди стал доказывать, что размещаемые на Кубе ракеты могут быть использованы в «наступательных целях» против США. И хотя Кеннеди и окружавшие его лица отлично знали, как признал впоследствии Соренсен, что появление на Кубе ракет среднего радиуса действия не может изменить военного баланса сил СССР и США, основывающегося главным образом на межконтинентальных стратегических ракетах, тем не менее они сразу же решили использовать ситуацию.

Они сознательно игнорировали тот факт, что размещение советских ракет среднего радиуса действия на Кубе было предпринято только после того, как правящие круги США бесчисленное количество раз отвергали предложения о ликвидации американских военных баз, в том числе и ракетных, на чужих территориях. Между тем всякому непредубежденному человеку было ясно, что советские ракеты на Кубе появились лишь после того, как резко возросла опасность повторной американской агрессии против этой страны.

Чего стоили одни только запланированные в Пентагоне на вторую половину октября большие военные «учения», которые служили камуфляжем для сосредоточения во Флориде и на близлежащих американских военных базах большого количества войск. Сюда было стянуто ни много ни мало — 40 тыс. морских пехотинцев. 5 тыс. солдат морской пехоты расположились на самой Кубе, на базе Гуантанамо. Наготове находились 82-я и 101-я воздушнодесантные дивизии. Всего в одной только Флориде было 100 тыс. американских солдат и офицеров, которые в любую минуту могли осуществить нападение на Кубу. На службу были призваны 14 тыс. резервистов для обслуживания самолетов транспортной авиации. Все эти мероприятия начали осуществляться еще задолго до того, как разразился кубинский кризис. Чтобы пустить в ход всю эту военную машину, нужен был удобный предлог. И в Вашингтоне решили, что советское оборонительное оружие на Кубе и является таким предлогом.

Первое совещание для определения курса действий правительства США в отношении Советского Союза и Кубы было созвано Кеннеди в Белом доме 16 октября в 11 часов 45 минут. С самого начала плотная пелена секретности окутала деятельность всех посвященных в это дело лиц. Кеннеди распространил специальную директиву, в которой потребовал сохранения в глубочайшей тайне планов правительства. Американская политическая верхушка лихорадочно совещалась. Вслед за утренней встречей в Белом доме днем последовало совещание в госдепартаменте. Затем в 18 часов 30 минут Кеннеди созывает еще одно совещание в Белом доме.

Узкая группа, на которую опирался Кеннеди во время карибского кризиса, состояла из следующих лиц: Линдон Джонсон, Раск, Макнамара, Роберт Кеннеди, генерал Тэйлор, Маккоун, Диллон, Стивенсон, Банди, Соренсен, Болл, Гилпатрик, Томпсон, Алексис Джонсон, Ачесон и Ловетт.

Уже на первом совещании в Белом доме американская военщина, верная себе, предложила Кеннеди предпринять воздушный налет на Кубу с целью уничтожения оборонных объектов, складов и аэродромов. Раздавались также требования завершить это нападение с воздуха вторжением с моря. Американские

генералы требовали разрешения осуществить не просто воздушный налет, а серию массированных воздушных налетов. (Они планировали для начала произвести 500 бомбежек.) Конечная цель военщины была ясна — уничтожение народной власти на Кубе.

Были среди ближайших советников Кеннеди и люди более уравновешенные. Они не соглашались с доводами военных, считая предложенный ими путь слишком рискованным для США. В числе этих более осторожных политиков были прежде всего те, кто считался «экспертами по советским делам». Одним из них был Луэллин Томпсон. Сторонником более осторожной тактики был и брат президента Роберт Кеннеди. Однако представители Пентагона и ЦРУ добились согласия Кеннеди на дальнейшее усиление американской военной базы, расположенной на территории Кубы,— Гуантанамо.

На этих первых заседаниях было решено не ставить в известность об американских действиях союзные правительства.

Надо сказать, что на западноевропейских политиков, даже проамерикански настроенных, это решение, когда о нем стало известно, произвело удручающее впечатление. Что бы там ни говорили американские политики и как бы впоследствии ни изощрялся официальный Вашингтон, доказывая, что отсутствие консультаций с союзниками по НАТО было необходимо правительству США для сохранения «секретности», остается фактом: Вашингтон принимал ответственные политические решения без ведома и согласия высших руководителей Западной Европы.

Нет нужды подробно останавливаться на всех агрессивных и провокационных планах, предлагавшихся Кеннеди его советниками для «урегулирования» возникшей ситуации. В конце концов окружение Кеннеди, за исключением отдельных лиц, пришло к выводу, что прямая агрессия американского флота, армии и авиации против усиленной в оборонном отношении Кубы была бы слишком рискованна для США.

Тогда военные вновь стали требовать осуществления воздушного налета на Кубу. Большая часть советников высказалась в пользу морской блокады. Сам президент все больше склонялся в пользу последнего предложения, которое, конечно, само по себе представляло собой

грубейшее нарушение норм международного права и Устава ООН.

18 октября Кеннеди отдает указание об образовании двух секретных групп (подкомитетов) из числа лиц, принимавших участие в выработке «решительных шагов». Группы должны были представить президенту развернутый план осуществления как воздушного налета на Кубу, так и морской блокады.

В Пентагоне, ЦРУ и госдепартаменте начался настоящий шабаш ведьм. Американская военщина предложила Кеннеди осуществить блокаду нефти, поступающей для Кубы из Советского Союза. Это необходимое для любой экономики сырье также объявлялось «наступательным», так как оно-де необходимо для военной техники. Крайне правые толкали Кеннеди к осуществлению таких шагов, которые не оставляли бы другой стороне никакой иной возможности, как ответить на применение силы силой.

Уверовав в версию ЦРУ, что советское оборонительное оружие на Кубе может быть использовано в целях «нападения на США», Кеннеди решился стать на чрезвычайно опасную дорогу агрессивных акций в отношении Советского Союза и Кубы.

19 октября Кеннеди на полтора дня улетел в западные штаты для ведения избирательной кампании.

Пока президент отсутствовал, ЦРУ и Пентагон предприняли новые попытки навязать группе советников решение о воздушном налете на Кубу. Представители военщины и разведки настаивали на том, что Кеннеди надо рекомендовать воздушный налет. Все другие меры, утверждали они, являются «явно недостаточными». «Теперь или никогда»,— заявляли сторонники горячей войны.

Против такого чреватого для самих США катастрофическими последствиями курса выступили Роберт Кеннеди и Теодор Соренсен. Государственный секретарь Раск отмалчивался.

И это было далеко не случайно. О роли, которую Раск сыграл в том, что вторжение на Кубу готовилось без каких-либо помех со стороны госдепартамента, говорит следующий факт. Начальник отдела разведки и исследований госдепартамента США Роджер Хилсман, поддерживавший связь госдепартамента с ЦРУ, на

одной из бесед у главы американской разведки из случайной реплики, брошенной Алленом Даллесом, понял, что в отношении Кубы «что-то затевается». Раск подтвердил его догадку. Но когда Хилсман, не веривший в успех планируемой операции, предложил государственному секретарю использовать «специалистов госдепартамента по Кубе» для «исследования проблемы», с тем чтобы иметь аргументы против интервенции, Раск ответил ему: «Извините, но я не могу вам разрешить сделать это. Все слишком засекречено». Так Раск, по существу, самоустранился от каких-либо действий, которые могли бы помешать Аллену Даллесу в осуществлении планов вторжения на остров Свободы.

По мере нарастания событий в американской политической и военной верхушке образовались две группы людей, из которых одна придерживалась еще более авантюристического курса действий, чем другая. Одни готовили для президента предложения по блокаде, а вторые — по военной агрессии на Кубу с воздуха, моря и суши.

Сразу же по возвращении в Вашингтон Кеннеди собирает новое совещание. Военные при поддержке ряда других деятелей снова требуют массированного воздушного налета. Кеннеди отвергает это требование и поддерживает предложение о морской блокаде Кубы. Он заменяет в текстах готовящихся документов слово «блокада» на «более спокойное», по его мнению, слово «карантин». На самом деле причина этой игры словами была другой. В международном праве существует вполне определенное суждение о том, что представляет собой морская блокада. Она является, как признают ведущие авторитеты в области международного права, в том числе и американские, актом войны. Поэтому правительство Кеннеди и занялось семантическим жонглированием. Однако было вполне очевидно, что оно шло на открытое нарушение норм международного права, став на путь агрессивных действий в отношении другой великой державы — СССР и Республики Куба.

Своими действиями в период карибского кризиса правительство США способствовало быстрому осознанию многими западноевропейскими политиками того очевидного факта, что зависимость в вопросах войны и

мира от капризов Вашингтона таит для их стран грозную опасность. Стремясь добиться эгоистических целей, правительство США основательно подорвало свой и без того пошатнувшийся престиж в глазах западноевропейцев. Об этом свидетельствует первая реакция западноевропейской прессы на опрометчивые шаги, предпринятые президентом Кеннеди 22 октября 1963 года.

Конечно, после того как правительства стран НАТО несколько оправились от первого шока, вызванного действиями американской политической верхушки, критика действий правительства Кеннеди в западной печати несколько поутихла, и официальными лицами ряда стран Западной Европы были сделаны дежурные заявления о том, что действия США были якобы «вынужденными» и что они поддерживают их. Однако делалось это без энтузиазма.

Можно также отметить, что, по мере того как события октября 1962 года все более отходили в область истории, в западноевропейской политике усилился поиск основ коллективной безопасности в Европе. Исключением являлись лишь ФРГ, а также Испания и Португалия. Что касается подавляющего числа западноевропейских государств, и в первую очередь Франции, Италии, Великобритании, то они стали с более трезвой меркой подходить к своим отношениям с социалистическими странами, и в том числе с Советским Союзом.

Основную роль в активизации этого процесса сыграл не карибский кризис как таковой, а последовательная борьба Советского Союза и других социалистических стран Европы за оздоровление международной обстановки на континенте. Но действия правительства Кеннеди в октябре 1962 года объективно явились своего рода катализатором начала заметного отхода ряда западноевропейских стран от США.

В те дни американское правительство решило в своих опасных действиях игнорировать не только союзников по НАТО, но и все латиноамериканские страны. Дело в том, что Кеннеди не был уверен в поддержке действий США даже со стороны Организации американских государств. Поэтому президент прямо заявил своим помощникам, что он намерен осуществить блокаду Кубы, даже если ОАГ ее не одобрит.

Днем 22 октября Кеннеди совершил обычный в США ритуал при принятии особо важных решений. Он информировал бывших президентов Гувера, Трумэна и Эйзенхауэра о планируемых шагах. Затем, за два часа до своего выступления по телевидению, Кеннеди встретился с двадцатью наиболее влиятельными деятелями конгресса США. Многие из них были срочно доставлены в Вашингтон на военных самолетах и вертолетах. Агрессивный запал конгрессменов сразу же дал себя знать. Они даже не стали вдаваться в суть дела. Сенатор Рассел, известный своими близкими связями с ЦРУ, потребовал, чтобы блокада Кубы была заменена вторжением. Его поддержал ряд других конгрессменов. Даже обычно выдержанный сенатор Фулбрайт высказался за вторжение. Рассел и компания стали оказывать сильнейшее давление на Кеннеди, чтобы он изменил свое решение в пользу вторжения. Все другие шаги, заявил воинственный сенатор, явились бы «полумерами».

Приближалось время выступления президента по телевидению. Покинув наконец разбушевавшихся конгрессменов, Кеннеди проворчал: «Если они хотят заполучить мою работу, они могут ее иметь — мне она не доставляет большой радости»...

В 19 часов по вашингтонскому времени Кеннеди зачитал по телевидению свое заявление. В нем мелькал набор пропагандистских фраз о «наступательных русских ракетах», «несчастных кубинцах», «нарушении Советами своих обязательств», «цене свободы», «необходимости осуществить карантин»...

Начался карибский кризис.

К 22 октября американское правительство сконцентрировало вокруг Кубы крупные соединения военно-морского флота (183 корабля), военно-воздушных сил, парашютистов и морскую пехоту. В полную боевую готовность были приведены войска США в Западной Европе. Сигнал военной тревоги прозвучал на кораблях 6-го и 7-го флотов, рыскавших в Средиземном море и в районе острова Тайвань. В воздух были подняты сотни бомбардировщиков стратегической авиации.

То, чего так долго добивалась американская военщина и ЦРУ, осуществлялось. Мир стоял у порога термоядерной войны. Развязанный Вашингтоном кризис грозил атомной смертью десяткам миллионов людей.

Надо сказать, что, чем больше обострялся карибский кризис, тем все более осторожным в своих действиях делался президент Кеннеди. Есть все основания полагать, что в этот период он еще и еще раз раздумывает над последствиями термоядерной войны для США.

Обстановка и настроения президента Кеннеди в те дни так описаны его ближайшим помощником Соренсеном: «Президент еще никогда не был настолько одиноким, как во время первой ядерной конфронтации. Джон Кеннеди никогда не терял из виду, что означали бы как война, так и капитуляция для всей человеческой расы. Его представители в ООН готовились к переговорам о мире, а его объединенная группа начальников штабов готовилась к войне. Кеннеди намеревался держать всех на привязи».

Однако выпущенный из бутылки джин «ядерной конфронтации» было не так-то легко загнать обратно. Пентагон и ЦРУ нагнетали напряженность. Поэтому нетрудно представить, в каком опасном направлении развивался бы карибский кризис, если бы не мудрые действия Советского Союза.

В заявлении Советского правительства от 23 октября 1962 года фактическое установление США морской блокады Кубы было с полным основанием оценено как «беспрецедентные агрессивные действия». Внимание правительств других стран и мировой общественности обращалось на то, что империалисты США готовы «толкнуть мир к пропасти военной катастрофы». «Народы всех стран,— указывалось далее в документе,— должны ясно представлять себе, что, идя на такую авантюру, Соединенные Штаты Америки делают шаг на пути к развязыванию мировой термоядерной войны. Нагло попирая международные нормы поведения государств и принципы Устава Организации Объединенных Наций, США присвоили себе право, и объявили об этом, нападать на суда других государств в открытом море, т. е. заниматься пиратством...

По Уставу ООН все страны, большие или малые, имеют право строить свою жизнь по-своему, принимать те меры к обеспечению своей безопасности, которые они считают необходимыми, давать отпор агрессивным силам, покушающимся на их свободу и независимость. Не считаться с этим — значит подорвать саму основу суще-

ствования ООН, ввести в международную практику законы джунглей, порождать бесконечные конфликты и войны.

В этот тревожный час Советское правительство считает своим долгом обратиться с серьезным предостережением к правительству США, предупредить его, что, осуществляя меры, объявленные президентом Кеннеди, оно берет на себя тяжелую ответственность за судьбы мира, ведет безрассудную игру с огнем». Заявление подчеркивало, что «если агрессоры развяжут войну, то Советский Союз нанесет самый мощный ответный удар». Президента Кеннеди вновь призвали принять советское предложение о ликвидации военных баз, находящихся на чужих территориях в различных частях света.

Вместе с тем Советское правительство поставило в ООН вопрос о немедленном созыве Совета Безопасности для рассмотрения вопроса «О нарушении Устава ООН и угрозе миру со стороны Соединенных Штатов Америки».

Советское правительство приняло все необходимые меры к тому, чтобы СССР не оказался застигнутым врасплох и был в состоянии дать сокрушительный отпор агрессорам. В ракетных войсках стратегического назначения, в войсках противовоздушной обороны и на подводном флоте было задержано увольнение старших возрастов и отменены отпуска всему личному составу. Командование объединенных вооруженных сил стран Варшавского договора провело ряд мер по повышению боевой готовности войск и флотов.

Представители Советского Союза в ООН осудили действия правительства США и потребовали прекратить всякое вмешательство во внутренние дела Республики Куба.

С призывом приостановить карантинные меры к президенту Кеннеди обратился исполняющий обязанности генерального секретаря ООН У Тан. Кеннеди, по существу, игнорировал это предложение.

В свою очередь Советское правительство в ответ на переданный телеграммой призыв У Тана «воздержаться от любых действий, которые могут обострить положение и принести с собой риск войны», заявило, что оно согласно с его предложением.

25 октября У Тан направил Советскому правительству вторую телеграмму, в которой вновь выдвигал идею мирного урегулирования карибского кризиса. Он просил «советские суда, уже находящиеся на пути в Кубу, держаться в стороне от района перехвата только в течение ограниченного времени», с тем чтобы могли быть проведены обсуждения различных вариантов возможного соглашения, которое могло бы урегулировать проблему мирным путем в соответствии с Уставом ООН.

Второе послание У Тана в свой адрес Кеннеди игнорировать не решился. Он также согласился принять меры, чтобы исключить соприкосновение американских судов с советскими. Президент Кеннеди сделал это вопреки военщине. Адмиралы, например, требовали от него согласия на то, чтобы военные корабли США вышли из зоны карантина еще дальше в открытый океан и спровоцировали столкновения с советскими судами. Произошло, как отмечает в своих мемуарах Соренсен, «острое столкновение с представителями военно-морских сил».

Осложнить и без того накаленную обстановку стремились и другие должностные лица США. 26 октября представитель госдепартамента США, нарушив инструкцию президента, во время беседы с журналистами сделал упор на ту часть выступления Кеннеди по телевидению 22 октября, где отмечалось, что «оправданными будут дальнейшие действия». Печать монополий подхватила намек. В газетах появились многочисленные сообщения о том, что вот-вот начнется вторжение или воздушный налет на Кубу. Это также была своеобразная форма давления на президента. Рассказывают, что, узнав об этом не санкционированном Белым домом шаге госдепартамента, Кеннеди пришел в ярость. Он вызвал Раска и других сотрудников госдепартамента и прочитал им гневную нотацию.

Затем произошел случай, вновь подливший масла в огонь. Защищая свои воздушные рубежи, части кубинской противовоздушной обороны сбили американский разведывательный самолет У-2. Сторонники войны вновь потребовали осуществить воздушный налет на Кубу, а затем и вторжение. Кеннеди снова отклонил эти требования.

Но провокационные действия со стороны США не прекращались. 28 октября американский самолет глубоко вторгся в пределы советской территории в районе Чукотского полуострова. В сложившейся общей опасной для дела мира ситуации советская сторона проявила выдержку. Советские военные могли сбить нарушителя, но не сделали этого. Американский самолет повернул обратно. В Вашингтоне хранили молчание по поводу случившегося. Лишь позже, вынужденный дать ответ на протест Советского правительства, госдепартамент вновь (уже в который раз!) заявил, что самолет США залетел на советскую территорию в результате «навигационной ошибки» и «сильного ветра».

Если вспомнить, что незадолго до этого инцидента, 30 августа, еще один американский самолет нарушил государственную границу СССР в районе Южно-Сахалинска и в течение девяти минут летел над советской территорией, то вполне можно усомниться в том, что оба эти инцидента были случайными. Они гораздо больше походили на провокации. Причем они предпринимались США несмотря на заявление президента Кеннеди 25 января 1961 года о том, что он отдал распоряжение не допускать нарушения американскими самолетами государственных границ СССР.

Налицо были явные попытки американской военщины вызвать осенью 1962 года мировой военный кризис, попытки, которые президент Кеннеди вынужден был в конце концов сдерживать, очевидно решив, что ядерный конфликт был бы для США губителен.

В то время, когда карибский кризис достиг своего апогея, Советское правительство 26 и 27 октября выступило с предложениями, которые стали основой для урегулирования возникшего конфликта. Оно согласилось вывезти с Кубы некоторые виды ракет, которые США объявили «наступательными», но при условии, что правительство США заявит об уважении неприкосновенности границ Кубы и обязуется не осуществлять в отношении ее агрессии. Президенту Кеннеди было предложено послать своих представителей в ООН для переговоров об урегулировании кризиса. Москва, таким образом, предлагала Вашингтону мир вместо термоядерной войны.

Получив текст этих советских посланий, Кеннеди дает поручение срочно подготовить ответ. И снова среди исполнителей этого поручения вспыхивают разногласия и раздаются взаимные обвинения, даже более сильные, чем раньше. Противники улаживания конфликта настаивали на том, чтобы ответ Советскому правительству был «жестким». Они еще не оставляли надежды на то, что им удастся сорвать мирное урегулирование кризиса. Однако основные советники президента к этому времени уже были хорошо осведомлены о настроениях Кеннеди. В результате к вечеру того же дня в Вашингтоне было подготовлено ответное послание, в котором президент США дал заверение об отказе от вторжения на Кубу, а также обещал быстро отменить меры карантина. Правда, это согласие было обставлено рядом оговорок, но не в них была суть дела. Главным же в конце октября 1962 года был официальный отказ Кеннеди от планов агрессии против Кубы. Это, несомненно, способствовало нормализации обстановки. Карибский кризис пошел на спад.

Конечно, цена словесным обещаниям буржуазных правительств в области внешней политики хорошо известна. Поэтому к оценке обставленного оговорками отказа президента США от вторжения на Кубу следует подходить с известной осторожностью.

Гарантий от агрессии против Кубы, заявил 28 октября 1962 года премьер-министр Революционного правительства Кубы Фидель Кастро, не будет, если США, помимо прекращения морской блокады, не снимут экономическую блокаду Кубы, не прекратят против нее подрывную деятельность и пиратские нападения с баз, расположенных в США и в Пуэрто-Рико, не прекратят вторжение в кубинское воздушное пространство и территориальные воды американских военных самолетов и судов, а также не ликвидируют военную базу в Гуантанамо. Это были, конечно, справедливые требования. Их претворение в жизнь означало бы крупный шаг на пути нормализации кубинско-американских отношений. Советский Союз поддержал разумные предложения Кубы.

В течение первой половины ноября по дипломатическим каналам и через ООН расчищались завалы вызванного США карибского кризиса. 20 ноября 1962 года

президент Кеннеди объявил об отмене «карантина», а 21 ноября Советское правительство дало указание ракетным войскам межконтинентального и стратегического назначения с полной боевой готовности перейти к нормальной боевой подготовке и деятельности. В стратегической авиации было отменено состояние боевой готовности.

Карибский кризис был ликвидирован.

НЕСГОВОРЧИВАЯ ЕВРОПА

Все послевоенные годы американские империалисты уделяли пристальное внимание обстановке на европейском континенте. В отношении вмешательства в дела Восточной Европы у США оказались, как говорится, руки коротки. Но над Западной Европой им удалось установить действенный контроль. Этой цели американское правительство достигло с помощью как экономических, так и военно-политических рычагов. Не последнее место сыграла и антисоветская, антикоммунистическая пропаганда, раздуваемая США. Западноевропейским народам из года в год назойливо внушали, что Советский Союз «собирается на них напасть», «совершить агрессию». И это утверждалось в отношении народа и страны, разгромившей гитлеровскую Германию и освободившей народы Европы от фашистского рабства!

Поводом для нелепого обвинения Советского Союза в «захвате» стран Восточной Европы явилось то, что народы этих стран, для которых уроки истории не прошли даром, стали на социалистический путь развития. Американские правящие круги никак не хотели признать закономерности этого. А поскольку восточноевропейские страны, где установилась народная власть, это не латиноамериканские республики, куда можно без особого раздумья бросать батальоны морской пехоты США или наемников ЦРУ для того, чтобы свергать законные правительства и устанавливать «свободу» американского образца, то Вашингтону не оставалось ничего другого, как ждать удобного момента для выступления против нового строя в этих странах.

Вместе с тем американские политики рассудили, что необходимо, пока представлялась возможность, прибрать к рукам Западную Европу. И надо сказать, что в значительной мере им это удалось. На довольно длительный период США, по существу, сделались сюзереном западноевропейских государств, а последние превратились в американских вассалов. Не случайно в конце 40 — начале 50-х годов стало характерным затишье на общеевропейском дипломатическом фронте. В то же время по адресу западноевропейских политиков то и дело раздавался зычный, прямо-таки фельдфебельский окрик правящих кругов США: «делай то» или «не делай этого». Правящие западноевропейские круги довольно покорно повиновались этим понуканиям. Но, конечно, долго так продолжаться не могло. В Западной Европе усиливалось недовольство засильем американцев в европейских делах. Западноевропейский монополистический капитал упрочил свои позиции и стал конкурировать с американским.

К моменту прихода к власти Кеннеди недовольство западноевропейцев чувствовалось все сильнее. Американская внешняя политика в том виде, как она проводилась, многих в Западной Европе уже не устраивала.

Таким образом, Кеннеди начинал свое президентство, когда европейская политика США дала глубокую трещину, которая все расширялась. Для того чтобы сохранить свое господствующее положение в Западной Европе, США надо было попытаться найти новые формы осуществления старого курса.

Тактика лавирования, к которой Кеннеди был вынужден прибегнуть в начале 60-х годов, пришла на смену старой прямолинейной политике США не вдруг и не сразу. Она вытекала из затруднений, которые американские правящие круги начали испытывать в Западной Европе примерно с середины 50-х годов. Это, конечно, не значит, что ранее во взаимоотношениях между западноевропейскими странами и США царили тишь и гладь. Отнюдь нет. Однако до середины 50-х годов Западная Европа была вынуждена покорно следовать политическому курсу США. Все еще давала себя знать послевоенная экономическая зависимость этих стран от американских толстосумов. И не только экономическая.

На подавляющее число стран Западной Европы были надеты цепи НАТО, которые, что бы там ни утверждала американская пропаганда, резко затормозили процесс стабилизации положения в Европе, сковали инициативу западноевропейских государств в решении вопросов общеевропейской безопасности, которая не может строиться на агрессивном региональном военном блоке.

США держали все командные нити блока в своих руках. Достаточно сказать, что командующим вооруженными силами НАТО всегда был американец. США взяли курс на перевооружение Западной Германии и ее втягивание в орбиту НАТО, чем способствовали еще большему закреплению раскола Германии. И наконец, американское правительство проводило политику вытеснения своих западноевропейских союзников из других районов мира, стремясь подмять под себя бывшие английские, французские, бельгийские и другие колонии.

Все это делалось настолько явно и грубо, что не могло не отразиться на настроениях в Западной Европе. Как признает, например, в своей книге «Победа без войны» американский ученый А. Этциони, «с течением времени США стали весьма непопулярны в Западной Европе». Другой буржуазный ученый — Л. Фри признал, что европейцы стали видеть в США «великана, который... упорно оскорблял их чувства».

Исключение составляла лишь Западная Германия, где реваншистски настроенные правящие круги сделали ставку на американский империализм как силу, с помощью которой они надеялись попытаться восстановить территорию ФРГ в границах гитлеровского рейха 1937 года. Это были, конечно, бредовые иллюзии. Однако никто так не помогал сохранению подобных иллюзий, как правительство США.

Новой формой осуществления политики США в Западной Европе явилась концепция так называемого «атлантического сообщества». Ее рупором стал Кеннеди. По его мнению, уже нельзя было пытаться удерживать американское влияние в Западной Европе лишь с помощью НАТО и экономических средств давления на каждое отдельное государство. Тем более что басням об опасности «коммунистической агрессии» западноевропейские страны перестали верить. Необходимо было

выдвинуть какую-то новую концепцию, которая не дала бы развиться в Западной Европе силам, которые США не были бы в состоянии контролировать.

«Атлантическое сообщество» — вот что, по мысли американских стратегов, должно было остановить «сползание» западноевропейских государств к более самостоятельной от правительства США внешней политике. И Кеннеди в своих многочисленных выступлениях начинает активно развивать мысль о том, что правительство США хотело бы добавить к узам военного партнерства с государствами Западной Европы «новые узы». Эти узы, основанные на «атлантических принципах», сделают союз стран по обе стороны Атлантического океана союзом «равных партнеров», в котором решения и ответственность будут основываться на «полном равенстве» США и Западной Европы.

Ничто в этой концепции, как считало американское правительство, не могло вызвать у западноевропейских партнеров США настороженности. Однако, как известно, идея «атлантического сообщества» не выдержала испытания временем. Не выдержала потому, что многие западноевропейские руководители разгадали ее суть и стали относиться к ней с холодным безразличием. Особенно отчетливо поняло опасность идей «атлантического сообщества» для независимости своей страны правительство Франции во главе с президентом де Голлем.

Действительно, трудно было не заметить явных покушений правительства США на суверенитет западноевропейских государств.

В многочисленных статьях, как по заказу появлявшихся в прессе США, в выступлениях американских государственных деятелей красной нитью проходила мысль о том, что Западная Европа «переросла» порядок, когда она состояла из многих суверенных государств. Государственный суверенитет объявлялся анахронизмом. Утверждалось, что и первая и вторая мировые войны были якобы главным образом вызваны «национальным соперничеством».

Итак, основное устремление Кеннеди в Западной Европе становилось предельно ясным. В ней, считал он, не должно быть места государствам, правительства которых отстаивали бы свои национальные цели. Должны

постепенно исчезнуть правительства Франции, Англии, Италии. На смену им должна прийти некая «объединенная Европа», согласная с американской концепцией «атлантического сообщества».

В качестве приманки, которая, по мнению Кеннеди, должна была неотразимо подействовать на западноевропейцев, и выдвигалась уже упоминавшаяся концепция: правительство США стремится к «равноправной ассоциации» с западноевропейскими странами, однако ее невозможно полностью осуществить, если Западная Европа не пойдет по пути «единства».

Что подразумевал Вашингтон под таким «единством», разъяснил в интервью французской газете «Монд» ведавший европейскими делами в правительстве Кеннеди заместитель государственного секретаря США Джордж Болл. «Конечно,— заявил однажды Болл,— мы можем вести переговоры с европейскими странами на равноправной основе, но существует один аспект равенства, который не зависит ни от воли, ни от действий Соединенных Штатов, а именно равенство масштабов и ресурсов. Между тем эта трудность была бы преодолена благодаря созданию объединенной Европы. Благодаря ресурсам, которые были бы примерно равны ресурсам Соединенных Штатов, объединенная Европа была бы для нас во всех отношениях равной. Но этого равенства никогда не удастся добиться, если Европа будет расколота, в результате чего ее мощь и ее значение будут меньшими». Чувствуя, насколько искусственны его рассуждения, за которыми сквозило явное желание освободить западноевропейские страны от «устарелого суверенитета», Болл вновь утверждал, что США «не помышляют о господстве» в Европе.

Официально новая политика в отношении стран Западной Европы была провозглашена в день независимости США 4 июля 1962 года. В этот день Кеннеди произнес речь, в которой призвал к созданию «атлантического сообщества» «объединенной Европы» и Соединенных Штатов. Западноевропейским странам был предложен статус «равноправного партнера». Но это только на словах. На деле же выдвигался план фактической ликвидации независимости западноевропейских государств. Именно поэтому «атлантическое сообщество» и оказалось мертворожденным.

Однако на первых порах правительство Кеннеди возлагало большие надежды на выдвинутую им концепцию.

Предполагалось, что создание «атлантического сообщества» приведет к смягчению долларового кризиса, приостановит таяние американского золотого запаса, значительная часть которого уходила на экспансионистскую программу «помощи» иностранным государствам и военные обязательства за границей. Кеннеди пришел к выводу, что США слишком щедро оплачивают заграничные счета по расходам на борьбу с «коммунистической опасностью». Так почему бы, решил Кеннеди, не привлечь более активно к этому своих союзников по НАТО? Идея «равноправного партнера», несущего и равные с США расходы по борьбе с национально-освободительным и коммунистическим движением во всем мире, вполне отвечала этой цели.

Создание «атлантического сообщества» должно было помочь укрепить экономические позиции США в Западной Европе. Эту же цель преследовал американский план взаимного сокращения тарифов, направленный на увеличение экспорта и улучшение платежного баланса США. Предполагавшееся снижение тарифов должно было еще более крепко привязать Западную Европу к США.

Правительство Кеннеди в 1962 году стало добиваться торгово-политических переговоров с «общим рынком». США были намерены провести со странами «шестерки», а затем и другими западноевропейскими странами торговые переговоры о снижении импортных пошлин. Эта запланированная серия переговоров и получила название «раунд Кеннеди». Для подготовки к нему в США был создан специальный правительственный орган во главе с бывшим государственным секретарем К. Гертером. Подготовку к торговым переговорам со своими западноевропейскими конкурентами США закончили только к весне 1964 года, уже после смерти Кеннеди. Последующие переговоры показали, что надежды США выиграть экономически за счет снижения тарифов оказались бесплодными. «Раунд Кеннеди» не дал положительных для США результатов.

Чтобы сделать идею «атлантического сообщества» более привлекательной для западноевропейцев, им

было обещано, что США поделятся с «объединенной Европой» своими ядерными секретами. На страницах западной прессы замелькало слово «консультации». Заговорили о намерении Пентагона организовать единую разведывательную службу НАТО, создать Атлантическую парламентскую ассамблею. Правительство США не жалело красок и красноречивых жестов для популяризации своего нового плана.

Однако все эти усилия были безрезультатны. Западная Европа отнеслась к выдвинутому Кеннеди «плану равноправного партнерства» без всякого энтузиазма. За исключением, конечно, правительства ФРГ, которое, поддерживая планы США, вынашивало при этом свои особые расчеты на получение с помощью американцев ядерного оружия. Большинство же западноевропейских государств справедливо усмотрело в планах создания «атлантического сообщества» стремление не допустить высвобождения Западной Европы из-под контроля США.

ФРГ становилась главной опорой внешней политики США в Западной Европе. В 1962 году Кеннеди встретился с английским премьер-министром Г. Макмилланом в Нассау (Багамские острова), где предложил англичанам план создания ядерных сил НАТО на многосторонней основе. Это предложение отвечало требованиям западногерманских реваншистов, рвавшихся к ядерному оружию. Англичанам также было заявлено, что американские авиационные фирмы намерены прекратить работы над ракетой «Скайболт», которыми намечало вооружить свои ВВС английское правительство. Англии были предложены за баснословную цену подводные лодки с ракетами «Поларис». Тем самым США, по существу, сводили на нет статус Англии как ядерной державы, так как последняя становилась полностью зависимой от американских военных поставок. Английский премьер-министр скрепя сердце согласился с планом создания ядерных сил НАТО; Франция отвергла его.

К началу 1963 года, когда стало ясно, что так называемый «великий атлантический проект» оказался химерой, на свет появляется подработанный план Пентагона и Бонна, известный под названием «многосторонние ядерные силы» (МЯС). МЯС должен был явить со-

бой пример широкого объединения сил западноевропейских стран в ядерной области. Тогда, считал госдепартамент, с западноевропейцами будет легче договориться в области экономики и политики. Европейским членам НАТО предложили участвовать «вместе с Америкой» в создании военно-морского флота, оснащенного ядерным оружием. По замыслам составителей плана, экипаж кораблей (подводных или надводных) комплектовался бы из европейцев. Сам флот подчинялся бы НАТО, т. е. американскому главнокомандующему. Страны Западной Европы должны были финансировать строительство кораблей, их использование и обслуживание. Франция активно выступила и против этого проекта. Можно сказать, что Кеннеди не удалось и в этом случае достигнуть своих целей в Западной Европе.

«Многосторонний ядерный флот» НАТО утонул еще до того, как сошел со стапелей. Его опасный характер разоблачили социалистические страны. Франция назвала этот план многонациональным фарсом. Норвегия и Дания заявили, что не примут в нем участия. Маршал английских ВВС Джон Слессер откровенно признал, что «многосторонние ядерные силы» — это «чудовищный военный абсурд».

Надо сказать, что, хотя план создания МЯС не был претворен в жизнь, США и Англия не оставляли попыток изобрести новые формы приобщения Западной Германии к ядерному оружию.

Независимая позиция Франции в международных делах вызывала все большее раздражение в Вашингтоне. Показательна история с попытками протащить Англию в «общий рынок».

Выдвинувший концепцию «третьей силы» президент Франции де Голль упорно боролся за то, чтобы в вопросах внешней политики Франция и Западная Европа могли наконец заговорить в полный голос, проводить свой курс. Проталкивая Англию в «общий рынок», правительство Кеннеди стремилось ввести туда своего союзника, имеющего с США «особые отношения». В случае осуществления этих планов оно ожидало увидеть падение французского влияния в «общем рынке» и во всей Западной Европе и вместе с тем усиление влияния Западной Германии. Но, как известно, именно «особый характер» англо-американских отношений, а

также очевидная неустойчивость английской экономики и становившееся все более явным ослабление позиций фунта стерлингов стали причинами последующего краха переговоров о вступлении Англии в «общий рынок». Франция вновь сказала «нет».

Планы Кеннеди в отношении Западной Европы, если очистить их от пропагандистской шелухи, преследовали цель ослабить Западную Европу экономически и политически. Они также увеличивали опасность войны, так как — в случае их осуществления — помогали вложить в руки Бонна ядерное оружие.

Планы Кеннеди об «атлантическом сообществе» до сих пор остаются на вооружении внешней политики США. О них, в отличие от некоторых других, более реалистических идей президента, в госдепартаменте продолжают помнить, ибо это в интересах тех кругов в США, которые не покинула надежда сохранить Западную Европу под жестким американским контролем.

Растущее стремление европейских государств к созданию коллективной безопасности на континенте приходит во все большее противоречие с политикой США. Коллективная безопасность, как ясно каждому, может иметь лишь одну общую базу и несовместима с существованием региональных военных блоков, в первую очередь НАТО. Но Вашингтон упорно стремится сохранить этот агрессивный блок как опору своей политики в Европе. С этой целью им изобретаются все новые рецепты, призванные не допустить дальнейшего оздоровления международной обстановки в Европе. Похоже, это все лучше начинают понимать в иных западноевропейских столицах.

Глава пятая. КЕННЕДИ И «ТРЕТИЙ МИР»

ПРЯНИК ИЛИ ДУБИНКА?

Теперь коротко о политике правительства Кеннеди в «третьем мире». Раскрыть эту тему более или менее полно в объеме данного труда, разумеется, невозможно. Но охарактеризовать основные направления этой политики необходимо.

Мы уже имели возможность ознакомиться с рядом внешнеполитических шагов Кеннеди в отношении Кубы и Вьетнама. О чем они говорят?

Прежде всего о том, что и в период президентства Кеннеди американское правительство было не прочь прибегнуть к старой и испытанной политике «большой дубинки», которую еще в начале XX века проводил президент Теодор Рузвельт.

Но времена изменились, и старый метод стал все чаще давать осечку. На Плайя-Хирон наемники США были разгромлены. Во Вьетнаме США все глубже влезали в трясину антинародной войны, проводимой самыми преступными и варварскими средствами. Во всех этих неблаговидных действиях участвовал или даже руководил ими президент Кеннеди.

Вместе с тем, чувствуя бесперспективность использования исключительно военных методов, он пытался привнести в американскую внешнюю политику элементы «гибкости». Это новое в подходе к международным отношениям не отражало какого-либо качественного изменения внешней политики США, но свидетельствовало о том, что ее старые доктрины не выдерживали испытания временем.

Какова же была основа внешней политики США в отношении развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки?

Факты показывают, что она покоилась и покоится на крайне зыбком основании. Ее существо состоит в следующем: США вольны, когда им заблагорассудится, вмешиваться во внутренние дела других государств с целью «не допустить в них победы коммунистов» (под ними в Вашингтоне понимают всех, кто добивается подлинной независимости своих стран от США). США присваивают себе «право» «защищать свободу», или, иными словами, устанавливать в других странах порядки, угодные и выгодные американским монополиям.

Такие доктрины, естественно, не могут быть по душе ни одному независимому государству. Они подходят лишь прогнившим, антинародным режимам, находящимся на содержании у американских империалистов и охраняемым их штыками. Именно им США охотно предоставляют большую военную и экономическую помощь для «сохранения свободы» в данной стране.

Свободы от кого? «Разумеется, от коммунистов»,— заявляют американские представители.

Свободы для кого? На этот вопрос отвечает сама жизнь — для самых реакционных и продажных элементов общества.

Приходится ли после этого удивляться, что престиж США во всем мире падает?! Американская внешняя политика — политика «мирового жандарма» находится в глубоком противоречии с духом международных отношений XX века — века движения всех народов к независимости и прогрессу.

Непопулярность американской политики в отношении развивающихся стран глубоко беспокоила Кеннеди. Стремясь сделать провозглашенные им «новые рубежи» привлекательными для этих стран, Кеннеди шел на то, чтобы попытаться более убедительно, чем это делалось до него, представить США в качестве поборника экономического, социального и политического прогресса. Он хотел и сам предстать в глазах народов в качестве политического деятеля, выступающего за реформы и демократию. По всему миру распространялась версия о том, что новый американский президент не одобряет тиранические режимы. Это, конечно, был всего лишь

тактический ход, с помощью которого Кеннеди стремился хоть немного сбить революционную волну в странах Азии, Африки и Латинской Америки, посеять иллюзии об изменении политического курса США.

Что касается реакционных правых режимов, то отношение к ним со стороны правительства Кеннеди строилось в зависимости от обстановки. Если это было выгодно правящим кругам США, то против того или иного диктаторского режима порой предпринимались демонстративные шаги, более шумные, чем действенные. Вместе с тем в истории США, в том числе в период президентства Кеннеди, не было случая, чтобы они силой своего экономического, политического и военного влияния способствовали тому, чтобы покончить с колониальными порядками, свергнуть реакционный режим, помочь утвердиться у власти прогрессивному правительству. Зато действий, идущих в противоположном направлении, во внешней политике США сколько угодно. Взять хотя бы Гватемалу и Кубу, Доминиканскую Республику и Вьетнам, генерала Франко и диктатора Салазара, Конго (Киншаса) и Южную Родезию.

Попытки представить США — капиталистического хищника, душителя всякого социального прогресса — в виде этакого дяди Сэма — добряка были, конечно, крайне неблагодарны. Здравомыслящие люди не могли не видеть, что реальность американской внешней политики состоит отнюдь не в защите «свободы», а в том, чтобы в угоду монополиям США с помощью доллара и оружия поддерживать и насаждать самые реакционные режимы, предотвращать «опасные» социальные реформы.

Тем не менее Кеннеди начал активно заигрывать с правительствами ряда развивающихся стран. В Вашингтон приглашаются государственные деятели, с которыми во времена Джона Фостера Даллеса никто в американской столице и не подумал бы встречаться. Новый президент рассудил иначе.

«Третий мир», как называет развивающиеся страны американская печать, играл все большую роль в международных отношениях. Игнорировать нейтралистские государства, считал Кеннеди, а тем более отталкивать их от США значило бы идти по неверному пути. Их надо было сохранить в орбите Запада, причем

по возможности с применением «демократических», «гибких» методов.

Если отбросить в сторону показную оболочку политики Кеннеди в отношении развивающихся стран, станет совершенно ясно: администрация Кеннеди усиленно обхаживала правительства развивающихся стран до тех пор, пока, по мнению госдепартамента и ЦРУ, существовала «обоснованная надежда» на их отказ от прогрессивного курса развития своей экономики и перехода на некапиталистический путь. Как только такие надежды рассеивались, в ход пускались совсем другие методы, которые США отнюдь не склонны были афишировать.

ЛАОССКАЯ ПРОБЛЕМА

С политикой США во вьетнамском вопросе мы уже знакомились. Она представляет собой яркий пример открытого колониального разбоя империализма на азиатской земле. Политика США во Вьетнаме имеет конечной целью подчинить американскому монополистическому капиталу всю Юго-Восточную Азию. Добиться этого, однако, США не удается.

Почему? Чтобы лучше понять это, необходимо обратиться также к «лаосской проблеме». Эта проблема была одним из первых острых международных вопросов, с которыми уже в самом начале президентства пришлось столкнуться Кеннеди. Надо сказать, что в этой проблеме президент разобрался лучше, чем во многих других. Здесь Кеннеди проявил тот минимум здравого смысла, который способствовал тому, чтобы эта проблема не обострилась настолько, чтобы угрожать международному миру. В отношении Лаоса Кеннеди стал на путь более реалистических действий, которые, впрочем, после его смерти сведены на нет.

Кеннеди имел довольно значительный опыт в азиатских делах. Он не понаслышке судил о том, что происходит во многих странах Азии. Еще в 1951 году Кеннеди посетил Лаос, Камбоджу и Вьетнам, входившие в состав «французского» Индокитая. Он лично убедился в том, что французским колонизаторам не удержаться на азиатской земле.

На одном из совещаний в американской миссии в Сайгоне Кеннеди напрямик спросил присутствовавших американских дипломатов: «Почему вы считаете, что вьетнамцы будут сражаться за то, чтобы их страна оставалась частью Франции?»

Эта критика в адрес миссии США в Южном Вьетнаме вывела из себя американского посланника. Стремясь насолить Кеннеди, он побеспокоился о том, чтобы о его взглядах стало известно главнокомандующему французским экспедиционным корпусом. С согласия американского дипломата французский генерал направил в миссию США официальный протест в связи с критическими заявлениями Кеннеди. Об этом, конечно, незамедлительно было доложено в Вашингтоне, где посчитали, что конгрессмен «впутывается не в свое дело».

Однако Кеннеди продолжал отстаивать свою точку зрения. По возвращении в США он считал, что Западу следует сделать свою политику в Азии более гибкой, делать ставку в первую очередь не на военную силу, а на политические методы борьбы с национально-освободительным движением. «Без поддержки местного населения,— заявил однажды Кеннеди представителям печати,— нет надежды на успех в любой из стран Юго-Восточной Азии».

В этой оценке Кеннеди оказался дальновиднее многих американских дипломатов. Вместе с тем предлагавшиеся им «гибкие методы» преследовали прежнюю цель — ослабить, а затем и ликвидировать национально-освободительную борьбу народов Юго-Восточной Азии. Кеннеди склонялся в сторону использования не только в Азии, но и в Африке и в Латинской Америке неоколониалистских методов, отдавая им предпочтение перед старым классическим методом колонизаторов — голой военной силы.

Какое наследство досталось Кеннеди в Лаосе?

Как известно, еще в ноябре 1957 года представители национальных сил страны заключили Вьентьянские соглашения, предусматривавшие создание нейтрального Лаоса, где у власти стояло бы коалиционное правительство. Однако Вашингтон, грубо вмешиваясь во внутренние дела Лаоса, настаивал, чтобы в Лаосе был создан прозападный антикоммунистический режим. ЦРУ срочно подыскивало кандидатуру человека из числа

лаотянцев, который согласился бы работать на правительство США. Наконец американская разведка разыскала его, правда не в Лаосе, а в Париже. Этим человеком оказался честолюбивый офицер Фуми Носаван. Вскоре этот «патриот» появился в Лаосе с американскими деньгами и оружием. Глава коалиционного правительства Суванна Фума был вынужден покинуть страну. Многие руководители Патет-Лао были схвачены и посажены в тюрьмы. В стране с новой силой вспыхнула гражданская война.

США стремились превратить Лаос в свою военную базу. Американские генералы подчеркивали военно-стратегическое значение Лаоса как бастиона антикоммунизма в Юго-Восточной Азии. По предложению Д. Ф. Даллеса в Лаосе под предлогом «защиты свободы» начала создаваться на американские деньги большая армия наемников. На нее к 1960 году было истрачено почти 300 млн. долл. США, таким образом, открыто попирали дух Женевских соглашений, призывавших к нейтрализации бывших французских колоний.

Народ Лаоса бедствовал, экономика находилась в плачевном состоянии, а наемники прожигали американские подачки. Когда же прогрессивные силы Лаоса в целях самозащиты взялись за оружие, то подкармливаемый американцами военный сброд разбежался. Правительство США, «спасая положение», направило в соседний с Лаосом Таиланд 5 тыс. солдат американской морской пехоты.

На следующий же день после инаугурации группа военных советников обрушила на голову нового президента целую лавину «фактов» о том, что Лаос вот-вот станет коммунистическим и, таким образом, «пойдут прахом» сотни миллионов долларов, затраченные США на то, чтобы превратить Лаос в своего сателлита. «Я боролся в течение полутора лет,— в припадке гнева заявил американский посол в Лаосе Г. Пэрсонс,— чтобы не допустить создания там коалиции».

Не проходило дня без того, чтобы на рабочий стол Кеннеди не ложилось очередное донесение об «опасном» развитии событий в Лаосе. Ставленники США терпели поражение.

Советники президента твердили, что Лаос можно спасти «силой», и только «силой», предлагая резко

расширить рамки вмешательства США в лаосские дела. Так, на одном из заседаний Национального совета безопасности генерал Лемнитцер заявил: «Если нам дадут право использовать ядерное оружие, то мы можем гарантировать победу». Президент только молча посмотрел на генерала.

В американской печати появляется инспирированная военщиной критика нового президента. «Куда делась решимость Соединенных Штатов?», «Где же мужество Кеннеди?», «США подрывают веру в свои силы в Азии, они отталкивают от себя своих союзников в Таиланде и Вьетнаме». Таковы были лишь некоторые отравленные стрелы, выпущенные против политики умеренности в лаосских делах.

Не все, однако, придерживались точки зрения Лемнитцера. Даже ряд крупных военных не был уверен в том, что США следует открыто вмешиваться в конфликт в Лаосе. Для этого, как они считали, у них не имелось тогда достаточного количества наземных сил.

Кеннеди срочно вызывает в Вашингтон командующего силами США в районе Лаоса адмирала Г. Фелта. 9 марта 1961 года адмирал в полной парадной форме предстал перед президентом, который устраивает ему обстоятельный допрос. В течение двух часов Фелт рассказывает президенту о том, что вооруженная Пентагоном «лаотянская армия» «не дерется совсем» или дерется «не так, как надо». А «лучшие ее офицеры» заняты не на военных действиях, а состоят в личной охране генерала Фуми Носавана. Кеннеди направляет Носавану разносное послание, в котором призывает генерала активизировать военные действия против патриотических сил Лаоса. Никакого результата. Наемников продолжают бить.

Кеннеди кипит негодованием. В его представлении «борцы за свободу», к которым он причислял продажную клику Носавана, должны были уже давно преподнести ему крупный успех на международной арене, разгромив силы Патет-Лао. И все тщетно. «Будут ли лаотянцы бороться за свою страну?» — растерянно восклицает Кеннеди при ознакомлении с сообщением об очередном разгроме правых наемников. А однажды, упав духом, он вдруг заметил: «Ну и кашу заварило для меня правительство Эйзенхауэра»...

Кеннеди колебался в выборе двух возможных курсов действий в Лаосе. В первом случае предусматривалась посылка туда дополнительных американских военных частей. Во втором — признание целесообразности превращения Лаоса в нейтральное государство. В течение ряда последующих месяцев в американской внешней политике шла борьба этих взаимоисключающих друг друга тенденций.

23 марта 1961 года Кеннеди, например, выступил с телеинтервью, в котором отдал дань как «нейтралитету Лаоса», так и «решимости» США защищать «безопасность свободного мира». Одновременно он встречается с министром иностранных дел СССР, высказываясь в пользу «независимого и нейтрального Лаоса».

Летом 1961 года, после длительных переговоров в Женеве, было наконец достигнуто соглашение по урегулированию лаосской проблемы. Похоже, что, если бы не апрельское фиаско на Плайя-Хирон, еще не известно, пошло ли бы правительство США на подписание Женевских соглашений по Лаосу. Во всяком случае, 3 мая 1961 года Кеннеди заявил одному из своих помощников: «Если бы не Куба, мы могли бы стоять накануне вторжения в Лаос».

Правительство Кеннеди настойчиво добивалось от своих союзников безоговорочной поддержки любого курса американской политики в Лаосе. В первую очередь Кеннеди обратился за такой поддержкой к английскому премьер-министру Макмиллану. Последний вначале обещает лишь «моральную» поддержку действий американцев. Но правительство США такой ответ не удовлетворяет. Оно требует большего.

Кеннеди срочно вылетает во Флориду на встречу с английским премьер-министром. Находившийся с визитом на Бермудских островах Макмиллан также направляется туда. Встреча глав правительств США и Англии состоялась на американской военной базе Ки-Уэст. Главной целью Кеннеди было добиться от Макмиллана военной поддержки в случае, если бы Вашингтон решил осуществить в Лаосе военную интервенцию. Макмиллан отнюдь не был обрадован этим требованием Кеннеди. Тем не менее он согласился на участие английских сил в военной интервенции в Лаосе, если она будет признана «необходимой».

Не все, однако, поддались уговорам Кеннеди. Не успел самолет президента приземлиться в вашингтонском аэропорту, как французский посол в США Альфан вручил Кеннеди личное послание де Голля. Смысл послания не оставлял никаких сомнений — ни при каких обстоятельствах Франция не будет участвовать в военной интервенции в Лаосе. Кеннеди давали хороший совет — не идти на военную авантюру. Однако он все еще продолжал колебаться, хотя все больше склонялся к тому, что при сложившихся обстоятельствах США лучше не ввязываться в новый военный конфликт в Азии.

Дальнейшее развитие событий хорошо известно. На встрече в Вене американское правительство было вынуждено согласиться с идеей нейтрализации Лаоса. Большую роль в этом сыграла твердая позиция Советского Союза, неоднократно заявлявшего, что патриотические силы Лаоса не одиноки, что на их стороне поддержка социалистических стран.

ДОЛЛАР В АФРИКЕ

Более осторожной политики Кеннеди придерживался в Африке. В этом районе мира он особенно настойчиво использовал в отношении развивающихся стран неоколониалистские методы. Вместе с тем, как показала трагедия Конго, Кеннеди не собирался отказываться и в отношении африканских народов от политики вооруженного вмешательства и устрашения. Правда, это он предпочитал делать с помощью послушного США генерального секретаря ООН шведа Хаммаршельда, занимавшего этот пост в 1953—1961 годах.

Кеннеди не скрывал своего особого интереса к Африке. Он считал, что этот континент плохо «осваивается» американской дипломатией и бизнесменами.

Причин для недовольства Кеннеди позициями США в Африке было более чем достаточно. Ход мировой истории сложился таким образом, что к столу дележа империалистическими странами «черного континента» американский империализм опоздал и был вынужден довольствоваться лишь остатками пирога, который почти целиком «съели» такие государства,

как Англия, Франция, Германия, Бельгия, Испания и Португалия.

Победа Советского Союза над ударными силами реакции во второй мировой войне дала сильнейший толчок развитию национально-осьободительного движения. Всколыхнулась и Африка. Не милостью колонизаторов, а волей народов, поддерживаемых социалистическими странами, начала рушиться колониальная тюрьма в Африке.

Для того чтобы не оказаться полностью смытыми с африканской земли, колонизаторы во многих африканских странах были вынуждены потесниться, а иногда и отступить. Первыми подали пример английские колонизаторы. За ними последовал черед французских и бельгийских. Влияние европейских колонизаторов в Африке значительно упало. В этой ситуации ряд видных американских политических деятелей стали требовать более активного вмешательства США в африканские дела. Среди этих политиков был и Кеннеди.

Подход этих людей к африканским проблемам был довольно прост. Раз западноевропейские коллеги не в силах держать Африку в достаточно строгой узде, то американцам необходимо им «помочь», или, иными словами, заменить. Откровенно смаковалась возможность превращения Африки в американскую полуколонию. Достичь этого американские империалисты надеялись с помощью самых изощренных методов. Такая политика вскоре получила вполне оправданное название — неоколониализм.

С помощью неоколониализма американские капиталисты надеялись не только подчинить себе Африку экономически, но и не допустить ее развития по пути социализма. Собственно говоря, в этом прежде всего и состояли цели политики правительства Кеннеди на африканской земле. Вместе с тем его тактика значительно отличалась от тактики правительства Эйзенхауэра.

К началу своего президентства Кеннеди накопил значительный опыт по африканским делам. Мало кто в сенате США уделял столько внимания Африке, сколько Кеннеди. Пожалуй, наибольшую известность в этой области ему принесла речь о положении в Алжире, которую Кеннеди произнес в сенате в июле 1957 года.

Над этой речью Кеннеди трудился несколько месяцев. Большую помощь ему оказал сотрудник госдепартамента США Вильям Портер.

Кеннеди приходит к выводу, что военно-колониальная политика Франции в Алжире ведет к ослаблению влияния Запада во всей Африке. Он ставит в сенате США вопрос о том, что если французское правительство не предоставит независимости Алжиру, то с влиянием Запада в Северной Африке будет покончено. Речь Кеннеди произвела в Вашингтоне и Париже впечатление разорвавшейся бомбы. Подумать только! В момент, когда представители США отказывались даже встречаться с представителями Национального фронта освобождения Алжира (государственный секретарь Гертер не хотел их принимать вплоть до 1960 года), Кеннеди, по сути дела, объявил, что НФО является хозяином в своем доме. Какое мальчишество! На Кеннеди со всех сторон посыпались упреки. С резкой критикой Кеннеди выступил бывший государственный секретарь при Трумэне Дин Ачесон. Кеннеди обвинили в «подрыве НАТО», и его «алжирская речь» еще долго считалась «верхом безответственности» в международных делах. Вместе с тем эта речь снискала Кеннеди довольно широкую известность не только в Западной Европе, но и в Африке.

О том большом внимании, которое Кеннеди уделял Африке, можно судить и по следующим фактам. В течение длительного времени он являлся председателем подкомитета по делам Африки сенатского комитета по иностранным делам. Неоднократно выступал Кеннеди по африканским делам и во время своей президентской избирательной кампании. Подсчитано, например, что только в 1960 году Кеннеди 479 раз затрагивал тему Африки. Он без устали повторял, что Запад теряет в Африке свое влияние и что США надо бороться за нее. Еще до своего вступления на пост президента США Кеннеди направляет в страны Западной и Центральной Африки со специальной миссией Аверелла Гарримана.

Перестройку американской внешней политики в Африке Кеннеди начал с людей. Он привлекает на эту работу сравнительно молодых и энергичных политических деятелей. Его первым шагом было утверждение бывшего губернатора штата Мичиган Уильямса помощ-

ником государственного секретаря по африканским делам. Заместителем Уильямса был назначен сотрудник Фонда Форда Вайн Фредерикс, у которого за плечами был большой опыт деловых связей с африканскими странами.

Немалые усилия предпринял Кеннеди и для того, чтобы не допустить укомплектования многочисленных новых дипломатических постов в африканских странах старыми работниками госдепартамента. Кеннеди считал, что ведущие кадры американских дипломатов в Африке следует вербовать не из высшего, а из среднего, более молодого звена работников госдепартамента, а также из числа наиболее способных журналистов и ученых. В Африке, не уставал повторять Кеннеди своему окружению, работать куда сложнее, чем в Европе. Там не выкрутишься из сложной ситуации с помощью телефона и может оказаться необходимым действовать на свой страх и риск.

За время президентства Кеннеди посты американских послов в африканских странах значительно обновились. Во многие из них были направлены совершенно новые люди, в том числе и весьма далекие от госдепартамента. Достаточно, например, отметить, что в такие страны, как Гвинея и Эфиопия, Кеннеди назначил послами журналистов В. Аттвуда и Э. Корри, а послом в ОАР направил ученого Д. Баде.

В 1961 году была в значительной мере расширена американская дипломатическая служба в Африке. В госдепартаменте появились новые африканские отделы. В качестве правительственных гостей в США приглашаются многочисленные африканские делегации. В 1961 году США посещают руководители 11 стран Африки, в 1962 году — 10 стран. Развитие личных контактов с руководителями молодых африканских государств Кеннеди считал наиболее эффективным методом активизации американской внешней политики в Африке. С помощью «личной дипломатии» Кеннеди стремился добиться повышения в Африке американского престижа. Во время встреч и бесед с африканскими политическими деятелями он говорил о «понимании африканских проблем». На первых порах эти высказывания кое-кто из африканцев принял за чистую монету. Между тем дипломатия США все шире использовала

неоколониалистские методы для того, чтобы сохранить на африканской земле старые порядки.

Кеннеди направляет в Африку со специальными миссиями кроме А. Гарримана Эдварда Кеннеди, сенаторов, конгрессменов. 15 февраля 1961 года в длительную поездку по африканским странам отправился помощник государственного секретаря Уильямс. На его миссию возлагалась нелегкая задача — убедить руководителей молодых стран Африки, что США отныне «по-новому» будут строить с ними свои политические и экономические отношения.

Политические деятели США ехали в Африку прежде всего как посланцы делового мира США. Они всюду добивались более благоприятных условий для американских частных вкладчиков капитала. В США в августе 1961 года создается афро-американская ассоциация торговли и развития. К концу 1961 года в Африке оперировало уже более 220 американских компаний. Однако объем американских капиталовложений в экономику африканских стран к концу 1961 года составил примерно 1,1 млрд. долл., или менее 4% всех прямых заграничных американских частных инвестиций.

В то же время темпы роста американских капиталовложений в Африке в 1961 году превысили средние темпы роста американских заграничных инвестиций. Отметим, что в английских правящих кругах новая тактика Вашингтона по обхаживанию молодых африканских государств вызвала озлобление, так как в ней английские колонизаторы усматривали намерение американского соперника вытеснить их из Африки.

Надо сказать, что правительство Кеннеди усердно маскировало империалистический характер своей африканской политики. Если правительство Эйзенхауэра более или менее открыто поддерживало в ООН европейских колонизаторов, то с приходом Кеннеди в Белый дом поведение американских представителей претерпело изменения.

США время от времени стали на словах поступаться интересами некоторых своих союзников по НАТО, в частности Португалии и Бельгии, для того чтобы создать видимость своей готовности вести борьбу против колониализма. Ведь последнее являлось составной частью декларации Кеннеди о политике «новых рубежей».

Однако на деле США продолжали помогать своим союзникам по НАТО бороться с национально-освободительным движением в Африке.

Вместе с тем США упорно стремились использовать некоторое ослабление позиций европейских колониальных держав в Африке. Пристальное внимание правительство Кеннеди уделяло внедрению американского монополистического капитала в Конго, намереваясь потеснить там бельгийцев и англичан. Значительно активизировали свои усилия США и в таких странах, как Эфиопия, Ливия, Марокко и Тунис. Только в Ливии, например, оперировало 14 американских компаний, многие из которых входили в группировку Рокфеллеров.

В Тропической Африке США особенно активно обхаживали Нигерию, используя прозападную ориентацию правительства Балевы. Правительство Кеннеди начало активнее, чем это делали до него, использовать рычаг экономической «помощи» для проникновения в страны Тропической Африки. В 1961 году оно увеличило ассигнования на экономическую «помощь» странам этого района по сравнению с 1960 годом в четыре раза. В 1962 году объем американской «помощи» африканским странам (значительную часть которой составляла военная «помощь») еще более возрос. Она достигла суммы 500 млн. долл. Экономическая «помощь» США Африке в 1963 году превысила 526 млн. долл. Что касается американской военной «помощи» в Африке, то она в 1963 году равнялась 75 млн. долл. и в основном предоставлялась следующим странам: Конго (Киншаса), Эфиопия, Либерия, Ливия, Марокко, Нигерия, Сенегал и Тунис.

Одним из неоколониалистских методов США в отношении развивающихся стран стало создание в марте 1961 года «Корпуса мира», имевшее целью укрепление позиций США в этих странах и идеологическую обработку их населения. (К середине 1963 года число «добровольцев» корпуса в Африке составило 1500 человек.) На июль 1966 года в африканских контингентах корпуса насчитывалось уже 4670 человек. Большую работу в этом направлении проводила и американская правительственная служба пропаганды — ЮСИА.

Таким образом, для периода президентства Кеннеди была характерна резкая активизация американской

внешней политики в Африке. Ее задачи состояли в том, чтобы попытаться ослабить в Африке влияние социалистических идей, потеснить империалистических конкурентов США и создать на африканской земле прочные плацдармы для дальнейшего расширения позиций американского капитализма.

«Новые рубежи» не изменили колонизаторской сущности африканской политики США. Это можно видеть хотя бы на примере американо-португальских отношений.

В Анголе союзник США по НАТО — салазаровская Португалия превратила страну в огромный концентрационный лагерь, творила массовые расправы над африканцами, требовавшими свободы и независимости. А что же правительство Кеннеди? Оно отмалчивалось до тех пор, пока в ООН усилиями развивающихся и социалистических стран не была поставлена на голосование резолюция, требовавшая «принять меры для охраны прав и свобод» жителей Анголы. За резолюцию проголосовали 78 членов ООН. К ним присоединил свой голос и американский представитель Эдлай Стивенсон, которого, как утверждают, «привели в ужас» сообщения о казнях. Позднее он даже голосовал за порицание Португалии. На представителей некоторых развивающихся стран этот жест правительства Кеннеди в ООН произвел определенный эффект, но ненадолго.

И здесь решающее слово сказал Пентагон. Американская военщина заинтересована в базах, которые предоставил ей Салазар. Стоило последнему намекнуть, что Португалия может пересмотреть вопрос об американской аренде баз на ее территории, как правительство США дало задний ход. Кеннеди отказался даже от какой-либо видимости поддержки ангольского народа в борьбе против португальских колонизаторов. США, как и раньше, продолжали снабжать Португалию оружием, в том числе напалмовыми бомбами, которые пускались в ход против ангольского народа.

Империалистические цели политики правительства Кеннеди в Африке особенно ярко проявлялись в наиболее острых ситуациях, как это, например, случилось в Конго (Киншаса).

Трагедия Конго началась еще до того, как Кеннеди занял пост президента США. Начало ей положило

правительство Эйзенхауэра. Однако Кеннеди явился не только наследником этой политики, но и ее активным продолжателем. Известно признание одного из ближайших помощников Кеннеди, Соренсена, о том, что «политика Кеннеди в Конго в основном являлась продолжением политики Эйзенхауэра».

Отметим, что инспирированные империалистами события в Конго разыгрались в период предвыборной президентской кампании в США. Вмешательство империалистов в дела этой африканской страны достигло своего апогея в те дни, когда Эйзенхауэр сдавал дела Кеннеди. Когда 17 января 1961 года на окраине Элизабетвиля группа наемников убивала Лумумбу и его ближайших соратников, Кеннеди еще не был официальным президентом США.

Хорошо известно, однако, что если правительство Эйзенхауэра стремилось расправиться с законным правительством Конго и урвать кусок побольше у своих бельгийских и английских конкурентов, то именно эту линию проводил в Конго и Кеннеди. Правительство США боялось превращения Конго в подлинно независимое государство. Американские правящие круги с нескрываемым подозрением относились к дружественным отношениям, установившимся между правительством Конго и социалистическими странами. Кеннеди после убийства Лумумбы направил усилия верного слуги Вашингтона в ООН — Хаммаршельда и американской дипломатии на устранение с политической арены Конго всех сторонников Лумумбы.

Об убийстве Патриса Лумумбы мировая общественность узнала 13 февраля 1961 года. А 15 февраля Кеннеди выступил на пресс-конференции с заявлением, в котором поддержал позорные действия в Конго Хаммаршельда, всячески содействовавшего успеху заговора империалистов. Кеннеди заявил, что США выступают «против вмешательства» любой страны во внутренние дела Конго. Но об истинной цене этого заявления говорило то, что к февралю 1961 года именно из-за грубого вмешательства самих США в дела Конго было устранено законное правительство этой страны.

Основную ставку после убийства Патриса Лумумбы правительство Кеннеди сделало на «план Стивенсона».

Целью этого плана было не урегулирование конголезского кризиса, а изоляция правительства последователя Лумумбы Антуана Гизенги. Нашла свое отражение в «плане Стивенсона» и острая борьба за Конго между США, Бельгией и Англией. Стивенсон потребовал «установления контроля» над Чомбе, правителем отколовшейся от Конго богатейшей провинции Катанги. Между тем контроль над Чомбе был, но это был не американский, а бельгийский контроль. Хаммаршельд быстро среагировал на американский план, оформив его в ООН от своего имени. «План Стивенсона» и «проект Хаммаршельда» были близнецы, так как и тот и другой зародились в недрах госдепартамента США. Оба они преследовали цель установления над Конго опеки ООН, что в конкретной обстановке тех дней означало фактическую передачу этой страны на откуп США.

Сложность и противоречивость положения в Конго получили свое отражение и в ряде резолюций ООН. Так, например, резолюция Совета Безопасности, принятая 21 февраля 1961 года, требовала «немедленного вывода и эвакуации из Конго всего бельгийского и другого иностранного военного и полувоенного персонала». Такой поворот событий не устраивал бельгийских колонизаторов. От них требовали убраться из Конго их же союзники по НАТО!

Вскоре начались инспирированные США военные действия войск ООН против Чомбе, что не на шутку встревожило Брюссель и Лондон. Конго стояло на пороге нового акта переживаемой им трагедии. В этот период американская дипломатия ведет сложное маневрирование, направленное против конголезских патриотических сил.

В августе 1961 года Кеннеди назначил послом США в Конго Эдмунда Галлиона. Взгляды нового посла на положение в этой стране не отличались оригинальностью. В действиях патриотических сил в Конго он усмотрел «коммунистическую опасность». Галлион докладывал Кеннеди, что в случае развала Конго на части «коммунисты приберут к своим рукам большую часть кусков». По мнению Галлиона, в случае отделения Катанги распад Конго становился неизбежным. Посол предлагал перейти к решительным мерам, чтобы «спасти положение».

В госдепартаменте отнеслись к планам Галлиона без энтузиазма, считая, что слишком нахрапистая политика США в Конго, и особенно в Катанге, способна значительно расшатать НАТО. Той же точки зрения придерживался и А. Гарриман, встретившийся с Чомбе в Женеве. Государственный секретарь Раск относился к проблеме Конго с «мрачной подозрительностью», считая, что обстановка там слишком неясна, чтобы спешить с ликвидацией сепаратизма Катанги.

После некоторых колебаний Кеннеди все же поддерживает план Галлиона; США были намерены продолжать действовать в Конго, прикрываясь ширмой ООН и опираясь на Хаммаршельда. Было решено активизировать борьбу с Гизенгой и его сторонниками. 16 ноября 1961 года Э. Стивенсон откровенно заявил, что вопрос о положении в Восточной провинции «более серьезен, чем вопрос об отделении Катанги».

В последние месяцы 1961 года США заняли более решительную позицию в отношении Чомбе, стремясь после укрепления своего леопольдвильского тыла заставить ставленника бельгийцев быть более сговорчивым. В этих целях войска ООН 5 декабря начали новую операцию против режима Чомбе в Катанге.

Политика Кеннеди в отношении Катанги вызвала новый приступ гнева в Брюсселе и Лондоне. С резкой критикой американских действий выступил министр иностранных дел Великобритании лорд Хьюм. На срочно созванном в Париже совещании министров иностранных дел стран НАТО по конголезскому вопросу союзники бросали в адрес друг друга весьма нелестные выражения. Однако для США Конго представляло настолько лакомый кусок, что даже неодобрение их действий союзниками по НАТО не изменило основного курса американской политики.

Угрозы Вашингтона вскоре произвели определенное впечатление на Чомбе. 21 декабря 1961 года было подписано так называемое «китонское соглашение», в котором Чомбе «признавал» власть правительства Леопольдвиля над всей территорией Конго. По существу же «китонское соглашение» было принято Чомбе лишь на словах. Об этом и информировал Кеннеди Галлион, сообщив, что Чомбе лишь «стремится выиграть время» и «не будет придерживаться соглашения».

И действительно, Чомбе, чувствуя за своей спиной сильную поддержку Бельгии и Англии, начал саботировать «китонское соглашение».

В течение ряда последующих месяцев усилия Кеннеди были направлены на смягчение противоречий в НАТО по вопросу о Конго. Летом 1962 года американские, английские и бельгийские представители совместными усилиями вырабатывали новый план «объединения Конго». Но если новый «совместный план» и был формально выработан, то секретные инструкции для Чомбе из западноевропейских столиц явно отличались от «советов» Вашингтона. Чомбе на словах соглашался с «согласованным планом», а на деле вновь его игнорировал. В начале ноября правительство США направляет к Чомбе в качестве специального эмиссара президента Д. Макги. Он запугивает Чомбе «военной конфронтацией». Чомбе, однако, продолжал затягивать переговоры.

Кеннеди, зная, кто стоит за спиной руководителя катангских сепаратистов, решил провести встречу с премьер-министром Бельгии Спааком. 27 ноября 1962 года эта встреча состоялась, а за ней последовала целая серия других. Однако их итоги были малоутешительны для США. Все говорило о том, что бельгийцы тянули время, вместе с тем усиливая армию своих наемников в Катанге. В этом им активно содействовали английские и южноафриканские колонизаторы. Похоже было, что в Конго в течение всего 1962 года назревала еще более серьезная схватка между соперничающими монополистическими группировками США, с одной стороны, и Бельгией, Англией, ЮАР и их наемниками в Катанге — с другой.

Как свидетельствует Шлезингер, в декабре 1962 года «в Белом доме царила напряженная атмосфера». Кеннеди получил от Галлиона настойчивую просьбу применить силу в Катанге. Только это, считал американский посол, поможет закрепить в Конго американское влияние, которое в противном случае исчезнет. Кеннеди соглашается с Галлионом.

Вместе с тем он думает о том, как смягчить недовольство своими действиями со стороны Лондона и Брюсселя. С этой целью он 18 декабря 1962 года встречается в Нассау (Багамские острова) с Макмилланом.

Обострившиеся противоречия империалистических держав в Конго, так же как и вопрос о судьбе так называемых «независимых» ядерных сил Англии, явились главной темой переговоров молодого президента и престарелого премьер-министра. Одновременно Кеннеди срочно направил в Брюссель заместителя государственного секретаря Макги. В ходе всех этих переговоров участники их наконец достигли договоренности о «справедливом» разделе доходов в Конго. До поры до времени острота обстановки в Конго была несколько смягчена. Но, конечно, империалистическая борьба за Катангу далеко не закончилась.

Итак, в начале 60-х годов американский империализм в полный голос заявил о своем «праве» внедряться в Африку, даже за счет союзников по НАТО. Этот курс, как мы видели, отражал и общие настроения Кеннеди, напряженно искавшего пути большей эффективности американской внешней политики.

США И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

В Латинской Америке президент Кеннеди также пытался совместить неоколониалистские методы и старые империалистические цели Вашингтона.

Основным средством, с помощью которого правительство Кеннеди решило поправить дела США в Латинской Америке, стал так называемый «Союз ради прогресса». Это была десятилетняя программа социального и экономического «развития» Латинской Америки, которую американская пропаганда окрестила латиноамериканским «планом Маршалла». Идея «Союза ради прогресса» была выдвинута Кеннеди 13 марта 1961 года. Американская дипломатия развила бурную деятельность, стремясь достичь быстрейшего одобрения странами Латинской Америки этого плана. Форсировать официальное оформление программы «Союз ради прогресса» правительство США заставил, в частности, провал апрельской авантюры против Кубы.

В августе 1961 года в уругвайском городке Пунта-дель-Эсте была созвана специальная сессия Экономического и социального совета Организации американских государств. На ней было принято заявление

об общих принципах «Союза ради прогресса», а также «Хартия Пунта-дель-Эсте». В этих документах и были изложены цели «Союза ради прогресса» и программа его деятельности. В чем она заключалась?

Прежде всего в том, что, по существу, народам стран Латинской Америки предлагалось не спешить с социально-экономическими преобразованиями. Кеннеди считал, что предложенная его правительством программа поможет приглушить, а затем и полностью свернуть в Латинской Америке национально-освободительную борьбу, снизить влияние революционного примера Кубы. В конечном итоге программа «Союза ради прогресса» преследовала цель сохранения и усиления влияния США в Латинской Америке. Для этого последней протягивался «пряник».

Согласно программе «Союза ради прогресса» правительство Кеннеди обещало предоставлять Латинской Америке в течение десяти лет примерно по 2 млрд. долл. ежегодно. Из них 1,1 млрд. долл. должны были предоставляться по правительственной линии и 900 млн. долл. с помощью американских и западноевропейских частных капиталовложений, а также займов международных организаций. При ОАГ учреждался специальный «комитет экспертов», которому правительства всех латиноамериканских стран должны были представлять свои долгосрочные планы «экономического и социального развития». В функции «комитета экспертов», где господствовали США, входило — одобрить или отклонить тот или иной план, выделить или не выделить для него соответствующие ассигнования в рамках «Союза ради прогресса». Кеннеди декларировал необходимость проведения половинчатых реформ, которые ликвидировали бы наиболее вопиющие социальные анахронизмы в странах Латинской Америки. С помощью такого рода вынужденной тактики Кеннеди надеялся сделать более стабильными капиталистические отношения в странах Латинской Америки. Путем частичных земельных, налоговых и других реформ Кеннеди стремился вместе с тем ослабить национально-освободительное движение в Латинской Америке.

Надо сказать, что такая необычная для правительства США позиция в отношении необходимости определенных социальных реформ в Латинской Америке

объяснялась прежде всего стремлением любыми путями сбить революционную волну, ослабить влияние на латиноамериканские народы действительно прогрессивных социальных и экономических реформ, которые имели место на революционной Кубе. Но и такая весьма осторожная «тактика пряника» президента Кеннеди не имела особенно широкой поддержки в американских правящих кругах. Многие влиятельные лица в Вашингтоне считали, что США следует опираться в Латинской Америке, как они это делали и ранее, прежде всего на феодально-землевладельческие олигархии и компрадорскую буржуазию, а также на старые, испытанные средства политического и военного давления. Что касается Кеннеди, то, не сбрасывая, конечно, эти средства со счетов своей внешней политики, он считал, что в дополнение к старым нужны и новые методы закрепления господства США в Латинской Америке. «Союз ради прогресса» и рассматривался им как такое средство.

Программой «Союза ради прогресса» не решалась ни одна коренная проблема Латинской Америки. Ее экономика по-прежнему оставалась под контролем американского капитала, целиком сохранялось положение стран этого района как сырьевых придатков американских монополий. «Союз ради прогресса» предусматривал некоторое увеличение объема американской «помощи» странам Латинской Америки, но это использовалось как рычаг для того, чтобы сделать их еще более зависимыми от могущественного северного соседа.

Для популяризации американской внешней политики в странах Латинской Америки и особенно для восхваления «Союза ради прогресса» Кеннеди в декабре 1961 года совершает широко разрекламированную поездку в Венесуэлу и Колумбию. Выбор был не случаен. Правительства этих стран наиболее охотно шли навстречу требованиям программы «Союза ради прогресса». В этих странах были велики и интересы американского частного капитала. В Венесуэле было 3 млрд. долл. и в Колумбии — свыше 400 млн. долл. американских частных капиталовложений.

Во время своего вояжа в Венесуэлу и Колумбию Кеннеди не только расхваливал «Союз ради прогресса», но и сделал немало антикоммунистических и антикубинских заявлений. Характерно, однако, что в тот

самый день, когда он с пафосом восхвалял «демократию» в Венесуэле, государственный секретарь Раск имел «деловой обед» в Испании с диктатором Франко. Неплохая иллюстрация «последовательности» правительства Кеннеди в вопросах «защиты демократии»!

Таким образом, если говорить в целом о политике Кеннеди в Латинской Америке, то она основывалась на стремлении, во-первых, ликвидировать революционные завоевания на Кубе и, во-вторых, сохранить и укрепить позиции американского монополистического капитала в латиноамериканских странах с помощью «Союза ради прогресса».

Первой цели Кеннеди, как известно, достигнуть не удалось, хотя он использовал для этого самые различные методы, начиная от военного вторжения и кончая экономической блокадой острова Свободы. В конце концов в октябре 1962 года, во время карибского кризиса, Кеннеди был вынужден дать, хотя и с оговорками, заверение о невторжении на Кубу. США делали теперь ставку на экономический бойкот Кубы и на расширение подрывной деятельности против нее.

Что касается программы «Союза ради прогресса», то она также не принесла ожидаемых результатов. В странах Латинской Америки метко назвали эту программу: «Союз есть, прогресса нет». В довершение всего дела́ правительства Кеннеди резко расходились с его словами о поддержке «демократии» в Латинской Америке. В 1963 году его правительство немало сделало для подавления прогрессивных сил в Центральной Америке, отказывалось удовлетворить требования правительства Панамы о пересмотре несправедливых условий соглашений о зоне Панамского канала, вело происки против Бразилии, во внешней политике которой усиливались нейтралистские тенденции.

Объявляя о поддержке конституционных латиноамериканских правительств, Кеннеди и не думал противостоять «гориллам», которые свергали эти правительства. В этом отношении контраст между словами и делами президента оказался особенно разительным. Его не могли замаскировать ни дежурные заявления представителей госдепартамента США о том, что они «сожалеют» о судьбе того или иного латиноамериканского правительства, ни временные полумеры экономического

характера, к которым правительство Кеннеди порой прибегало для того, чтобы создать видимость недовольства действиями реакционных военных. Все наперед знали, что пройдет два-три месяца, если не меньше, и все станет на свое место. Новая латиноамериканская «горилла» с легкой руки американской пропаганды превратится в «борца за демократию», которого обстоятельства вынудили взяться за оружие, чтобы «противостоять коммунизму».

В качестве примера можно сослаться на пример Перу. В 1962 году в Перу состоялись всеобщие выборы, которые должны были привести к созданию конституционного правительства. Так как ни одна из поддерживаемых США партий не получила подавляющего большинства голосов, чтобы контролировать положение в стране, а влияние прогрессивных сил продолжало быстро расти, из Вашингтона была дана соответствующая команда.

Армия поставила у власти генерала Рикардо Годоя. Для этой цели были использованы полученные ранее американские танки и персонал, обученный в США. Затем начался второй акт спектакля. Президент Кеннеди разорвал дипломатические отношения с Перу и даже, как было объявлено, прекратил ей военную «помощь». Однако ровно через месяц дипломатические отношения были восстановлены. Правительство США предоставило режиму генерала Годоя около 30 млн. долл. в виде «помощи», а Экспортно-импортный банк отвалил ему еще 36,9 млн. долл. в виде займов. Теперь американские монополии в спокойной для себя обстановке могли обдумывать планы дальнейшего продвижения Перу «по пути демократии».

Подобного рода примеров можно было бы привести немало. Местным реакционерам удалось в 1962—1963 годах с помощью правительства Кеннеди подавить вооруженные выступления народов Эквадора, Парагвая.

Была установлена военная диктатура в Бразилии. Латиноамериканские «ультра» распоясались и во многих других странах. И все же главной цели — сбить волну революционной борьбы латиноамериканцев за свободу и справедливость — США осуществить не удалось. Уже в 1964 году усиливается революционная борьба в Колумбии и Венесуэле.

«Либеральные» идеи Кеннеди в Латинской Америке быстро «завяли». А после его смерти от них не осталось и следа.

Если Джон Кеннеди, будучи более или менее гибким буржуазным политиком, не боялся время от времени несколько отпускать «латиноамериканские вожжи», то совсем другого мнения на сей счет стали придерживаться после него. Похоже, что подход правительства Джонсона ко всей проблеме взаимоотношений с южными соседями свелся к следующему: в Латинской Америке даже играть в «демократию» не безопасно. Не случайно американская печать цинично признавала, что, по мнению правительства Джонсона, «военные перевороты в этих странах сами по себе вещь неплохая».

Факты, в том числе и периода президентства Кеннеди, говорят о том, что империалистические государства всячески препятствуют развитию национальной экономики развивающихся стран, поддерживают везде, где только возможно, самые реакционные социальные силы и группировки. Все это, естественно, вызывает у народов стран Азии, Африки и Латинской Америки чувство возмущения, стремление сбросить бремя зависимости от иностранных монополий. Нет сомнения, что с течением времени эти процессы будут проявляться все более и более заметно.

Глава шестая. В ПОИСКАХ ВЫХОДА

Подходил к концу 1962 год. Впереди начинали маячить новые президентские выборы 1964 года. Но деятельность Кеннеди на посту президента не дала еще заметного позитивного вклада в международную политику.

Находясь во главе государственного аппарата США, контролируемого монополиями, и постоянно испытывая давление со стороны военно-промышленного комплекса, Кеннеди действует как бы по заранее написанному сценарию. Формально являясь его автором, он, по существу, лишь исполняет в нем отведенную ему роль — с большими или меньшими отклонениями от «текста». Так было во время американской авантюры в заливе Кочинос, так было во Вьетнаме, так в основном было и во время карибского кризиса.

На исходе 1962 года в деятельности Кеннеди начинают, однако, проглядывать новые черты. Они становятся все более отчетливыми весной и летом 1963 года. В действиях президента проявляется все больше самостоятельности. Мрачный хор сторонников «холодной войны» в США стал время от времени нарушаться новой темой, которую развивал теперь президент. Ее лейтмотив состоял в том, что США должны отказаться от попыток проводить в отношении Советского Союза политику, построенную «на враждебности и предрассудках». Термоядерная война, признавал Кеннеди, была бы для американского народа катастрофой.

Весна и лето 1963 года были интересны не только тем, что президент США заговорил новым тоном. Еще

более значительным было то, что Кеннеди оказался в состоянии от слов перейти к делу. 1963 год стал свидетелем заметного улучшения международного климата и положительного развития советско-американских отношений.

Есть все основания полагать, что Кеннеди стал разумнее в своих действиях под влиянием карибского кризиса. Сказалось также, очевидно, и то, что сам президент не был непосредственно связан финансовыми узами с военно-промышленным комплексом. К тому же он вынужден был учитывать активное «мирное наступление» советской дипломатии по целому ряду международных проблем.

В американской политической литературе не раз делались попытки доказать, что положительный сдвиг в советско-американских отношениях летом 1963 года был якобы результатом неких «уступок» со стороны Советского Союза. Подобный подход не в ладах с истиной. Широко известно, что достижение соглашений, направленных на ослабление международной напряженности и улучшение советско-американских отношений, всегда оставалось одной из важнейших целей советской внешней политики. Но, само собой разумеется, эта цель может быть достигнута только на условиях мирного сосуществования и отказа США от «холодной войны» и агрессии, попыток навязать другим народам «американский образ жизни» и «свободу», как ее понимают нью-йоркские банкиры и техасские нефтепромышленники, пентагоновские генералы и сенаторы-диксикраты. Ослабление международной напряженности зависело от того, найдется ли в конце концов на американском политическом Олимпе достаточно здравомыслящая группа буржуазных деятелей, которая перестанет уделять все свое внимание опасной для человечества игре с огнем.

Факты третьего года президентства Кеннеди говорят о том, что он стал склоняться к проведению акций, направленных на ослабление международной напряженности. Они также говорят о том, что в этом президент опирался прежде всего на свой авторитет и поддержку ближайших советников.

Авторитет Кеннеди после карибского кризиса упрочился. И хотя «бешеные», военщина и ЦРУ были недовольны «нерешительностью президента», большинство

американских политиков в этот период считало, что Кеннеди поступил разумно и дальновидно, не переступив грань, за которой начиналась большая война. В этих условиях президент обретает уверенность в своих силах, что начинает сказываться на ряде его решений в области внешней политики.

Ничто так явно не свидетельствует о сдвигах в настроениях Кеннеди, когда дело касалось отношений с Советским Союзом, как его подход к проблеме мирного сосуществования. Эволюция его взглядов по этому вопросу была довольно заметной.

С первых дней президентства Кеннеди столкнулся с необходимостью определить свое отношение к принципу мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Перед ним стояла дилемма: или объявить принцип мирного сосуществования «коммунистической пропагандой», неприемлемой для США, или признать этот принцип и развивать его в области государственных отношений. Одним словом, Кеннеди предстояло решить, способствовать ли ему как президенту США процессу укрепления мирного сосуществования или тормозить его утверждение в качестве общепризнанного принципа международного права, продолжая проводить «холодную войну» и балансирование «на грани войны». Кеннеди поначалу выбирает второй путь. Он оставляет американскую внешнюю политику на старом курсе, который он сам до своего избрания президентом считал обанкротившимся.

Программа «новых рубежей» Кеннеди была в 1961—1962 годах лишь словесной оболочкой, ярлыком для политики нового президента. Что скрывалось под этой оболочкой? Какие новые тенденции могли появиться в американской внешней политике? На эти вопросы могло ответить только время. Теперь оно давало свой ответ. Ответ сложный, свидетельствующий о том, что в послевоенной политике США, пожалуй, не было периода столь противоречивого, чем три года президентства Кеннеди.

Кеннеди старался облечь «новые рубежи» в либеральную и даже антиколониалистскую одежды. Однако сшиты они были наскоро и не могли скрыть агрессивную сердцевину внешнеполитического курса США. Вместе с тем, пропагандируя «новые рубежи», Кеннеди

высказывал и ряд реалистических идей. Однако они оставались на заднем плане, как бы на задворках американской внешней политики.

На первых порах президентства Кеннеди не только забывает об уроках истории и необходимости оценивать явления, основываясь на фактах, но и идет на поводу у наиболее агрессивно настроенных кругов США. Под их влиянием администрация Кеннеди принимает решение преодолеть кризис американской внешней политики не путем ее изменения, а путем дальнейшей активизации сложившегося курса.

Таким образом, в первые два года президентства Кеннеди некоторые разумные политические формулы, которые он выдвигал до своего избрания в Белый дом, оказались лишь звонкими фразами, лишенными позитивного содержания. Декларировались «новые рубежи» во внешней политике, но она оставалась, по существу, старой недоброй политикой «холодной войны».

Мозг Кеннеди постоянно сверлила мысль о том, что капитализм на международной арене проигрывает в соревновании с социализмом. Не случайно в своем первом послании конгрессу США он откровенно заявил: «Время работает не в нашу пользу», т. е. не в пользу капитализма как социально-экономической системы. Вот эта постоянная сдача американским империализмом своих позиций больше всего и тревожила Кеннеди. Являясь представителем монополистической буржуазии, он, когда дело дошло до реальной политики, подгоняемый желанием как-то поправить дела капиталистических США, стал на путь активизации борьбы против стран социализма, разработки неоколониалистских методов политики в отношении развивающихся стран.

Вместе с тем Кеннеди на третьем году президентства больше, чем раньше, волнуют вопросы войны и мира. Он начинает более активно искать пути соглашения с СССР, осознав, очевидно, всю бесперспективность попыток основывать американскую внешнюю политику только на догмах «холодной войны».

Одним из наиболее сложных явлений периода 1963 года были взаимоотношения, сложившиеся между Белым домом и государственным департаментом. Практика показывала, что из госдепартамента в Белый дом не поступало предложений, которые могли бы способ-

ствовать смягчению международной напряженности. Более того, многие там с опаской наблюдали за деятельностью президента. Все это Кеннеди не нравилось.

Как уже упоминалось, после того как Кеннеди победил на выборах, он стал искать среди политических деятелей и ученых людей, которые бы с наибольшей отдачей сил, гибко и умело защищали интересы американского капитализма. Определенные надежды возлагались им и на Дина Раска. Однако, по свидетельству лиц, работавших с Кеннеди, в частности Шлезингера, Кеннеди после двух лет деятельности своего правительства не был доволен работой государственного секретаря. К осени 1963 года президент пришел к мысли, что Раск должен уйти. Наилучшим временем для этого Кеннеди считал надвигавшиеся выборы 1964 года.

Откровенные высказывания Шлезингера, сделанные им в 1965 году, об отношении Кеннеди к Раску были с раздражением встречены в правительственных кругах США. Шлезингера тут же обвинили в безответственности, ему бросили упрек в том, что он пишет историю, «подсматривая в замочную скважину», ставит под угрозу национальные интересы. В ответ на это Шлезингер заявил, что, «когда историк скрывает важные факты, которые могут повлиять на суждение его читателей, он идет на обман». Справедливости ради можно отметить, что сам Шлезингер, будучи буржуазным историком, не был до конца последователен. Он, например, опустил в своей книге «Тысяча дней» ряд любопытных оценок Кеннеди в отношении некоторых деятелей своего правительства.

Надо сказать, что Раск довольно спокойно выдержал укол Шлезингера. «Только два человека,— утверждал Раск,— знают о моих взаимоотношениях с президентом Кеннеди. Один из них мертв, а другой не хочет говорить». Но Раск выразил недовольство утверждением Шлезингера о том, что Кеннеди считал американскую политику во Вьетнаме «большим провалом».

По свидетельству некоторых очевидцев, Кеннеди не считал, что Вьетнам должен пользоваться каким-то особым приоритетом в американской внешней политике. Он отнюдь не придерживался точки зрения, что в джунглях Вьетнама решается судьба Америки. Накопив опыт в международных делах, Кеннеди, похоже,

стал понимать, насколько авантюристичным было бы дальнейшее расширение американской агрессии во Вьетнаме.

Многое говорит о том, что к лету 1963 года Кеннеди стал лучше понимать необходимость мирного сосуществования стран капитализма и социализма. Он стал вести дело к тому, чтобы попытаться внести в американскую внешнюю политику позитивный элемент. Все это Кеннеди делал, разумеется, не потому, что симпатизировал Советскому Союзу. Он это делал в силу здравой оценки хода развития событий, изменения в соотношении сил на международной арене, которые диктовали реалистический подход к международным проблемам.

В этой связи особенно интересна речь, которую президент Кеннеди произнес 10 июня 1963 года в Американском университете. Работать над этой речью Кеннеди начал еще весной. Он сам готовил ее тезисы. Затем привлек «перо» Соренсена, а также Шлезингера и в какой-то степени М. Банди. Государственный департамент и Пентагон оставались в неведении о том, что речь вообще подготавливалась. Она была направлена в эти оба ведомства лишь за два дня до произнесения. Все это Кеннеди делал сознательно. Он не хотел, чтобы ему помешали.

Большое внимание Кеннеди уделил вопросу о войне и мире. Он назвал его «самым важным вопросом на земном шаре». Что касается термоядерной войны, то президент объявил ее бессмысленной. «Тотальная война,— сказал он,— не имеет никакого смысла в век, когда великие державы могут держать большие и сравнительно неуязвимые ядерные силы и отказываться сдаться без того, чтобы прибегнуть к применению этих сил. Она не имеет никакого смысла в век, когда одна ядерная бомба имеет взрывную силу почти в 10 раз больше той, которая была использована всеми союзническими военно-воздушными силами во второй мировой войне. Она не имеет смысла в век, когда смертельные яды, выделенные в результате взаимного применения ядерного оружия, с помощью ветра, воды, почвы и семян будут переноситься в самые отдаленные уголки земного шара...»

Надо подчеркнуть, что в своем выступлении Кеннеди пошел против многих давно сложившихся в Аме-

рике политических догм. Последователи «холодной войны» утверждали, что достичь мира с коммунистами невозможно, что третья мировая война неизбежна. Кеннеди охарактеризовал эти взгляды как «опасные и пораженческие». «Давайте,— призвал он,— пересмотрим свое отношение к самому делу мира. Слишком многие из нас считают его невозможным. Слишком многие считают его нереальным. Но это опасное, пораженческое убеждение. Оно приводит к выводу, что война неизбежна, что человечество обречено, что мы находимся во власти сил, которые мы не в состоянии контролировать.

Мы не должны принимать такую точку зрения. Наши проблемы — дело рук человека и поэтому могут быть разрешены человеком. А человек может быть таким великим, каким он хочет быть. Нет такой проблемы человеческих судеб, которая находилась бы вне пределов досягаемости человеческих существ. Разум и дух человека часто разрешали то, что казалось неразрешимым, и мы верим, что они смогут сделать это снова».

Кеннеди наконец-то проявил политическое мужество, призвав американцев пересмотреть свое отношение к Советскому Союзу. Кеннеди заявил, что в случае войны с Советским Союзом США явились бы объектом опустошительной ядерной войны. Он призвал к прекращению «холодной войны» и решению проблемы разоружения.

В своем выступлении Кеннеди не обошелся без антисоветских и антикоммунистических выпадов. Это были стереотипные, дежурные фразы, и явно не на них президент делал акцент. Главное состояло в том, что Кеннеди посвятил значительную часть своей речи проблеме обеспечения мирного сосуществования. Но реализм и американская реакция постоянно находятся в ссоре по вине последней, и поэтому вряд ли стоит удивляться, что после своей речи в Американском университете Кеннеди стал объектом самых злобных нападок и угроз со стороны американской реакции. Ненависть к нему со стороны «ультра» росла с каждым днем.

Летом 1963 года по инициативе Кеннеди правительство США соглашается с предложением Советского Союза провести переговоры о прекращении ядерных

испытаний в атмосфере, космическом пространстве и под водой. С 15 по 25 июля между представителями СССР, США и Англии были проведены переговоры и согласован текст Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах.

Еще до переговоров в США вновь активизировались действия реакции, требовавшей не идти на заключение договора о запрещении ядерных испытаний. Правда, раздавались в США и другие голоса. В те дни был опубликован документ в поддержку договора, подписанный 21 крупным американским бизнесменом. В заявлении говорилось: «Эффективный договор о запрещении испытаний прогнал бы нависшую мрачную тучу, открыл бы дорогу для здравого смысла и тем самым породил бы надежду на конструктивный мир». Характерно, что заявление не было подписано ни одним представителем наиболее агрессивных групп американского монополистического капитала. Более того, Нельсон Рокфеллер показал себя открытым противником курса, взятого Кеннеди, заявив, что он-де вредит внешнеполитическим интересам США.

Напор со стороны крайне правых и военщины, требовавших от правительства Кеннеди отказа от заключения договора о запрещении ядерных испытаний, делался все сильнее. Недовольство Пентагона и ЦРУ становилось все более явным. Но Кеннеди дает указание американской делегации во главе с государственным секретарем Дином Раском отправиться в Москву для подписания Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой.

5 августа 1963 года в Москве был подписан бессрочный Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах, вступивший в силу 10 октября того же года.

Договор, заключенный в Москве, стал памятной вехой в международных отношениях. Однако осень 1963 года явилась началом ухудшения внутриполитической атмосферы в США. Если раньше реакционеры всех мастей лишь опасались «необдуманных действий» со стороны Кеннеди, то осенью, после заключения Московского договора, они начали открытую атаку на президента.

В американских газетах помещаются многочисленные «платные объявления», которые пророчат, что курс на переговоры, взятый Кеннеди, приведет к «национальной катастрофе». Эта крикливая кампания финансируется монополиями, производящими оружие. Особенно усердствуют калифорнийские и техасские миллионеры. Активизируются неофашистские организации и группы. Американцев запугивают угрозой безработицы во многих крупных промышленных центрах в случае разоружения. Кеннеди, Раска и даже Макнамару объявляют «скрытыми коммунистами». В ноябре 1963 года журнал берчистов «Американ опинион» призвал «избавить страну от Кеннеди и его соратников». Это был, по существу, плохо скрытый призыв к расправе с президентом.

Интересно, однако, что Кеннеди сумел противостоять яростным нападкам «ультра» и до конца дней считал договор о частичном запрещении ядерных испытаний своим главным успехом на международной арене. Московский договор пришелся по душе и американскому народу. В адрес конгрессменов шли тысячи писем от простых американцев, требовавших скорейшего одобрения этого договора. Под давлением общественного мнения сенат США 80 голосами против 19 ратифицировал Московский договор. Сенаторы, одобрившие договор, очевидно, учитывали, что не за горами были всеобщие выборы 1964 года. Надо было подумать о том, чтобы хоть в одном вопросе выглядеть перед избирателями в качестве поборников ослабления международной напряженности, а не подмастерьев «холодной войны».

Вскоре между правительствами СССР и США было также достигнуто соглашение «не размещать в космическом пространстве любых объектов с ядерным оружием или другими видами оружия массового уничтожения». 17 октября XVIII сессия Генеральной Ассамблеи одобрила резолюцию, в которой это соглашение закреплялось авторитетом ООН. Резолюция призывала и другие государства не выводить на космическую орбиту ядерное оружие.

19 октября 1963 года Джон Кеннеди снова выступил перед студентами одного из американских университетов. Кеннеди вновь говорил о путях дальнейшего развития внешней политики США.

«Американский орел,— сказал тогда Кеннеди,— зажал на президентской печати в своих когтях как оливковую ветвь мира, так и стрелы военного могущества. На потолке моего кабинета, построенного много лет назад, этот орел обратил свой взор на стрелы войны слева от него. Однако на более новом ковре, отражающем изменение, начало которому положил Рузвельт... этот орел уже смотрит в сторону оливковой ветви мира»...

Итак, подписание договора о частичном запрещении ядерных испытаний, принятие решения об отказе от вывода на орбиту вокруг Земли ядерного оружия и других средств массового уничтожения, установление прямой связи между Вашингтоном и Москвой — все это свидетельствовало о том, что впервые в послевоенные годы президент США подходил к решению международных проблем с более или менее реалистических позиций, и результаты не замедлили сказаться.

Однако сторонники «холодной войны», «бешеные» всех мастей в США не думали сдавать своих позиций. Для них новые тенденции во внешней политике Кеннеди оказались довольно неожиданными. Вскоре, однако, они оправились, перестроили свои ряды и с шумом ополчились на все разумное, что было сказано Кеннеди в Американском университете.

Да и миролюбивого запала у некоторых поддержавших Кеннеди американских деятелей и обозревателей хватило буквально всего на несколько недель. Если конец августа, сентябрь и начало октября 1963 года в США характеризовались довольно многочисленными высказываниями прессы и ряда политических деятелей в пользу мира, то уже в конце октября тон американской пропаганды резко изменился. Температура политического климата резко понизилась. Сторонники «холодной войны», словно сговорившись, выступили с призывами «не увлекаться», «не строить чрезмерных надежд на будущее», словом, не спешить с разрядкой международной напряженности. Уже в который раз американскому народу стали энергично «разъяснять», что за оттепелью обязательно последуют новые заморозки, а за ними и трескучие морозы.

Сам Кеннеди не проявил достаточной активности в отстаивании и развитии положительных тенденций во внешней политике США. Он, очевидно, считал, что с его

стороны уже сделаны в достаточной степени необычные шаги и что ему не следует уж слишком искушать судьбу, восстанавливая против себя еще больше лагерь крайне правой реакции. Весьма характерны настроения членов его правительства, в том числе государственного секретаря Раска и министра обороны Макнамары. Они прохладно отнеслись к вашингтонской речи Кеннеди, предпочитая делать всякого рода «успокоительные заявления», в которых довольно тонко отмежевались от его наиболее реалистических высказываний. Не исключено, впрочем, что в данном случае они являлись к тому же исполнителями воли президента, решившего, так сказать, сбалансировать свою речь более «умеренными» высказываниями своих министров.

Как бы извиняясь за слова и действия президента, 27 октября 1963 года с официальным заявлением о внешней политике США выступил государственный секретарь Раск. Причем выступил не в США, а в ФРГ, во Франкфурте-на-Майне. Похоже, что Раск намеревался одним выстрелом убить двух зайцев сразу: успокоить и американских «бешеных» и приунывших было после заключения Московского договора западногерманских реваншистов. Вот что он заявил: «Ограниченное соглашение, которого мы достигли недавно в СССР, не представляет собой разрядки напряженности... Подлинная разрядка напряженности невозможна без успехов в деле урегулирования таких важных политических вопросов, как Берлин и раскол Германии, Вьетнам, Лаос и Куба...» Раск сразу же дал понять, что все эти проблемы должны быть решены на американских условиях. Это, конечно, был явный отход от духа реалистических высказываний Кеннеди.

В Бонне с восторгом встретили речь государственного секретаря. Испытывали удовлетворение и американские «ультра». Вот как оценила речь Раска реакционная газета Херста «Нью-Йорк джорнэл американ»: «Нынешние дипломатические перспективы предвещают, что прогресс на пути лучшего взаимопонимания между Соединенными Штатами и Россией не выдержит темпов, набранных после июля нынешнего года с подписанием договора о запрещении ядерных испытаний, заключением соглашений о космосе, введением в строй линии прямой связи»...

Итак, правительству Кеннеди явно «советовали» дать «задний ход» в ослаблении международной напряженности. Более того, представители правых требовали остановить разрядку международной напряженности, а затем и покончить с ней. Особую прыткость проявляли старые соперники Кеннеди — Ричард Никсон, Нельсон Рокфеллер и набиравший силу на волне расизма сенатор Барри Голдуотер.

В октябре 1963 года Никсон пребывал в раздраженном состоянии. Ему не удалось стать ни президентом США, ни даже губернатором Калифорнии. И вот бывший вице-президент, отбросив в сторону всякую сдержанность, предпринимает фронтальную атаку на политику мирного сосуществования с Советским Союзом, на робкие шаги Кеннеди в сторону реализма. Никсон демонстрирует отношение американской реакции к Московскому договору, называя его началом «самого опасного периода холодной войны за все восемнадцать лет ее существования». Он призывает американцев не поддерживать Кеннеди, так как последний «дает возможность коммунистам удержать то, что они имеют».

7 ноября 1963 года Нельсон Рокфеллер выступил с открытым требованием «отбрасывания» коммунизма из восточноевропейских социалистических стран. Рокфеллеру не терпелось кого-нибудь «освободить», а не искать какие-то там позитивные соглашения.

Но, пожалуй, наиболее истошный крик поднял в это время представитель ультрареакционного крыла сенатор Голдуотер. Сенатор буквально-таки кипел от гнева при одном лишь упоминании о реалистических шагах Кеннеди на международной арене. Голдуотер обвиняет Кеннеди в том, что его внешняя политика является ни больше ни меньше как «самой гибельной за всю историю страны».

Излишне говорить, что Никсон, Рокфеллер и Голдуотер были, конечно, неодиноки в своих яростных нападках на Кеннеди. Вокруг них объединились все крайне реакционные силы США.

В такой острой политической обстановке, осложнявшейся к тому же расовыми волнениями в США, приходилось действовать в последние дни своей жизни президенту Кеннеди. Его выступления в пользу принятия нового гражданского законодательства еще более

разъярили расистов и «ультра». Над головой Джона Кеннеди сгущались тучи.

Расисты из южных штатов уже неоднократно угрожали Кеннеди. За два последних года пребывания Кеннеди в Белом доме секретная служба по охране президента произвела только в одном штате Техас расследование 34 угроз убить Кеннеди. Особенно участились эти угрозы в 1963 году. Конечно, не все они делались людьми уравновешенными, но было ясно, что президента хотели запугать.

19 ноября 1963 года в Белый дом поступил еще один сигнал опасности для Кеннеди. Секретарь президента по вопросам печати Пьер Селинджер получил письмо от некой жительницы Далласа. Она предупреждала: «Не позволяйте президенту приехать сюда. Я беспокоюсь за него. Я думаю, что с ним случится что-то ужасное». Это письмо Кеннеди показано не было, так как Селинджер не придал ему никакого значения.

Накануне отлета Джона Кеннеди в Даллас, как рассказывает Селинджер, он зашел в кабинет президента, чтобы попрощаться и получить кое-какие инструкции. Часы в кабинете показывали 7.30 вечера. Кеннеди сидел за письменным столом и подписывал бумаги. Он работал в очках, которые никогда не надевал на людях. Ведь в них он выглядел бы куда старше, а это могло оттолкнуть от него кое-кого из избирателей.

«Я хочу сказать: до свидания»,— обратился Селинджер к президенту. Кеннеди окинул его медленным взглядом. И в этот момент Селинджер ясно увидел, что президент устал, очень устал. «Я бы хотел не ехать в Техас»,— вдруг сказал Кеннеди. Попрощавшись затем со своим пресс-секретарем, он снова углубился в работу.

Впереди был Даллас.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если окинуть мысленным взором весь период президентства Джона Фитцджеральда Кеннеди, то ясно видно, что его политика в течение длительного времени содействовала продолжению «холодной войны». Каких-либо серьезных признаков изменений в этой политике долгое время не наблюдалось. Вместе с тем, как отмечал генеральный секретарь Коммунистической партии США Гэс Холл, уже в 1962 году правительство Кеннеди, «проводя опасную политику «холодной войны», не соглашается последовать самоубийственному совету и развязать ядерную войну уже сейчас. Проявляя колебания и маневрируя, оно все же не следует «совету» прекратить всякие переговоры с Советским Союзом». Подобного рода требования перед Кеннеди постоянно ставили ультраправые группировки США. Это давление сковывало действия президента, затрудняя, а чаще делая вообще невозможным развитие американской политики в реалистическом направлении.

Президент Кеннеди в своей деятельности был прежде всего исполнителем воли господствующей в США монополистической буржуазии. Он являлся важной, но все же лишь частью государственного механизма США. Со стороны могло показаться, что, будучи лидером самого мощного в мире капиталистического государства, президент Кеннеди был способен направлять политику США по своему усмотрению. На самом деле все обстояло иначе. Кеннеди мог это делать лишь

в крайне ограниченных рамках и только тогда, когда соразмерял свои действия с волей и желанием американского капитала. Ведь именно последний является, как уже отмечалось, основной движущей силой американской внешней политики.

Когда же в деятельности Джона Кеннеди намечались тенденции, которые приходились не по вкусу подавляющей части американской монополистической буржуазии, особенно военно-промышленному комплексу, то сразу же выявлялось, насколько президент зависит от этих сил и контролируется ими. Из союзников президента они становились его противниками. Так что для осуществления действительно смелого маневра во внешней политике США Кеннеди обладал сравнительно небольшим полем. Но даже и это поле еще больше сужалось, если принять во внимание, что сам он оставался в плену американской буржуазной идеологии, отмеченной, как известно, печатью агрессивности.

История президента Кеннеди не совсем обычна. И дело здесь, конечно, не в том, что еще совсем молодым человеком он стремительно взлетел на политическом небосклоне США как звезда первой величины, а затем погиб от руки убийц. Примерно такие же истории в США случались и раньше.

Президентство Кеннеди примечательно главным образом другим. К концу дней своих он начал понимать значение уроков лучшего учителя — повседневной жизни и стал более трезво анализировать и свои действия и действия других. Джон Кеннеди был незаурядным буржуазным политическим деятелем. Пожалуй, после президента Франклина Рузвельта это наиболее интересная политическая фигура буржуазных США.

Деятельность Кеннеди уже стала достоянием истории, однако в ней много поучительного.

Кеннеди был последовательным буржуа, когда дело касалось защиты интересов американского капитализма. Нельзя быть прогрессивным деятелем, пытаясь сохранить эксплуататорские порядки в обществе. Сегодня капитализм и общественный прогресс несовместимы. И хотя люди, подобные Кеннеди, и пытаются представить свои социальные воззрения демократичными, но на деле это не так. Миллионер и капиталист не может

быть по-настоящему демократичным, так как он присваивает результаты труда многих тысяч людей и считает это положение нормальным и, более того, единственно правильным.

Президентство Кеннеди говорит также о следующем: американский президент, приступая к своим обязанностям, сразу же подпадает под непосредственное влияние буржуазного государственного аппарата. Ему приходится, если он хочет быть в курсе внутренних и внешних событий, почти ежедневно изучать десятки докладных, подготовленных в недрах различных министерств и ведомств. Новый президент регулярно беседует с сотней высокопоставленных правительственных чиновников. Его «информируют» и «просвещают», ему «подсказывают». В значительной степени результатом подобного рода активнсго натаскивания вновь избранного президента и являлась довольно наглядная скованность его взглядов, особенно в международных делах.

После нескольких месяцев своего пребывания на посту президента Кеннеди становился все меньше похож на политика, высказывавшего порой в ходе борьбы с Никсоном в 1960 году довольно реалистические мысли. И надо сказать, что тень Д. Ф. Даллеса еще долгое время витала над внешней политикой Кеннеди, заглушая полезные ростки на ниве международной жизни. От нее Кеннеди так и не удалось целиком освободиться, хотя на третьем году своего президентства он попытался сделать это.

США — страна острейших контрастов. США — страна повышенных эмоций, где нервы людей и общества натянуты до предела. Наконец, США — это страна, где за последние годы происходит особенно резкая поляризация политических сил. Обильно вскармливаемый монополиями, укрепляет свои позиции лагерь правой реакции. Так называемые либералы в демократической и республиканской партиях все более сдают свои позиции, их все более вытесняют с важнейших государственных постов. Их положение на политической арене в подавляющем большинстве случаев дает им право критиковать, но не решать. Одним словом, расисты, «бешеные», или, как их еще называют в США, «ястребы», пока заклевали «голубей».

Такое опасное смещение баланса сил в политической жизни США в первую очередь объясняется тем, что в стране пока нет сильного левого крыла, политические деятели которого могли бы уравновешивать влияние правых. «Центр» же политических сил, если его можно так назвать, не способен противостоять постоянному крену американской внешней и внутренней политики вправо. Если временами отдельным реалистически мыслящим американским политикам и удается его несколько выправить, то обычно это происходит ненадолго, и крен вскоре опять возобновляется.

Картина американской политической жизни пестра и многообразна. Ее мозаика нередко режет глаз. Порой нелегко разглядеть реальное положение вещей в хаотическом нагромождении фактов. Тем более что некоторые из этих фактов в силу ряда причин оказываются как бы выхваченными из темноты лучом сильного прожектора. Другие, наоборот, как бы затянуты густой пеленой тумана.

В этих условиях разглядеть положительные сдвиги во внешней политике США нелегко. Но когда они имеют место, то в Советском Союзе воздают им должное. В телеграмме Советского правительства новому президенту США Линдону Джонсону от 23 ноября 1963 года не случайно отмечалось, что убийство президента Кеннеди произошло в период, когда наметились признаки смягчения международной напряженности.

Можно было опасаться, что политические силы в США, не согласные с разумными тенденциями в американской внешней политике, начнут с новым рвением действовать совсем в другом направлении — нагнетать международную напряженность. Так оно и случилось. Сказав немало прочувствованных слов в адрес убитого президента, американская политическая верхушка взяла курс на то, чтобы вызвать новое обострение международных отношений. Расчет на голую военную силу стал пронизывать всю американскую внешнюю политику, особенно во Вьетнаме.

Один из основных советников убитого президента, Роджер Хилсман, недавно признал, что если Кеннеди, как он неоднократно заявлял, не хотел превращения войны во Вьетнаме в американскую войну, то прези-

дент Джонсон «инстинктивно» склоняется в пользу военного решения проблемы Вьетнама.

Открыто милитаристский подход к международным отношениям нового хозяина Белого дома, подкрепленный глобально-полицейскими доктринами госдепартамента США, сделал свое дело. Вашингтоном была вовсю раздута так называемая локальная «горячая война». По замыслу ее вдохновителей она должна была продемонстрировать всему миру силу и могущество США. Случилось же обратное. Американская политическая верхушка выставила на всеобщее обозрение свое бессилие и крайнюю недальновидность. Она задалась целью ценой жизни десятков тысяч людей, в том числе и американцев, доказать, что Вашингтон в состоянии навязать свободолюбивому народу, проживающему за многие тысячи километров от США, техасские порядки. Вместо этого американские империалисты по уши увязли в болоте преступной и совершенно бесперспективной вьетнамской авантюры.

Американскому империализму уже не под силу роль некоего распорядителя международных отношений. Ему противостоит могучий союз сил социализма и других миролюбивых государств. В пагубности нынешнего курса вашингтонских крестоносцев «горячей войны» все больше убеждаются трезвомыслящие представители западноевропейской буржуазии. Официальный Вашингтон во все большей степени оказывается в глухой изоляции.

Логика истории послевоенных лет говорит о том, что если улучшение отношений между СССР и США все еще является вопросом будущего, если эта возможность пока не стала реальностью, то повинны в этом те американские руководители, которые, на словах высказываясь за укрепление мира, в действительности изо всех сил расшатывают устои этого международного мира, делая все, чтобы его подорвать.

Традиционный черный цилиндр, символизирующий деятельность дипломатии, в настоящее время отброшен политической верхушкой США в сторону. На самодовольное чело американской внешней политики надета тяжелая стальная солдатская каска. Американские дипломаты произносят воинственные речи. Генералы стали чуть ли не основными политическими советниками

Белого дома. Влияние военно-промышленного комплекса достигло невиданного масштаба.

Такова внешняя политика США в наши дни. Чтобы она изменилась в лучшую сторону, потребуется, конечно, не только отход старых ее авторов от агрессивных настроений, что крайне сомнительно, и появление новых, трезвомыслящих авторов, но и, главное, дальнейшее укрепление сил и единства социализма и прогресса на международной арене.

Громыко Анатолий Андреевич
1036 ДНЕЙ ПРЕЗИДЕНТА КЕННЕДИ

Редактор *Вадеев О. В.*
Художник *Симагин Н. Н.*
Технический редактор *Мухин Ю. А.*

Подписано в печать с матриц 11 октября 1968 г. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 15,54. Учетно-изд. л. 14,47. Тираж 200 000 (100 001—200 000) экз. А05864. Заказ № 2021. Цена 71 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

Анатолий Андреевич Громыко родился в 1932 г. Окон[illegible]чил Московский Государст[illegible]ный институт международных отношений, кандидат юридических наук, доцент. Совмещает научно-педагогическую деятельность с журналистикой, печатается в советских периодических изданиях; в 1957 г. опубликовал монографию «Конгресс США». С 1961 [illegible] Анатолий Гро[illegible] на дипломатическ[illegible] Великобритании. Несколько раз выезжал в США и страны Африки. С 1966 г.— заведующий сектором международных проблем Института Африки. С 1968 года — заведующий сектором Института по США Академии наук СССР.

71 коп.